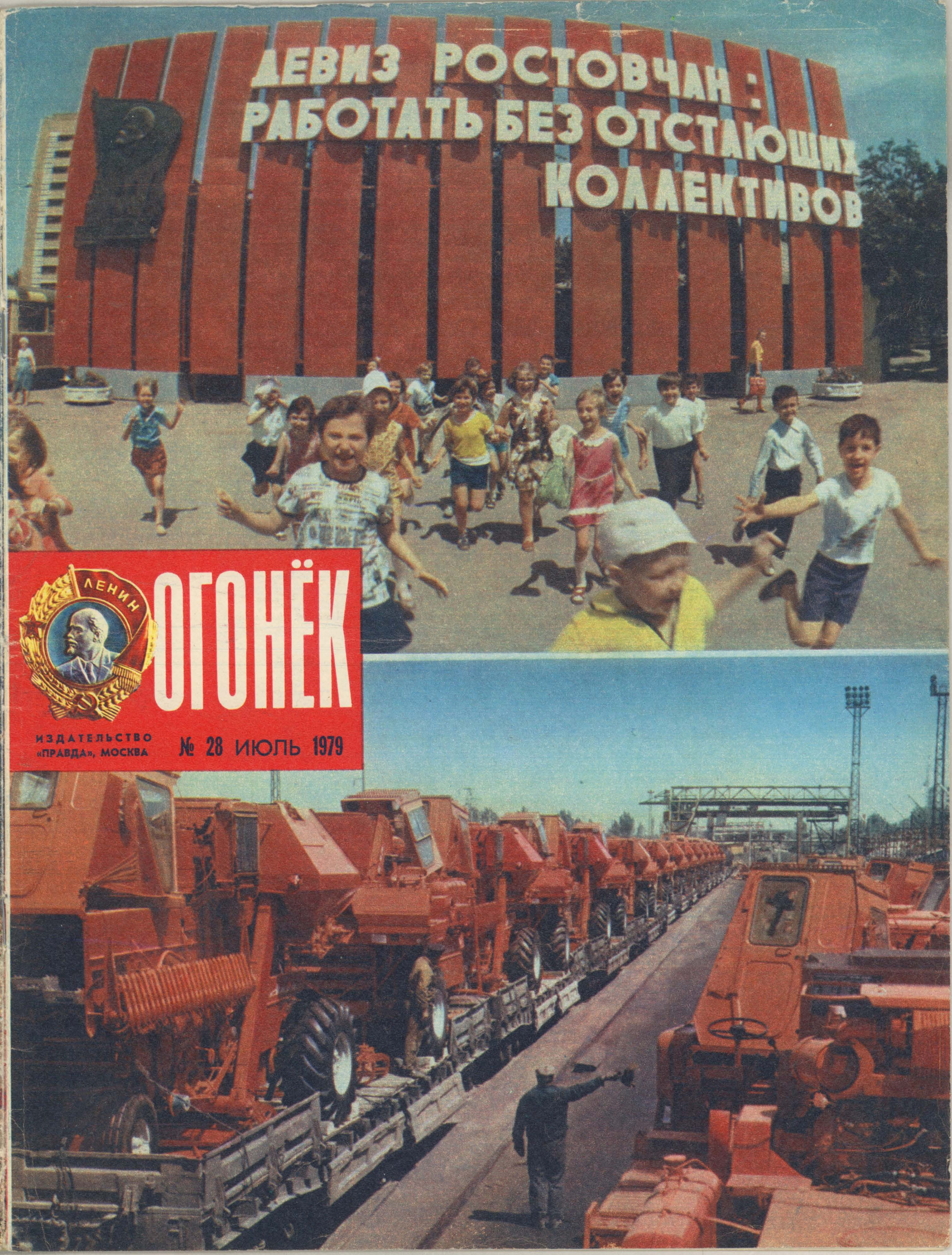
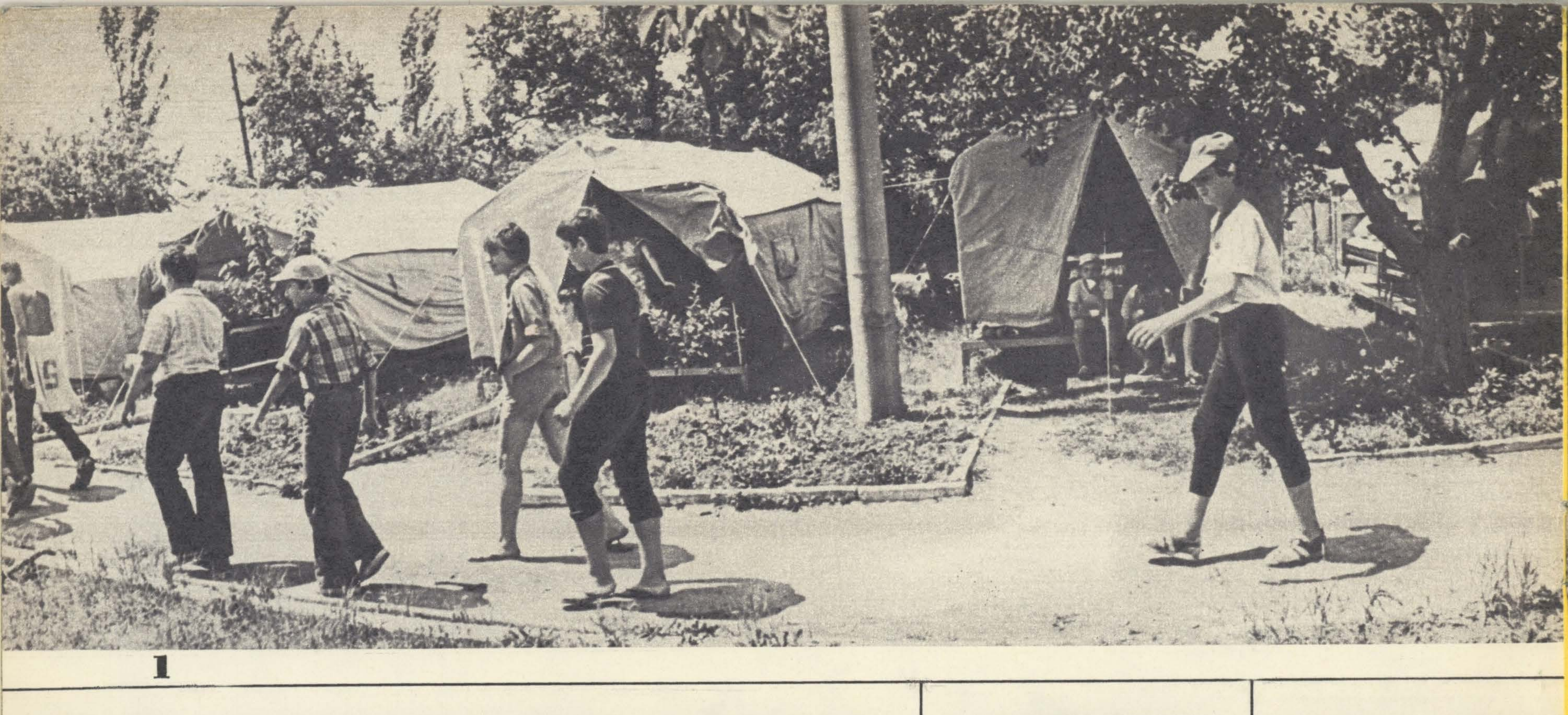

ДЕВИЗ РОСТОВЧАН: РАБОТАТЬ БЕЗ ОТСТАЮЩИХ КОЛЛЕКТИВОВ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 28 ИЮЛЬ 1979

1

2

1
Палатка — лучший дом.

2
Болельщики.

3
После трудового дня приятно искупаться!

4
Собирают клубнику.

5
Подъем!

4

У каждого своя звезда

3

5

Ю. КОЗЛОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

РОМАНТИКА

— Представляете,— это рассказывает начальник летнего молодежного трудового лагеря «Ровесник» завода «Днепроспецсталь» имени Кузьмина Тамара Григорьевна Каменева,— говорю ребятам: на будущий год будем жить в домиках! А они хором: «Не хотим! Лучше в палатках!» Спрашиваю у горниста Вовы Мо-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2713)

7 ИЮЛЯ 1979

розова, чем лучше в палатках-то? Отвечает: «Вверху брезент порвался, дырка... Здорово! Лежу и смотрю на звезды... А через деревянную крышу разве звезды увидишь?»

...Вечер. Скоро Вова Морозов сыграет отбой. Над лагерем плывут облака. Заходящее солнце делает их похожими на невиданных розовых птиц. Изредка по живой стене кустарника, отделяющей лагерь от дороги, пробегает ветер.

— Ну, какая у нас романтика?— обводит рукой лагерь Тамара Григорьевна.— А вот тем не менее... Многие городские ребята до пятнадцати-шестнадцати лет дожили и ни разу не видели настоящего рассвета! Проводим для таких операцию «Заря». Рано-рано — подъем! Идем тихонько на берег Днепра. В рощу. Смотрим, как солнце встает... А сколько потом поэтов, художников у нас появляется! Собрать все стихи, рисунки за те годы, что лагерь существует, получится толстая книга.

Ночью облитые лунным светом палатки напоминают старинные шатры. Любой шорох звучит таинственно. Даже кошка, на которую днем не обращаешь внимания, кажется сказочным зверем...

— Лагерные астрономы,— продолжала Тамара Григорьевна,— подсчитали: ночью территорию «Ровесника» освещают восемьдесят две звезды! У каждого своя звезда. Впрочем,—добавила она,— сейчас нам некогда звезды считать. Надо работать, помогать экспериментальному хозяйству «Рассвет», с которым у нашего лагеря трудовой договор.

ТРУД

В родительский день наблюдал такую сцену. На лавочке беседовали мать и дочь. Мать достала из сетки два бидончика. «Что это?»— спросила дочь. «Клубника, черешня,— ответила мать.— С дачи...» «Мама, мама,— вздохнула дочь.— Моя бригада сейчас в саду работает. Вчера клубнику собирали, сегодня черешню... Нашла, что привезти!— заглянула в бидончики.— Мелкая. Наша крупнее и вкуснее! Потом смородину, яблоки, груши будем собирать...»

Ребята распределены на девять соревнующихся бригад. Вожаков выбирают сами. Работа ежедневно оценивается на совете лагеря. Кто больше баллов набрал — тот победитель, тому утром поднимать флаг. Кроме сада, заняты и на прополке. За школьниками закреплено сто двадцать гектаров кукурузы.

— Лагерь для нас большое подспорье,— говорит директор хозяйства Валентин Ильич Никитин,— только в саду ребята в прошлом году заработали девять тысяч триста рублей. А ягоды собирать дело хлопотное, трудоемкое. Одно дело молодому нагибаться, другое дело, если тебе за сорок! Чисто, аккуратно ребята работают. И с азартом. А в хозяйстве люди высвобождаются для других дел, требующих более высокой квалификации и знаний.

...Утро. Клубничное поле. Белые панамки, загорелые плечи. Красные от ягод руки и губы.

— Тяжело?— спрашиваю у бригадира Вани Калмыкова.

— Нормально,— отвечает Ваня,— если нет работы, отдых скучным кажется. А работа скучной, если нет стимула. Вот возьмем по лагерю первое место, больше всех баллов наберем, на зимние каникулы поедем всей бригадой в путешествие. Разве плохо?

Тамара Григорьевна считает: чтобы отдых в лагере был интересным, взрослые тоже должны немножко быть детьми.

— Все время придумывать чтото новое, стараться делать так, чтобы ни секунды не было скучно! Но и попусту тратить время не следует. Надо, чтобы во время отдыха ребята приобретали опыт, знания, которые пригодились бы им в жизни.

«Учись самостоятельности. Не забывай, что не всегда рядом будет мама, которая поможет убрать, приготовить, сшить платье. Учись этому сама. Не умеешь — поможем». Это из устава клуба девушек «Ассоль». Сюда на занятия ходят все девочки лагеря. Мальчики заглядывают в окна. Интересно!

— Раньше и не думала, что это целая наука: готовить, сервировать стол, пользоваться ножом и вилкой, правильно вести себя на людях,— сказала девятиклассница Света Кожурова.— Я теперь все, что угодно, приготовить могу! Вот, наверное, мама обрадуется!

Большинство ребят в лагере — дети металлургов. Осенью, зимой, весной занимаются в клубе юных техников при заводе «Днепроспецсталь». Летом занятия кружков — чеканки, фотолюбителей, судостроения, киномехаников, юных металлургов и других — продолжаются непосредственно в лагере. И, конечно, всевозможные спортивные секции, товарищеские встречи с командами соседних лагерей, турниры, соревнования...

— У каждого из нас свои планы,— сказал председатель совета лагеря Олег Олексеенко.— Многие как раз сейчас решают: что делать дальше: работать, учиться? Жора Кулачков, например, уже работает помощником сталевара. Во время учебного года занимаемся в кружках с пользой для будущей специальности. И, что очень ценно, летом тоже времени не теряем.

Скоро обед.

— САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

— это вовсе не значит предоставить ребят самим себе,— считает Тамара Григорьевна.— Это значит направить их силы, молодую энергию им же на пользу. Подготовить ребят к жизни в трудовых коллективах, открывать перед ними реальную картину мира, научить подчинять личные интересы общественным нуждам, отвечать за свои поступки — вот задачи лагеря. Самостоятельность — необходимое условие их выполнения...

Она тут проявляется, как говорится, на каждом шагу. Спортивная площадка, построенная на месте свалки. «Зеленый театр» — его тоже строили сами. Недавно посадили на территории лагеря две с половиной тысячи цветов — тоже ведь самостоятельность.

— Хорошо, когда тебе доверяют,— сказал Олег Олексеенко,— сразу чувствуешь себя взрослым, сознаешь ответственность за порученное дело... Мы каждый день собираемся на совет лагеря, бригадиров заслушиваем. Порядок такой: каждый бригадир сам для своей бригады баллы просит. Так вот, почти не бывает случая, чтобы просили больше, чем заслужили. Значит, самостоятельность воспитывает принципиальность, честность, порядочность.

И еще об одной стороне самостоятельности школьников рассказал заместитель директора завода «Днепроспецсталь» Петр Емельянович Волик. Однажды ребят из кружка юных металлургов провели по заводу и познакомили с «узкими местами». Сказали: думайте, предлагайте! Через некоторое время школьники подали предложения. Одно—захват для горячего металла — оказалось очень дельным. Сейчас его внедряют в производство.

В лагере было двое из авторов изобретения: Олег Олексеенко и Саша Варванец.

— Захват — вчерашний день,— сказал Олег,— сейчас другую штуку обдумываем... Поинтересней будет! При случае расскажу!— Олег спешил. Вечером кино. А после танцы...

В Москве 28 июня закончилось XXXIII заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи, проходившее на уровне глав правительств.

Участники заседания отметили 30-летие первой в мировой истории организации многостороннего экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран. Они обсудили деловые вопросы, решение которых укрепит содружество социалистических стран.

Деятельность Совета, отмечалось на заседании, способствует дальнейшему сплочению братских стран, углублению и повышению эффективности их сотрудничества, усилению влияния социализма на мировое развитие, утверждению в международных отношениях принципов равноправного взаимовыгодного сотрудничества.

Сессия рассмотрела и одобрила долгосрочные целевые программы сотрудничества (ДЦПС) по удовлетворению рациональных потребностей стран — членов СЭВ в промышленных товарах народного потребления, по развитию транспортных связей. Одобрены также меры по производству машин и оборудования для обеспечения реализации задач, предусмотренных в ДЦПС.

На сессии констатировано, что за минувшие 30 лет содружества народы братских стран под руко-

---

БЕСЕДА В

30 июня в Кремле состоялась беседа члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с председателем совета министров Италии Дж. Андреотти и министром иностранных дел Италии А. Форлани, находившимися в Москве по пути из Токио в Рим.

В беседе, прошедшей в деловой, дружественной обстановке, приняли участие заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. В. Мартынов и министр казначейства Италии Ф. М. Пандольфи.

Стороны с удовлетворением от-

---

3 июля в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК Компартии Вьетнама, Премьер-Министром правительства Социалистической Республики Вьетнам Фам Ван Донгом, во главе делегации СРВ принимавшим участие в работе XXXIII сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

В ходе беседы, прошедшей в деловой, товарищеской обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам советско-вьетнамских отношений, а также по ряду международных проблем, в том числе о положении в Юго-Восточной Азии.

Высоко оценив состояние братских отношений и всестороннего сотрудничества между СССР и СРВ, стороны обсудили вопросы дальнейшего расширения и совершенствования экономических и научно-технических связей между двумя странами как на двусторонней основе, так и в рамках Совета Экономической Взаимопомощи.

При обсуждении международных проблем основное внимание было уделено вопросам дальнейшего углубления процесса разрядки, упрочения мира и международной безопасности, актуальным мерам по ограничению гонки во-

водством своих коммунистических и рабочих партий осуществили коренные социально-экономические преобразования, успешно решают задачи строительства социализма и коммунизма.

Сессия рассмотрела ход реализации ранее утвержденных ДЦПС и координации народнохозяйственных планов на 1981—1985 годы.

Был подписан ряд многосторонних соглашений и поставлена задача ускорить подготовку всех других соглашений, направленных на осуществление целевых программ.

На заключительном заседании присутствовали товарищи А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Б. Н. Пономарев, Н. А. Тихонов, К. В. Русаков.

Главы делегаций НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, Республики Куба, МНР, ПНР, СРР, СССР, ЧССР, а также СФРЮ подписали протокол сессии.

Сессия приняла заявление о тридцатилетии СЭВ и коммюнике.

Участники сессии единодушно выразили убеждение в том, что дружба и сплоченность стран — членов СЭВ будут крепнуть и развиваться, а их сотрудничество поднимется на новую, более высокую ступень.

БРАТСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ КРЕПНУТЬ

Во время подписания документов сессии.

Фото А. Гостева

КРЕМЛЕ

метили благоприятное развитие советско-итальянских отношений во всех областях и выразили обоюдную готовность СССР и Италии продолжать усилия по углублению взаимовыгодного сотрудничества между ними в интересах народов обеих стран.

Итальянские руководители приветствовали итоги встречи в Вене между Л. И. Брежневым и Дж. Картером, дали высокую оценку новому советско-американскому Договору об ограничении стратегических наступательных вооружений. По убеждению сторон, этот договор служит стимулом для повышения эффективности переговоров по различным аспектам разоружения, укрепляет политику разрядки и оздоровления всего международного политического климата.

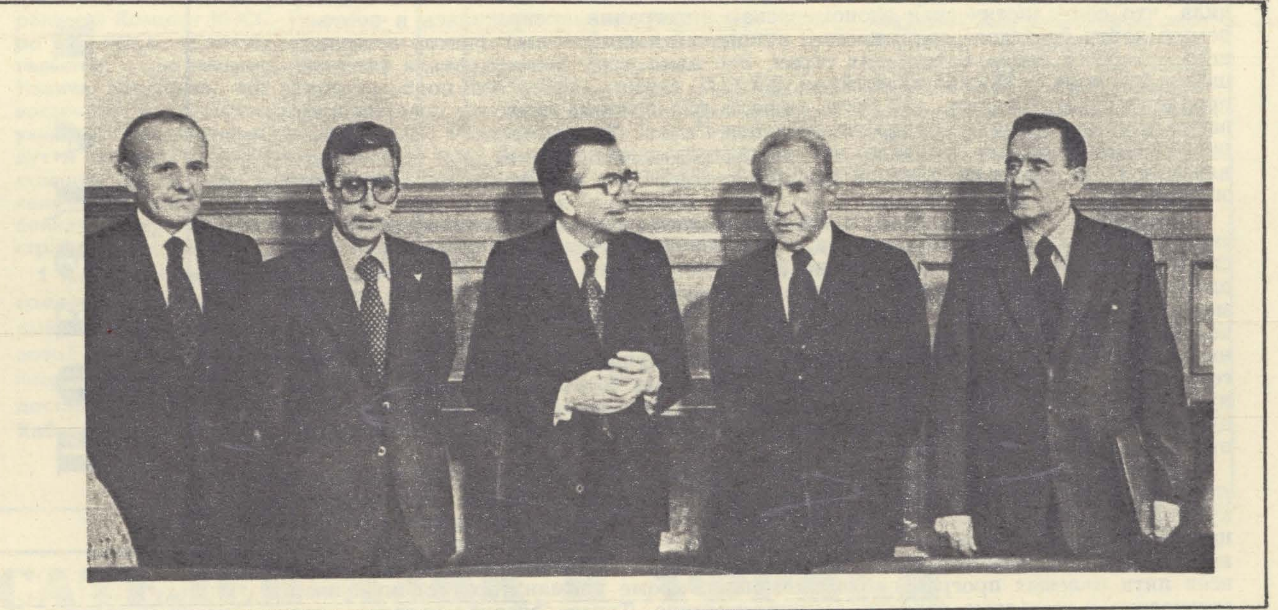

Фото А. Гостева

ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

оружений и разоружению. Вьетнамская сторона приветствовала подписание Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений. Советская сторона высоко оценила справедливую позицию и конкретные предложения правительства СРВ на проходящих сейчас вьетнамо-китайских переговорах.

Беседа между А. Н. Косыгиным и Фам Ван Донгом продемонстрировала единство взглядов сторон по затронутым проблемам, их обоюдное стремление крепить братскую дружбу, развивать всестороннее сотрудничество и содействовать упрочению мира и безопасности в Юго-Восточной Азии и во всем мире.

В беседе приняли участие: с советской стороны — заместители Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Н. К. Байбаков и другие официальные лица; с вьетнамской стороны — член Политбюро ЦК КПВ, заместитель Премьер-Министра правительства, председатель Госплана СРВ Ле Тхань Нги и другие официальные лица.

Во время беседы.

Фото А. Гостева

МОГУЧИЙ УСКОРИТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Николай НОВИКОВ

СЭВ. Эти три буквы стали символом новых, подлинно демократических международных экономических отношений. Совет Экономической Взаимопомощи, объединяющий десять социалистических стран Европы, Азии и Латинской Америки, построен на принципах добровольности, суверенитета, равноправия, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды. Ныне это великое социалистическое содружество предстает перед всем миром как самая динамичная, самая устойчивая и прогрессивная экономическая сила. «Наше социалистическое содружество,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своем приветствии участникам XXXIII сессии Совета Экономической Взаимопомощи,— отличают гармоническое сочетание национальных и интернациональных интересов, уважение взглядов и национальных особенностей каждой отдельной страны». Таких отношений между государствами мир прежде не знал.

За тридцать лет существования СЭВ жизнь со всей очевидностью подтвердила, что социалистическая экономическая интеграция превратилась в неотъемлемую черту братского содружества, в мощный и стабильный фактор всестороннего прогресса социалистических стран. Это ярко продемонстрировала закончившаяся 28 июня в Москве юбилейная, XXXIII сессия СЭВ. Она подвела итоги пройденного за тридцать лет пути, решила ряд важных вопросов совершенствования взаимодействия государств — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Участники сессии отмечали, что за сравнительно короткий срок страны, входящие в СЭВ, стали монолитной группой государств с прогрессивной структурой экономики.

Коренные преимущества социализма, международных отношений нового типа обеспечили замечательные результаты экономического развития стран братского содружества. Приведем только некоторые цифры. Страны СЭВ ныне дают одну треть мирового производства стали, изготовляют свыше одной четверти металлообрабатывающего оборудования, на их долю приходится две пятых производства минеральных удобрений. Весьма показательны и такие сравнения. Страны СЭВ выпускают сегодня промышленной продукции в 2,1 раза больше, чем государства — участники Общего рынка, в 1,5 раза больше, чем США. При этом нужно учитывать, что еще не так давно многие из государств, вступившие на путь социалистического развития, были отсталыми в промышленном отношении, преимущественно аграрными.

Живая практика деятельности СЭВ показала, что основополагающей целью сотрудничества братских стран является всемерное повышение материального и культурного уровня трудящихся. Это отражено в целевых программах, касающихся развития производства товаров народного потребления, сельского хозяйства и пищевой промышленности. На XXXIII сессии СЭВ закончилась подготовка всех пяти целевых программ, охватывающих, кроме упомянутых, топливно-энергетические и сырьевые отрасли, машиностроение. Теперь главная задача — развернуть долгосрочные программы в систему конкретных соглашений, превратить две предстоящие пятилетки в период интенсивной производственной и научно-технической кооперации. В дни сессии было подписано 14 соглашений по реализации ряда мероприятий, предусмотренных долгосрочными программами, в том числе крупномасштабное соглашение о кооперации в производстве оборудования для атомных электростанций.

Верные принципам социалистического интернационализма, участники юбилейной сессии сочли своим долгом оказать всемерную помощь Вьетнаму, отразившему нападение китайских агрессоров и твердо отстаивающему свое право на свободу и независимость. Сессия решила распространить на СРВ принципиальные положения Комплексной программы социалистической экономической интеграции о специальных мерах по ускорению развития ее народного хозяйства, как это сделано в отношении Монгольской Народной Республики и Кубы.

Накануне юбилейной сессии СЭВ был подписан Договор об ОСВ-2, имеющий большое значение для оздоровления всего международного политического климата. В итоговом коммюнике сессии отмечен выдающийся вклад КПСС, Советского Союза в заключение Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений, в дело мира и разрядки.

Развитие сотрудничества братских стран осуществляется в интересах всеобщего мира и безопасности народов. Сплоченность и единство государств социалистического содружества — залог новых побед сил, борющихся за укрепление международной разрядки, за чистое небо над нашей планетой.

Уверенным шагом идут вперед страны нового мира. Темпы нашего экономического развития, наши колумбы космоса, проникновение наших ученых в тайны атомного ядра, успехи стран социалистического содружества в борьбе за мир и международную безопасность, неуклонный рост его авторитета на всех материках земного шара — все это вместе подтверждает справедливость глубочайшего исторического вывода: главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. И тот факт, что Европа уже тридцать пятый год живет в условиях мира,— это результат прежде всего коренного изменения соотношения сил на международной арене в пользу мира, социализма и прогресса, результат огромных усилий стран социалистического содружества, других миролюбивых государств и народов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПОЕЗДА ИДУТ К ОКЕАНУ

Собственный корреспондент «Огонька» на Дальнем Востоке В. КУЗНЕЦОВ передает с восточного участка Байкало-Амурской магистрали

Ни дождь, ни ветер не смогли помешать праздничному митингу, состоявшемуся в бамовском поселке Ургал 30 июня. В пятисоткилометровый путь по дальневосточному железнодорожному кольцу уходили первые поезда! Пассажирский — с почетными гостями и героями строительства Байкало-Амурской магистрали — и товарняк, груженный лесом.

Сразу за разъездом Нальды начинается подъем. За окнами — скалы. На них следы, оставленные ковшами экскаваторов. Здесь работали воины-железнодорожники. Им были доверены важнейшие участки магистрали.

Все дальше на восток, к океану, спешат поезда. Позади станции Дуссе-Алинь, Сулук, Могды, Орокот. И вот за поворотом показался разъезд Уркальту. Остановка...

Именно здесь дальневосточное кольцо Байкало-Амурской магистрали замкнулось «серебряным звеном». Его уложило подразделение офицера В. М. Каждана.

Навсегда запомнили строители далекий февральский день 1975 года, когда на ургальскую землю легло первое звено будущей дороги. И вот дорога построена! В сложных климатических условиях возведено более 250 искусственных сооружений, двенадцать железнодорожных мостов общей протяженностью в 4530 метров, пробит тоннель через Дуссе-Алиньский хребет.

«Досрочное открытие движения поездов по новой железнодорожной линии — результат широко развернувшегося действенного со-

В Луанде, столице Анголы, проходила VI конференция писателей стран Азии и Африки, в которой приняли участие представители более 60 стран мира. В своих выступлениях литераторы двух континентов подчеркивали необходимость активной наступательной позиции писателей в борьбе за новую жизнь, против империализма, колониализма и расизма, за национальное возрождение и укрепление суверенитета.

На конференции состоялись выборы в руководящие органы Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Ее генеральным секретарем единодушно избран всемирно известный южноафриканский писатель и борец против системы апартеида Алекс ла Гума, его заместителями — Луандино Виэйра (Ангола), Камиль Яшен (СССР), Мукерджи (Индия) и представитель арабского народа Палестины.

В принятой генеральной декларации участники форума одобрили подписание Договора ОСВ-2 между СССР и США. Путь к этому событию, говорится в документе, был проложен миролюбивыми людьми планеты, которые высоко ценят решающий вклад Советского Союза в достижение этого важного соглашения.

Писатели Азии и Африки выразили солидарность с борьбой народов юга Африки.

На разъезде Уркальту укладывают «серебряное звено».
Телефото А. Шляхова (ТАСС)

циалистического соревнования, которое на практике убеждает, каким мощным рычагом оно является в ускорении строительства объектов, а также большой организаторской и массово-политической работы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций стройки, партийных и советских органов Хабаровского края»— это слова из приветствия Леонида Ильича Брежнева участникам строительства Восточного участка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. На митинге приветствие зачитывает член ЦК КПСС, первый секретарь Хабаровского крайкома партии А. К. Черный. От имени собравшихся, от всех строителей восточного участка БАМа он заверяет Центральный Комитет КПСС, Политбюро ЦК КПСС, Советское правительство, лично товарища Леонида Ильича Брежнева, что строители восточной части магистрали приумножат накопленный опыт, будут и впредь успешно решать стоящие перед ними задачи, сделают все необходимое, чтобы Байкало-Амурская магистраль быстрее начала служить стране.

1 июля поезда прибыли в Комсомольск-на-Амуре. Торжественный митинг — и снова в путь! Грузовой проследовал в порт Ванино, пассажирский замкнул кольцо — доставил гостей и строителей в Хабаровск.

ВСТРЕЧА НАВСЕГДА

Неповторимые студенческие годы! Они тем более незабываемы, если ты открывал не только мир знаний, но и другую страну, ее обычаи, ее народ.

— Я мог поехать на учебу в США, — говорит Аддис Белуи из Эфиопии, выпускник Московского института народного хозяйства имени Плеханова, — но предпочел Советский Союз. Ведь будущее моей родины — социализм. И главное, что я понял здесь и что скажу землякам, — путь наша страна выбрала верный.

«Аддис» в переводе значит «Новый». Новую жизнь поедет строить молодой «магистр экономики», как записано на английском и на русском в его дипломе.

А в семье Махмудура Рахмана из Бангладеш это будет уже не первый советский диплом.

— Старший брат закончил МЭИ несколько лет назад,— рассказывает Махмудур.—Диплом, полученный в СССР, ценится у нас высоко!

Он показывает мне адреса своих друзей, аккуратно записанные в блокнот: Наташи Березиной, Нелли Кройцберг...

— Мы вместе учились в институте инженеров сельскохозяйственного производства, они мне здорово помогли. В июле расстаемся, но, думаю, ненадолго: у меня направление в аспирантуру.

Специальность, друзей и... свое счастье обрели в Москве Нгуен Монг Зунг и ее соотечественник Нго За Бао. Родились и выросли они почти на соседних улицах Ханоя, а встретиться пришлось за тысячи километров! Дома сейчас готовятся к свадьбе.

— Надо ли говорить, как дорога нам Москва! — улыбается Бао. — Я закончил МАДИ, буду конструктором наземных сооружений аэродромов. Зунг училась во ВГИКе.

— На актрису?

— Нет, — отвечает Зунг,— на экономическом факультете, буду занята в кинопрокате. Пять киностудий Вьетнама выпускают больше двадцати фильмов в год, так что работы достаточно.

— А Зунг вполне бы смогла стать актрисой, — добавляет Бао, — посмотрите, какая красивая!..

С этими ребятами я познакомился на торжественном вечере выпускников московских вузов из зарубежных стран, который состоялся 28 июня в Центральном Доме работников искусств. 2600 инженеров, экономистов, агрономов, врачей, физиков, химиков из Азии, Африки и Латинской Америки подготовили в нынешнем году столичные вузы. Это лишь небольшая часть студентов-иностранцев, обучающихся в нашей стране, причем по тем специальностям, которые особенно необходимы у них на родине.

...Голубая июньская ночь слушала, как стучат по пустынной мостовой их шаги. Ребята прощались с Москвой и запоминали ее — навсегда.

Б. ЛАБУТИН

ФОРУМ ПИСАТЕЛЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

В зале заседаний VI конференции писателей стран Азии и Африки.

Группа делегатов на улицах Луанды. **Фото А. Карзанова**

СЧАСТЬЕ МОЕ — ДЕТИ

АЗЕРБАЙДЖАН

В Ленкоранском районе только после 1976 года высокого звания «Мать-героиня» удостоены 1106 женщин. Среди них чаевод совхоза имени XXIV партсъезда Ханзада Исмаилова, мать 16 детей — семи сыновей и девяти дочерей. Отец, Иса Киши, работает водителем в том же совхозе.

Старшая дочь, Забита,— бухгалтер, Закира — библиотекарь. Бейзада пошла по стопам матери, работает чаеводом. Ризван учится в Ленкоранском совхозе-техникуме, хочет стать агрономом.

Младшие дети — Махмира, Мехман, Сеидхан, Аслан, Афган, Хатира, Эльнара, Эльдуза и Сахила — школьники. А самые маленькие — Алияр, Рахим и Сафура — пока дома.

— В большой семье и заботы большие,— сказала Ханзада Исмаилова.— Но нам, родителям, во всем помогают дети. Они очень дружны. Старшие заботятся о младших.

В вечерние часы, когда все в сборе, я смотрю на свою большую семью и радуюсь,— продолжает Ханзада-ханум.— Много детей,— большое счастье!

Этибар АГАДОВ

ИСПЫТАНИЕ ХОЛОДОМ

НОВОСИБИРСК

Минувшая зима испытывала на прочность дома и мосты, трубы и линии электропередач, сооружения из камня и дерева, испытывала, наконец, и нас самих. Температура то падала до минус сорока, то подпрыгивала почти до плюсовой. Говорят, такое бывает редко. Но, однако же, бывает? И потому в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта несколько лет назад была создана лаборатория под названием «Холод». Здесь моделируются всевозможные зимние условия, в которых испытываются различные конструкции, относящиеся к железнодорожному строительству.

— Видимо, в связи с возникновением БАМа работы у вас прибавилось? — спросил я заведующего лабораторией Виктора Павловича Иванченко.

— Наша лаборатория,— ответил он,— организована специально для решения проблем этой стройки. Все без исключения материалы, которые идут на БАМ, проходят проверку в наших холодильных установках. Мы испытывали, например, железобетонные шпалы и резиновые прокладки для них, вагоны-рефрижераторы, модели насыпей и многое другое.

— Неужели вот здесь,— показал я на холодильник, с виду похожий на большую бочку,— можно создать якутскую зиму?

— Ну, это слишком просто,— снисходительно ответил Иванченко,— здесь мы можем моделировать не только зиму, которая и не снилась якутам, но и Сахару, которая не снилась бедуинам. Установка способна работать в диапазоне от минус ста восьмидесяти градусов до плюс трехсот...

Я поежился и отошел в сторону. К холодильной камере подкатывали деталь снегоуборочной машины, в которой вместо стальных щеток поставили капроновые. Их-то и собирались испытывать.

Ю. ЛУШИН, фото автора

«НЕОБХОДИМА, КАК ВОДА И ВОЗДУХ...»

«Ветеринария — на благо человечества». Под таким девизом 1 июля в Кремлевском Дворце съездов начал свою работу XXI Всемирный ветеринарный конгресс.

Корреспондент «Огонька» обратился к главному редактору журнала «Ветеринария» Л. БЕСПАЛОВУ с просьбой рассказать об этом конгрессе.

— Сегодня почти половину ветеринарных врачей планеты составляют специалисты Страны Советов. Их нелегкий труд заставил забыть советских людей об опустошительных эпизоотиях сибирской язвы, сапа, чумы рогатого скота и свиней, оспы овец и многих других опасных болезней.

«Весь мир знает о достижениях физики, химии, математики, астронавтики... Но не надо забывать и о других науках, тех, которые искони служат человеку и которые необходимы ему, как вода и воздух, как земля, по которой мы ходим». Эти слова выдающегося советского ученого академика К. И. Скрябина адресованы ветеринарной науке и практике.

В СССР созданы благоприятные условия для развития ветеринарии,— действуют десятки исследовательских учреждений, работает большая армия ученых. Сегодня трудно себе представить мировую ветеринарную науку без того фундамента, который заложили наши выдающиеся отечественные исследователи. Это прежде всего основоположник советской гельминтологии Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии академик К. И.

«РОВЕСНИКИ» С АМУРА

БЛАГОВЕЩЕНСК

Он стоит в центре большой хореографической студии Дворца пионеров, наблюдая, как занимаются его питомцы. Вячеслав Васильевич Белоглазов — кандидат педагогических наук, руководитель самого крупного на Дальнем Востоке детского хореографического ансамбля «Ровесники». О чем он думает в такие минуты? Наверное, о судьбах своих воспитанников. Он видит каждого, чувствует таланты. Знает: кто с детства фанатично предан танцу, тот от своего не отступится. Такими ребятами он, Белоглазов, гордится, хоть и не задается целью вывести всех на большую сцену. Главное, по его мнению, — занять ребят, привить им любовь к искусству, к прекрасному.

А еще Белоглазов считает: ребятам обязательно нужно внушить, что хореография — это прежде всего труд. Ежедневный, порой мучительный, но прекрасный труд. Тщательная, длящаяся иногда месяцами отработка элементов, которые потом сложатся в красивый танец. Белоглазов учит труду.

Более десяти лет существует в городе Благовещенске ансамбль «Ровесники». Тысячи школьников связали с ним свои биографии. Сегодня многие из тех, кто первым пришел в ансамбль, учатся в хореографических училищах, стали студентами институтов культуры.

Идут занятия младшей группы мальчиков. Их проводит Николай Михайлович Виноградов, а Белоглазов сел в сторонке и следит за танцами. В такие минуты он держит в поле зрения всех. Потом, в конце занятий, он устроит разбор танца, многим укажет на недостатки, подчеркнет успехи. А мне, отведя в сторону, тихонько назовет нескольких мальчишек, из которых, по его мнению, выйдут хорошие танцоры...

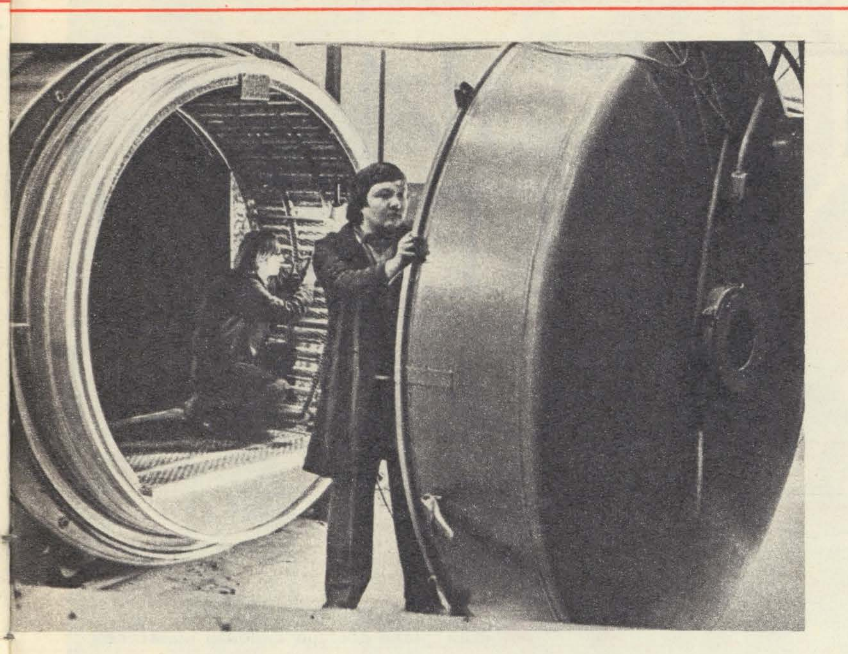
В. АФАНАСЬЕВ, фото автора

На снимке: занятия «Ровесников».

КОНЦЕРТЫ И

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

Скрябин, эпизоотолог академик С. Н. Вышелесский, родоначальник экспериментальной онкологии ветеринарный врач Мстислав Новинский.

— Скажите, какие общечеловеческие проблемы помогает решать ветеринарная наука?

— Прежде всего проблему продовольствия. Сейчас половина населения планеты испытывает острый недостаток в продуктах питания. Для человечества нет ныне более почетной, более гуманной задачи, чем в достатке обеспечить каждого из живущих на земле людей хлебом, мясом, молоком, овощами и фруктами. Но увеличение производства продуктов связано с необходимостью максимального повышения продуктивности животных и сохранением физиологических резервов организма. С решением этой проблемы тесно связана деятельность ветеринарных специалистов, как ученых, так и практиков.

В условиях крупных специализированных хозяйств и дальнейшего развития животноводства на промышленной основе неизмеримо возрастает значение ветеринарной защиты ферм, хорошо поставленного ветеринарного надзора. Одни только массовые диагностические исследования с целью своевременного выявления больных животных охватывают ежегодно до 500 миллионов голов скота.

Ветеринарной наукой проводится большая работа по изучению вредного влияния пестицидов. Практическими ветеринарными лабораториями страны налажен контроль за содержанием остатков пестицидов в кормах, диагностика отравлений сельскохозяйственных и диких промысловых животных, рыб и пчел.

Контакты ученых на конгрессе в Москве дадут возможность обменяться последними достижениями науки, найти наиболее правильные и рациональные пути решения многих насущных проблем.

ВЕЧЕРА ДЛЯ ЦЕЛИННИКОВ

КАЗАХСТАН

Артисты театра и кино, писатели, музыканты, короче — творческая интеллигенция Красной Пресни, одного из прославленных районов Москвы,— отправились в Кустанайскую область к труженикам Боровского района.

В целинных совхозах проходили эти обоюдно интересные, содержательные встречи. Т. Доронина, В. Самойлов, представлявшие Театр имени Вл. Маяковского, актеры Театра сатиры О. Аросева, Б. Рунге, поэтесса Л. Щипахина и другие посланцы творческих коллективов Красной Пресни знакомились с трудовой жизнью и бытом целинников. Взаимный интерес был огромен. Особенно теплой и волнующей оказалась встреча представителей Краснопресненского района Москвы в подшефном совхозе «Краснопресненский». Здесь состоялась дружеская итоговая беседа, прошел большой заключительный концерт.

В. МОИСЕЕВ

Фото А. Геринаса

СКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

МОСКВА

Июль в Москве — один из самых «выставочных» месяцев года. Вот и сейчас в столице проходит несколько крупных смотров. В их ряду — выставка «Наш образ жизни», демонстрация современных ЭВМ, смотр работ рационализаторов и изобретателей, международная выставка «Быт и мода-79» («Огонек» расскажет о ней в одном из ближайших номеров). А сегодня — короткие информации о трех выставках...

12 600 изобретений

Фото А. Гостева

Эта выставка в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького — своеобразный отчет московских рационализаторов и изобретателей столицы. Интерес к нему тем более велик, что он посвящен 60-летию ленинского декрета об изобретениях. В связи с этой знаменательной датой Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР горячо поздравили изобретателей и рационализаторов страны.

На выставке в ЦПКиО действующие модели станков, разного калибра инструменты, оригинальные контрольные приборы, средства механизации, микродетали.

Гиды этой выставки — сами авторы новинок, в частности заслуженные рационализаторы РСФСР В. Ремизов, М. Мохов, новаторы ЗИЛа, станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе.

И вот статистика: за три года десятой пятилетки на предприятиях Москвы внедрено свыше 12 600 изобретений и около 750 тысяч рационализаторских предложений.

Познакомьтесь с чемпионкой

Гизела Эберсбах — самая скоростная машинистка, чемпионка мира по машинописи («на механических машинках», уточняет Гизела, любящая абсолютную точность). Сегодня она гость Москвы, приехала на один день, на выставку современной вычислительной техники, которую проводят страны — члены СЭВ. Гизела живет в Берлине, а на выставке представляет прославленное предприятие ГДР «Роботрон», и пользуется она пишущей машинкой «Роботрон-20».

— Очень хорошая машинка! — говорит чемпионка.— С ней я поеду и на чемпионат мира по машинописи, который скоро состоится в Белграде.

— Гизела, машинопись — только женская профессия?

— Не могу так сказать... В чемпионатах обычно участвуют и мужчины. Пока никому из них не удавалось подняться выше второго места, но ведь и это немало, правда?

— Что бы вы хотели передать своим советским коллегам?

— Самые лучшие пожелания! И хотела бы видеть советских машинисток среди участниц машинописных первенств мира!

— Какими же скоростями надо обладать, чтобы рассчитывать на успех в таком соревновании?

— Для завоевания первенства мне потребовалось печатать со скоростью, которая подчас достигала одиннадцати ударов в секунду,— без ошибок, понятно. На электрических машинках скорость выше...

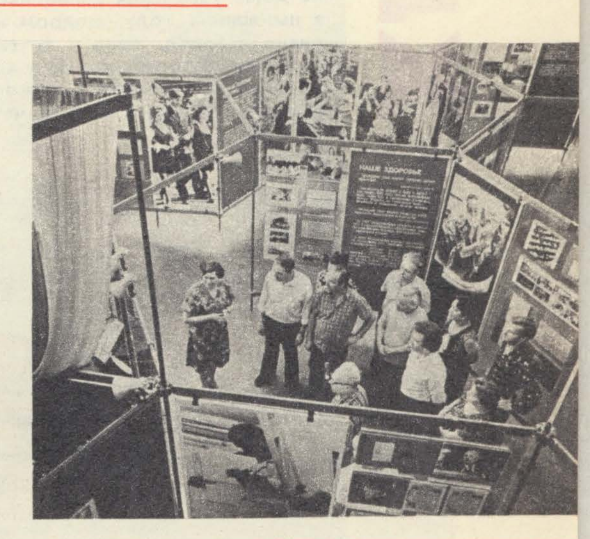
К. БАРЫКИН

Фото автора

О времени, о людях

«Наш образ жизни» — рассказ о нашем времени, о людях страны, об их свершениях. Экспозиция подготовлена Музеем Революции СССР и сразу была послана на 1-й Государственный подшипниковый завод. И не случайно. Один из разделов выставки рассказывает о прославленном «Шарике», о ветеране предприятия Василии Михайловиче Голикове, проработавшем здесь почти три десятка лет. Всего же в выставке «Наш образ жизни», которая сейчас открыта во Дворце культуры 1-го Государственного подшипникового завода, насчитывается около 1000 экспонатов.

Фото И. Гаврилова

Хамид Убайдуллаев, бригадир совхоза имени Тимошенко: — Хорош целинный хлеб!

страда

ХЛЕБ ДЖИЗАКА

Вячеслав КОСТЫРЯ, собственный корреспондент «Огонька»

Фото Н. ВАСИЛЬКИНА, Д. ЯРЦЕВА

Когда на целинное пшеничное поле смотришь с песков Кызылкум — а они тут же, совсем рядом,— кажется, что за безжизненными холмами, поросшими верблюжьей колючкой и саксаулом, такая же бесплодная, сухая земля... Лишь несмолкающий гул моторов возвращает к действительности: да, сразу за песками — пшеница!

С каждым годом все дальше в глубь джизакской целины продвигаются злаковые и хлопковые поля. Идет настоящее наступление на пустыню, другого слова просто не подберешь. Да и названия многих здешних совхозов, особенно в Арнасайском районе, явно ратного происхождения — имени Тимошенко, имени Жукова, имени Рокоссовского, имени Конева...

Бетонированные оросительные лотки, словно стрелы на оперативной карте, прорезают целину. Слева еще пустыня, а справа — уже поле, на котором золотой ратью поднялись хлеба.

Немало трудностей выпало на долю узбекских целинников в нынешнем году, щедром на ливни, холод, град и другие природные сюрпризы. Но у колосовых, как говорится, уже все позади — осталось быстро, четко, по-ипатовски, всей мощью техники убрать хлеба в закрома.

Страда в разгаре. Тяжелы колосья на массиве зерноводческой бригады Хамида Убайдуллаева в совхозе имени Тимошенко. Хозяйство это совсем молодое, целинники в разговоре по привычке все еще именуют его «15-а»—знаком, которым оно всего года три назад было помечено на карте освоения Арнасайского района.

— В прошлом году почти с пятидесяти гектаров мы взяли по 42 центнера зерна колосовых,— рассказывает бригадир Хамид Убайдуллаев.— А ныне хлебный массив расширился на двадцать гектаров. Обязались дать по сорок пять центнеров с каждого гектара. А ведь гектары-то целинные, хоть и поливные,— кивнул Хамид в сторону Кызылкума.— Чувствуете, каким жаром тянет оттуда?

— Но это не все,— вступил в разговор главный агроном совхоза Бекназар Усманов.— Сразу, как уберем пшеницу, засеем освободившиеся поля кукурузой и на этой же земле к осени вырастим по восемьдесят центнеров кукурузного зерна на гектаре.

— Конечно, в нашем севообороте главная культура — хлопок. И еще люцерна,— добавил директор совхоза Азиз Саидкулов.

— Сколько дней планируете на уборку пшеницы?

— У нас есть правофланговый, комбайнер «Нивы» Мирза Яхшилихов. Так вот, его обязательство — сто пятьдесят гектаров за десять дней. Все экипажи равняются на него: работаем по-ипатовски! В общем, готовим трудовые подарки в честь пятидесятилетия «Ростсельмаша», откуда мы получили эти замечательные машины.

Пошел хлеб джизакской целины!

ПЕСНИ СТЕПЕЙ

Люди знали всегда: силен и нравственно здоров человек, когда он прочными, кровными узами связан со своей Родиной.

Так же искусство — оно истинно народно, если неотрывно от земли, на которой пробудился и возмужал талант художника.

Солбон Ринчинов мог бы сказать о себе словами поэта Николая Дамдинова:

Мой отчий край — долина Баргузина.
Над ней сплошной стеной стоят хребты.
Как в небе облака,
Бело и длинно
В степи овечьи тянутся гурты...
В ветвях крадется соболь, замирая.
Хребты надежно держат небосвод.
Откуда я? Я из родного края!
Кто я такой? Сын этих гор и вод!

В краю Баргузина сорок три года назад родился и Солбон Ринчинов. Пылающие краски степных закатов, густые тени вечеров, яркое цветное разнотравье пышных лугов в пору сенокоса, синеватая дымка гор на горизонте, белые снега вершин, могучие кедры и стройные сосны... Все это формировало ощущение мира будущего художника, его вкус, чувство цвета, формы, линейных и пространственных ритмов. Но главное, конечно, люди, которых он видел вокруг себя. Немногословные, крепкие, с резкими, словно высеченными из скалы чертами, с задубевшими от морозов и солнца лицами. Невозмутимый и суровый облик будто оберегал от стороннего глаза доброту и тепло их сердец, душевную чистоту, искренность. Такими художник изобразит односельчан в своих полотнах, когда вернется в родную Бурятию после окончания ленинградского Высшего художественно-промышленного училища имени Веры Мухиной.

В Ленинграде, студентом, он сначала избрал своей специальностью декоративно-прикладное искусство: делал гобелены, увлеченно работал с деревом. Одновременно интересовался графикой, овладел разными техниками; его литографии и линогравюры с успехом экспонировались на студенческих выставках за рубежом: в Венгрии, Чехословакии. Но, пожалуй, больше всего его влекло к монументальным формам, особенно он это понял на последних курсах. Поиски молодого художника нельзя было назвать метанием, скорее всего—хорошим желанием побольше узнать, многому научиться, определиться в жизни и в искусстве.

Вернувшись в Бурятию, Солбон Ринчинов создает гобелены, в которых славит родной край. На фасаде Дома культуры в колхозе «Заганский» делает мозаику из байкальских камней и называет ее «Мать-земля». Красотой, размерами (девять метров в длину и четыре в высоту) она под стать городскому зданию. Оформляет еще один Дом культуры — в районном центре Баргузин, в технике граффито аллегорически решая композицию, посвященную литературе и искусствам. А если вам доведется попасть в столовую при фабрике первичной обработки шерсти в Улан-Удэ, увидите интерьер получше, чем в ином городском кафе. Здесь преобладает национальный орнамент, он и в мотивах декоративной решетки, в чеканке, в узорах пола, инкрустированного мраморной крошкой. Солбон Ринчинов дал этой работе общее название — «Советская Бурятия».

В последнее десятилетие пришло увлечение живописью. Сам художник признается, что сейчас для него одинаково важны и дороги две темы: сельские труженики и интеллигенция. С радостью и подъемом пишет он чабанов, доярок, колхозников на покосе, стараясь показать то, что особенно в них ценит: любовь к земле, душевную крепость, достоинство, которое дает человеку честный труд и уверенность в завтрашнем дне.

Почти одновременно он создает портреты бурятских поэтов, деятелей искусства. «Поэзия — вечная битва за солнце!»— написал Николай Дамдинов. И, глядя на его изображение, понимаешь, что́ хотел передать художник в этом портрете: энергию поэтической мысли, напряженный поиск образа, слова.

...На недавно проходившей выставке «Мы строим БАМ» заслуженный деятель искусств Бурятской АССР Солбон Раднаевич Ринчинов показал пять своих картин, одна из них называлась «Лето в прибамовском совхозе «Улюнханский».

Сейчас он продолжает разрабатывать сельскую тему, пишет полотно «Народный праздник сурхарбан».

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

С. Ринчинов. Род. 1936. СЕНОКОС В УЛЮНЕ. 1976.

ДОЯРКИ. БЕСЕДА. 1977.

С. **Ринчинов.** ПОРТРЕТ НАРОДНОГО ПОЭТА БУРЯТИИ НИКОЛАЯ ДАМДИНОВА. 1974.

ЕСТЬ ТАКОЙ ИНСПЕКТОР...

«Высокий долг советских профсоюзов... защищать права и интересы трудящихся, глубже и энергичнее заниматься социально-бытовыми вопросами, от успешного решения которых во многом зависит эффективность воспитательной работы».

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Н. ХРАБРОВА

...«Приказ № 51 по трикотажному объединению «МАРАТ» об улучшении условий труда и повышении производственной культуры.

Проверкой отмечено, что на предприятиях объединения работа по улучшению условий труда и повышению производственной культуры ведется недостаточно. Не осуществляется в полном объеме трехступенчатый метод контроля, несвоевременно и не со всеми рабочими проводится инструктаж по технике безопасности, много недостатков обнаружено в паросиловом хозяйстве, в электрохозяйстве, в цехах...

В целях улучшения приказываю: 1) директорам объединения обеспечить проведение всех мероприятий в целях повышения охраны труда, производственной культуры, улучшения санитарных условий; 2) за неудовлетворительную работу начальникам цехов (называется шесть фамилий.— **Н. Х.**) уменьшить персональные надбавки к зарплате. Директор производственного объединения «Марат» А. Капрал».

...Как же так? Производственное объединение «Марат», предприятие высокой культуры, чью продукцию прекрасно знают не только в республике, но и во всей стране и за рубежом, словом, славы не занимать, — и вдруг такой приказ?

— Но это же хорошо,—возражает Айно Страус, инспектор по охране труда при Республиканском совете профсоюзов Эстонии.— Да и нет в этом приказе ничего необычного. Администрация со всей серьезностью отнеслась к требованиям и рекомендациям профсоюза, следящего за охраной труда на предприятии. И ведь в конечном счете улучшение условий труда скажется и на улучшении продукции «Марата». Конечно, трикотажное производство — не угольные шахты и не литейные цеха. Но, согласитесь, там, где есть недостатки в электрохозяйстве или в паросиловом хозяйстве, даже обыкновенный утюг или электропровод могут обернуться бедой. А главная забота профсоюзного технического инспектора по охране труда и, значит, моя — это забота о людях, о том, чтобы им работалось как можно легче и, уж во всяком случае, безопасно.

В беседе с Айно Филипповной выяснилось, что я, в общем, мало знаю о правах и обязанностях профсоюзных технических инспекторов по охране труда. В дальнейшем, порасспросив своих знакомых, я убедилась, что и они не бог весть как осведомлены... А ведь у каждого из нас есть такой инспектор. Охрана труда в нашей стране — дело государственное, и государство предоставило техническим инспекторам при советах профсоюзов большие права.

— Мы можем не только вынести порицание забывчивым руководителям, но и оштрафовать их, потребовать технической экспертизы, обратиться в юридические органы,— рассказывает Айно Филипповна. — А есть еще и такая мера: за упорное нарушение правил охраны труда имеем право приостановить работу, невзирая на самый напряженный план.

Айно Страус отвечает за охрану труда в одной из самых крупных отраслей эстонской экономики — в легкой промышленности. В 1978 году за неисправность она приостановила работу на сорока девяти, выражаясь деловым языком, единицах оборудования.

— Конечно, это крайняя мера,— уточняет Айно Филипповна. — Я считаю, что самое главное в нашем деле — не конфликт, не наказание, а воспитание чувства ответственности за улучшение условий труда рабочих и работниц.

На одних конфликтах тут далеко не уедешь. Ведь наши хозяйственники — не капиталисты, интересы у нас общие. Да и зачем допускать крайние меры на советских предприятиях, в Советском государстве, которое, как ни одно другое, заботится о рабочих и об условиях их труда?

Ежегодно Советское государство расходует на улучшение условий труда три миллиарда рублей, администрация предприятий должна эти деньги использовать разумно, по назначению. И тут техническая инспекция профсоюза непримирима.

...Айно Страус собирается на «Марат» — проверить, как выполняется упомянутый приказ директора, и я отправляюсь вместе с ней.

«Марат» — предприятие, построенное до войны, со всех сторон зажато сформировавшимися в те же годы улицами, и расширяться может только за счет организации филиалов. В главном здании идет плановый ремонт входа, холла, столовой и бара, санитарный ремонт лестничной клетки. Во время коллективного отпуска будут ремонтироваться некоторые цехи. Стены покрасят в светлые тона, чему Айно Филипповна придает немалое значение.

— Именно в такое сложное для предприятия время мы и усиливаем наш контроль, — подает голос Айно Филипповна.

Она вынимает блокнот и начинает расспрашивать главного инженера, работников профкома, инженеров по технике безопасности и общественного инспектора, как выполняется приказ директора. Мейнхард Коэметс — механик по профессии, председатель комиссии по охране труда — протягивает инспектору журнал, по которому нетрудно убедиться, что установленная для предприятия система контроля за охраной труда здесь теперь строго соблюдается. Я смотрю на Айно Филипповну — выражение ее лица бесстрастно. Но это в порядке профилактики, чтобы не зазнались. Позже она скажет: «Все в порядке!»

...Из 39 человек в технической инспекции Республиканского совета профсоюзов Эстонии только две женщины. Одна из них Айно Страус. Работа трудная. Надо хорошо знать оборудование, финансирование и экономику предприятий и все стороны общественной жизни. Но не это определяет характер инспектора. Он должен быть настойчивым, мужественным человеком. Ему приходится иметь дело с администрацией крупных предприятий. Иной директор пытается прикрыть своим высоким авторитетом подчас скоропалительные волюнтаристские решения.

— Но на нашей стороне Конституция, Кодекс охраны труда, официальные документы о правах и обязанностях технического инспектора, — говорит Айно Филипповна.— Само собой разумеется, инспектор не имеет права ни на придирку, ни на ошибку. Наши требования должны быть абсолютно аргументированными.

За четверть века работы техническим инспектором всякое бывало... Недавно она вышла победителем из затянувшейся тяжбы с Пярнуским льнокомбинатом. Неоднократно на этом предприятии она отмечала нарушения предписаний по технике безопасности электроустановок. Разговоры с начальником электроцеха оказались, прямо скажем, бесполезными: Айно Филипповна порицала и уговаривала, начальник безропотно подписывал документы проверки, со всем соглашался, но ничего не менял и не улучшал. А в августе прошлого года проверка установила, что по части техники безопасности дела тут не улучшились, даже ухудшились. Айно Страус оштрафовала начальника электроцеха. В этом случае оштрафованный имеет право обратиться в народный суд. Что он и сделал. И вот инспектору на суде пришлось доказывать свою правоту в качестве ответчика! Но суд оставил решение технической инспекции в силе и разъяснил начальнику электроцеха, в какие сроки он должен выполнять требования профсоюза.

— Я поехала в Пярну на льнокомбинат в этом году и отметила — дело идет к лучшему. Гора с плеч свалилась — ведь пока конфликтовала, было тревожно: мог и пожар случиться и иные несчастья... Вообще с Пярнуским льнокомбинатом мне не везет. Еще раньше пришлось оштрафовать предыдущего директора: не сообщил о несчастном случае. Он тоже подавал в суд, и, конечно же, суд оставил решение технической инспекции в силе. Постепенно я уловила стиль работы администрации Пярнуского льнокомбината: они любят, чтобы им по нескольку раз напоминали. Что ж, буду напоминать. До известного предела, конечно...

Истинное удовлетворение получает Айно Страус от проверки техники безопасности в Нарве, на Кренгольме. Там огромный рабочий коллектив, одних общественных инспекторов — 400 человек.

— А общественные инспекторы — это такие помощники, без которых мы мало что можем. Один человек, он и есть один. А вот когда при проверке на предприятии у тебя несколько десятков, а то и несколько сотен добровольных помощников — это уже большая сила! — рассказывает Айно Страус.— У нас в республике на всех предприятиях двадцать шесть тысяч общественных инспекторов и членов комиссий по охране труда. Не все, конечно, действуют с одинаковой активностью, дело это добровольное, и надо быть очень внимательным и глубоко ответственным человеком. Но в целом это люди надежные. И на республиканском слете профсоюзных активистов охраны труда многие из них удостоились почетных наград.

Для Айно Страус таким верным помощником в производственном объединении «Марат» стал Мейнхард Коэметс. В его активе — 208 членов профсоюза. Самая горячая пора для них — когда начинается ремонт без остановки производственного процесса. Тут гляди в оба — налаженный ритм работы по охране труда может сбиться.

И вот только-только начался ремонт на «Марате», как появился инспектор. И пошла комплексная проверка. Айно Филипповна и ее добровольные помощники, увы, обнаружили немало неполадок. Разговор на заключительном совещании у главного инженера был не из приятных. Айно Филипповна втайне волновалась — как отнесутся к ее суровому сообщению? И вот поднимается с места Антс Капрал, молодой директор, и говорит:

— Требования технической инспекции справедливы, это мы все должны признать. Конечно, неприятно слушать о своих недоработках, но надо немедленно принимать меры.

Так появился приведенный нами приказ. И, показывая мне этот документ, Айно Филипповна комментирует:

— Уважаю людей, прислушивающихся к критике. Еще не было на моей памяти случая, чтобы такие плохо работали.

Она еще раз убедилась в этом сейчас, когда мы пришли с ней в цехи фабрики.

Уходила она с «Марата» довольная:

— Когда часто бываешь на предприятиях, чувствуешь себя причастной ко всем их делам. И к тем миллионам штук белья, что выпускает «Марат», и к миллионам метров кренгольмских тканей, и к швейным изделиям «Сангара», «Клементи». За метрами и штуками — знакомые мне люди и их благополучный труд.

Всеволод КОЧЕТОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки И. ПЧЕЛКО

МОЛНИИ БЬЮТ ПО ВЕРШИНАМ

Евгений Викторович в вагоне пригородного поезда ехал сумрачный и унылый, будто после генеральной пьянки. Что делать, как быть? Одно дело — прибрать к рукам, что плохо положено. Там как-нибудь и отбрехаться можно в случае чего. Особенно имея такого главу предприятия, как великий Линберг. Но тут уже требуют действительно прямой контрреволюции. Причем это все слова: вместе отправимся на луну, в шестнадцатую роту. Он-то, этот гусь, прошедший огонь, воду и прочее, смеется — по его терминологии; тут он, огородник, где-нибудь в Ростове или Харькове окажется продавцом счастья с попугаем на ящике с пакетами этого счастья. Он все может. Вся семейка такая. Анна Георгиевна от трехрублевой потаскушки до шикаристки высшего разряда сыграть может. Маша уж такая физкультурница, активистка, что ее портрет даже в газете поместили. Братья — грузчики, ломовики, стопроцентные пролетарии, черт бы их всех побрал. Играют такой спектакль — не придерешься. Они будут врастать в социализм, а ты иди и толченое стекло сыпь в масло. Нет, надо уносить ноги и от Линберга и от барона. Он, Евгений Викторович, не создан для столь сильных ощущений. Но нельзя забывать о предупреждении барона. Гирька по голове и письмо в угрозыск — это совсем не досужая болтовня. Оно именно так и будет. И если просто удрать куда-либо под своей фамилией — найдут, все равно найдут, хоть в Тифлисе, хоть во Владивостоке. Значит? Значит, пока есть соответствующие связи, надобно запастись хорошей, доброкачественной ксивой, на иное, конечно, имя, но полноценными документами и только тогда растворяться в стопятидесятимиллионном людском море Советской России.

В связи с этими планами Евгений Викторович и появился однажды на месте своего основного жительства, в квартире Игнатьевых.

Дома были Дмитрий Павлович и незнакомый Евгению Викторовичу парень Шурка. Дмитрий Павлович, пришпилив лист ватмана к чертежной доске, набрасывал какой-то эскиз карандашом. Что-то корабельное, как догадался Евгений Викторович. Шурка читал, сидя у окна.

— А где же моя благоверная? — окинув взглядом комнату, спросил Евгений Викторович.

— Я бы вам советовал, — сказал Дмитрий Павлович, не отрываясь от чертежа, — оформить документально фактический разрыв ваших отношений с той, кого вы называете вашей благоверной, Евгений Викторович.

— Мне этот фактический разрыв нисколько не мешает, — бодро ответил Евгений Викторович. — Снова жениться пока не собираюсь. А если нужны женщины... Господи, твоя воля!

Шурка при этих словах встал и вышел в другую комнату, плотно закрыв дверь.

— Зато ей мешает,—продолжал свое Дмитрий Павлович. — Мы на этот предмет пытались вас разыскать, но человек в Ленинграде — меньше, чем иголка в стогу. Особенно если он еще и прячется.

— Я не прячусь. С чего вы взяли! — взъярился Евгений Викторович. — Мне прятаться

Окончание. См. «Огонек» №№ 26, 27.

незачем. Просто дела, командировки. И вообще я в этом доме лишний.

— Вот-вот, и надо это юридически оформить.

— А кому это приспичило? Моей жене?

— Она уже не ваша жена, увы, Евгений Викторович. — Дмитрий Павлович тщательно стирал резинкой какую-то не удавшуюся ему линию. — Ника состоит в фактическом браке с другим человеком.

— Что? — Евгений Викторович весь дернулся.— При живом муже! Грязная б... Копеечная подстилка.

Дмитрий Павлович встал, и Евгений Викторович понял, что сейчас получит от него вторую оплеуху, может быть, еще более тяжелую, чем была та, первая. Он попятился, говоря:

— Ладно, ладно, черт с вами со всеми. Не много теряю. Хоть сейчас напишу заявление в загс. Пожалуйста! Но, между прочим, кто сей счастливчик? — спросил он со смешком.

— Вторая дверь направо по коридору.

— Федотов? Стукач с наганом за поясом?! Ого-го-го! Ловко! — Евгений Викторович опустился на стул. — После меня, дворянина, чей род восходит к петровским временам! И вот тебе на, Ванька-ключник, злой разлучник! Умереть можно от смеха. — Но он не смеялся, лицо его дергалось, руки сжимались в кулаки. Он был смертельно оскорблен.

Дмитрий же Павлович вел себя так, все называя впрямую, потому, что и сам считал и Ника его об этом просила—поставить обо всем в известность Евгения Викторовича, если он наконец появится в их доме. Ника была понастоящему счастлива, она не ходила эти дни, а буквально летала на крыльях, она цвела, жизнь к ней повернулась лицом.

Посидев с минуту, он вскочил со стула и ринулся через коридор к дверям комнаты Федотова.

— Гражданин! — почти заорал он, распахивая дверь и увидев Федотова рядом с Никой.— Вас этому учат в партии? При живых мужьях их жен лапать, да?

К его удивлению, ни Федотов при этих словах не взорвался, ни Ника нисколько не смутилась.

— Опять перепились? — не то спросил, не то сказал утверждая Федотов.

— Нет, я-то трезв, трезв. А вот что вы творите? — кричал Евгений Викторович. — А ты хороша! — Он кинул презрительный взгляд на Нику. — Тихоня, не замути воды. Поздравляю вас! — Это вновь адресовалось Федотову.— Приобрели ни рыбу ни мясо. Весьма-таки диетический продукт.

Федотов спокойно взял его за плечо железной хваткой, и Евгения Викторовича не стало в комнате. Он еще выкрикнул что-то в коридоре. Потом вновь распахнул дверь и, показав кукиш, сказал злорадно:

— А развод — вот вам, вот вам! Видели?

И вновь исчез.

Как ни плотно закрывал Шурка двери, сквозь них ему все равно были слышны и слова Дмитрия Павловича, тихие, спокойные, и выкрики Евгения Викторовича, по Шуркиному мнению, глупые, недостойные взрослого человека. А когда тот крикнул: «Вот вам, вот вам!»— Шурка понял, что при этих словах показывается именно кукиш, и ждал каких-нибудь решительных ответных действий. Но их не последовало. Тогда он не выдержал, вышел в коридор.

— Вам не стыдно?— сказал, бледнея от волнения.— Взрослый человек, а хуже мальчишки.

— Не твое, щенок, дело, и я тебя знать не знаю, — огрызнулся Евгений Викторович.

— Нет, мое! Ника мне двоюродная сестра. И я не позволю так о женщине, как вы сказали при Дмитрии Павловиче. Это неправда, это ложь, что вы сказали. Она благородный человек. Она... А вы...

Евгений Викторович влепил ему со всего маху пощечину. Он хотел бы ее влепить Нике или Федотову, но этого-то сделать не мог. А вот подвернулся мальчишка с его острыми, как гвозди, глазами.

Но, может быть, лучше бы, если бы он кинулся на Федотова или Нику. Ну скрутили бы руки, ну выставили бы из комнаты, — и так ведь выставили. А тут произошло необъяснимое, невероятное. Мальчишка молча ринулся на Евгения Викторовича. Какой-то страшный удар в подбородок, и Евгений Викторович во всю длину грохнулся навзничь посреди коридора. Едва он вскочил на ноги, как новый удар, еще более сильный, сшиб его вбок, на сундук, стоявший в коридорной нише. Что было бы дальше, немыслимо сказать, если бы с криком: «Шурка, Шурка!» — не выскочила в коридор Ника, если бы не вышел затем встревоженный Дмитрий Павлович и не появился Федотов.

— Шуренька, не надо, не пачкайся! Что ты, милый? — Она обхватила Шурку, дрожавшего, побледневшего, готового уничтожить этого мозгляка, который так подло о Нике...

— А как он смел? Ты не знаешь, какими словами он о тебе. Спроси Дмитрия Павловича.

— Уйдите, Евгений, — сказал Дмитрий Павлович, сцепив зубы. — Дадите вы развод, не дадите, никого это не интересует. Слава богу, Советская власть отменила прежние домостроевские порядки. Обойдемся без вас. Уйдите, прошу вас.

И он ушел, чтобы никогда больше в этот дом не возвращаться. К Линбергу он не пошел, к Анне Георгиевне тоже. В ожидании, когда подвернется кто-либо, кто сможет изготовить хорошую ксиву, он отправился к той, в чьем доме в Лигове квартировал и огородничал барон, к Ляпкиной матери на городскую квартиру. Эльвира Феликсовна была дома, поначалу она не слишком обрадовалась появлению Евгения Викторовича, но когда он принялся ругать заочно барона, помягчела. Барон и с ней обошелся по-хамски, почти насильно выставил из собственного дома. Но она не горюет. Ее девочки — все тут. Евгений Викторович может убедиться в этом, навестить их. Они разгородили одну большую комнату на три отделения. Там уютненько. Были сомнения, как отнесется ко всему этому ее взрослая дочь. Но у той своя жизнь, своя комната. Ни мать дочери, ни дочь матери ни в чем не мешают.

Ночь Евгений Викторович провел с одной из трудениц Эльвиры Феликсовны. Утром, оставив от своих щедрот тройную плату, ушел мотаться по известным ему адресам. Сидя в третьеразрядном кафе возле Московского вокзала, он увидел за одним столиком человека, лицо которого ему показалось очень знакомым. Человек просматривал газету и одновременно пил кофе, прихлебывая из чашечки. Это, конечно же, был Чернов, с которым они учились в институте и с тех, студенческих лет нигде не разу не встретились.

— Чернов? — спросил Евгений Викторович, подходя.

— Да, — ответил тот, тоже узнавая в лице подошедшего знакомые черты. — Будто бы встречались, но не могу вспомнить, где.

— Да в институте же. Учились вместе. Я Росляков. Евгений. — И добавил: — Викторович.

— О! — Чернов обрадовался. — Вот так встреча! Ну вы, естественно, позабыли, как звать меня. Борис Григорьевич. Где вы? Как? Присаживайтесь, пожалуйста!

— Где, как? — повторил Евгений Викторович, когда официант перенес на столик Чернова его прибор и закуску. — Да особенно нигде и никак. В Питере вот, в Ленинграде то есть. С хлеба на квас.

— Да, да, я заметил. Провинцией запахло. Провинциальный дух какой-то. А я вот в Москве, в синдикате. Большие дела. Наезжаю иногда в командировку. Наших фабрик здесь много. Все на ходу. Продукцию дают обширную.

— Как заработки?

Чернов назвал цифру своей ежемесячной получки. Евгений Викторович даже ахнул. В Ленинграде инженеры столько и даже вполовину столько не получали.

— Жить можно! — сказал он.

— Перебирайтесь к нам, в Москву, — сказал Чернов. — Дело найдется. Размах работ большой. Был застойчик. А сейчас дело пошло. Гоним продукцию в деревню, получаем оттуда денежки.

— Словом, служите новой власти? Довольны? Других перспектив нет и не надо, так? — сказал Евгений Викторович.

Чернов посмотрел на него долгим, внимательным взглядом.

— Что называть другими перспективами? — наконец сказал он. — Может быть, выйдем на воздух?

Они рассчитались, пошли по Невскому, сели на одну из скамеек в сквере возле памятника Екатерине.

— Кстати, как сохраняются такие штуки? — указал взглядом на памятник Чернов. — Большевики в общем-то довольно бережно относятся к свидетельствам прошлого России.

— А может, это не большевики делают? — отозвался Евгений Викторович. — Большевикам своими щупальцами всего не охватить.

— А кто же?

— Какие-нибудь заинтересованные лица. Энтузиасты.

— Например, как сохраняются многие промышленные предприятия? — сказал Чернов.

— А как?

— Да так. На них остались старые инженеры. Они поддерживают связь с прежними владельцами предприятий, находящимися за границей, в эмиграции. Владельцы им платят за это.

— Да, да, я знаю несколько таких в Ленинграде, — отозвался Евгений Викторович.

— Их много по всей стране. Металлургические предприятия Юга, шахты Донецкого угольного бассейна, множество текстильных фабрик. Все они сохраняются и даже развиваются по советам, по указаниям законных владельцев. Слушайте, дорогой мой Евгений Викторович. Инженеры все могут. Это гигантская сила. Я бы даже сказал, силища.

— Да, но мы разобщены. Сила эта пребывает в рассеянном состоянии.

— Ой ли? — Чернов с усмешкой посмотрел на Евгения Викторовича. — Я бы этого не сказал. Надеюсь, вам известно, что существует Всесоюзная ассоциация инженеров? Что функционирует, например, Клуб горных деятелей, созданный известным вам, наверно, инженером Пальчинским, одним из последних министров Временного правительства, и его сторонниками? Существует Союз инженерных обществ. Вы думаете, в этих организациях, в этих клубах, как бывало, наши российские обломовы откушивают белорыбьи бока да поросят с кашей под добрую рюмку смирновской? Во-первых, нет этих поросят с кашей. Во-вторых, не так мы богаты временем, чтобы растрачивать его попусту. — Чернов осторожно огляделся по сторонам. На другом конце скамьи сидела старушка, несмотря на теплую погоду, в меховой жилетке, за скамьей возились дети, копая яму, которую они называли блиндажом.— Скажу вам так, Евгений Викторович... Да, кстати, вы не сделались ли партийным, не начальство ли какое?

— Смешные вопросы! — коротко ответил Евгений Викторович.

— Ну-ну, это я так. В наше время случается. Иные инженеры служат Советской власти с ревностностью сверхпохвальной. Бедолаги! А что имеют взамен?! Одни материальные тяготы и неприятности. Да, так вот. Инженеры, конечно, в значительной степени разобщены. Но они объединяются. От Пальчинского — он вроде и при большевиках имел вес — я собственными ушами слышал интереснейшие вещи. Он, например, пропагандировал такую идею, и она, кстати, имеет весьма серьезный успех в инженерных кругах, что современное государство, которое опирается на высокоразвитую технику, должно управляться инженерами, как представителями этой техники. Что это означает? Это означает, что руководящая роль в управлении страной, в управлении экономикой должна принадлежать инженерству. Если хотите, это является перефразой древнегреческого построения: как в древнегреческом государстве мыслилось, что руководящая роль дожна принадлежать философам, так в теперешнем государстве с развитой техникой мыслится, что руководящая роль должна принадлежать инженерству.

— Да, но имеется в виду, как вы сами говорите, государство с высокоразвитой техникой. Значит, где-нибудь в Германии, в Америке в Англии...

— Она и у нас развивается. У нас уже тридцатитысячная армия инженеров.

— Ну, а как это можно... как мыслил Пальчинский... как инженеры смогут прийти к власти, взять ее? Разве политики, всякие комиссары, наркомы пустят их к рулю!

— Да, вот это сложность. Но силы за рубежом не смирились же с тем, что Россия вырвана из ряда нормально развивающихся стран. Там и политические силы и военные силы. Ведь еще существует немалая армия Врангеля на Балканах. А капитал Англии, Франции, Бельгии, Америки, вложенный в промышленные предприятия России, он разве не взывает к действию? Разве армии этих стран не могли бы...

— Ах, Борис Григорьевич, сколько уже лет прошло в этих разговорах! Я ведь тоже долго, очень долго ждал. Мыкался, а служить к большевикам не шел. Вот, думаю, еще немножко, еще малость, придут освободители, рухнет Совдепия. Ни черта! Многие так, вроде меня, ждали-ждали да и пошли строить социализм в одной, отдельно взятой стране, как пишут в газетах. И строят. И укрепляют своим трудом Советы. И с каждым днем они, эти Советы, крепче будут становиться. Мы, мы, инженеры, их укрепляем. Вот и вы сказали тут: развиваем, выпускаем продукцию, товарооборот увеличиваем. Значит, и вы лично укрепляете Советы.

— Не все могу вам сказать, Евгений Викторович, не все. — Чернов снова пооглядывался по сторонам. — Но очень рад нашей встрече. Если вы и в самом деле полубезработный, что вас тогда держит в Петрограде?

— Да ничто.

— Ну вот садитесь в поезд и приезжайте. Дам вам адресок. Взгляды ваши подходят, да, подходят. Так что до встречи. — Он набросал адрес на листке записной книжки, вырвал его, подал Евгению Викторовичу.

«Черт с ней, с этой ксивой, с липовыми документами, — раздумывал в последующие несколько дней Евгений Викторович. — Уеду в Москву. Там, в трестах, в синдикатах — ну кто станет меня искать? И зачем? Из-за делишек Линберга?» Может, и не вспомнят о нем, разбирая эти делишки. Если барон осуществит свою угрозу и накатает донос в уголовный розыск? Найдутся в Москве люди со связями, с общественным весом, защитят его. Решено: в Москву, и только в Москву!

Сборы были недолгими. Евгений Викторович получил где только можно было наличными за то да за это, набежала внушительная пачечка. Уплатил из нее не скаредничая Эльвире Феликсовне и ее девицам за квартиру да за любовь и ласку и купил билет в скромный, чтобы не лезть никому в глаза, жесткий вагон третьего класса. Занял там вторую полку и, наблюдая со своей высоты за вагонной жизнью — с чайниками, бутербродами, вареньями и жареными курицами, с бесконечными разговорами о ворах и болезнях, — раздумывал там свои думы. Все, в общем, укладывалось в его сознании, кроме непостижимого поступка Ники, такой чистюли, такой брезгливой и разборчивой, такой равнодушной к мужским ласкам, которая вот какой выкинула фортелище! То, что она лежит с этим... с этим... Он не находил должных слов для характеристики Федотова, но то, что Ника лежит под одним одеялом с ним в этой с облезлой краской железной больничной койке, заставляло его бить каблуками о вагонную полку. Что она его, любит, что ли? Нелепо даже ставить такой вопрос. Он ей нужен как мужчина? Да никто ей не нужен, кроме ангелочков с рождественской елки. И вообще Федотов!.. Это же наполовину животное. Каков его интеллект? Каков круг интересов? «На первый-второй рассчитайся! Ш-а-гом арш!» Ну что же, ну что же, ну что же, пропадай оно все пропадом. В Москве начнется новая жизнь. Он еще молод, полон сил, он еще покажет себя. И когда-нибудь непременно нарвет уши этому балбесу, двоюродному братцу Ники. Ишь, звереныш! Такой и горло перекусить может. Белый стал, что скатерть, а глаза красные, как у кролика. Обозвал, видите ли, его сестреночку. Да разве она таких слов заслуживает! Это все словечки. А в полный голос бы о ней сказать — русского языка не хватит.

Евгений Викторович уснул, а поезд нес его, нес через ночь к желанной Москве, к земле обетованной.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» записано: «С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся еще боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать, обходить нерешенные проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни». В ряде областей нашей страны все еще не придается должного значения такому общегосударственному делу, как охрана родной природы, по-настоящему не борются с ее нарушителями и расхитителями.

Проблема взаимосвязей человека с окружающей средой, как никогда, приобрела острый и сложный характер, с ней по-новому связаны серьезные хозяйственные, социальные и нравственные проблемы нашей жизни.

Уже не один год секретарь Вологодского обкома КПСС С. А. Осминин важнейшее дело охраны природы ввел в круг своих непременных обязанностей. Именно в Вологодской области, как отмечают специалисты, существует комплексный научный подход к этой столь важной теперь проблеме.

В значительной мере это объясняется и тем, что здесь со всей прямотой открыто обсуждают недостатки, стараются их преодолеть.

Секретарь Вологодского обкома КПСС С. А. ОСМИНИН беседует с корреспондентом «Огонька» Н. МЕЛЬНИКОВЫМ.

НЕ ПОВ

— Станислав Александрович, я слышал, у вас в области появился новый праздник — День охраны природы?

— Да, мы учредили такой свой областной праздник. Без праздников нельзя жить. А встречаем его, как положено: в школах торжественные линейки, во всех организациях — праздничные вечера, награды, премии тем, кто их заслужил, проявив себя на благородном поприще охраны природы. И, конечно, работа — посадка деревьев, декоративных кустарников. Ребята в фуражках с кокардами — отряды «зеленого патруля» — отправляются на разведку в подшефные леса, «голубой патруль» — к рекам и озерам, следить за тем, чтобы не нарушались нерестилища рыб. Наш праздник — смотр сил хранителей природных сокровищ.

Предчувствую, что лето принесет нам не только праздники, но и огорчения. Наши активисты наверняка встретятся с браконьерами всяких мастей. Бороться с ними непросто. Браконьеры теперь пошли мощные — оснащены последними достижениями техники. Бывает даже такое: на дальние лесные озера высаживаются десанты с вертолетов, появляются флотилии катеров и моторных лодок. Все мудро предусмотрела природа, кроме одного — такого варварского нашествия, безобразного отношения к ней человека.

Сейчас на Вологодчину, как и в другие области Нечерноземья, где места удивительно красивы, хлынули потоки туристов. Неорганизованный туризм наносит нам немалый вред. Местные жители жалуются — эти, как они называют, «орды» ни с кем и ни с чем не считаются, приходят в гости, но ведут себя как незадачливые хозяева. Я бы, например, у туристов брал клятву, подобную клятве Гиппократа, что дают будущие врачи: «Не повреди!» Есть и такое предложение: всем туристам сдавать экзамен-минимум, как теперь это делается у охотников, выдавать им специальные удостоверения. И только после этого допускать туристов в леса, на реки и озера. Меры строгие, но, видимо, не лишены здравого смысла.

Существует категория людей, которых я бы назвал «максимум-расточителями» природы. Они действуют не по злому умыслу, скорее от недомыслия или от неумения бережно относиться к нашим природным богатствам. Но как бы ни было, по их вине с опозданием строятся защитные сооружения, без учета окружающей среды размещаются производственные объекты... И вот что странно: нередко это почтенные, уважаемые в своих коллективах люди...

— Откуда же у них такая расточительская психология?

— На мой взгляд, что-то упущено в воспитании с детской поры: не научили людей бережно относиться к природе, самому нашему драгоценному богатству. Всего, дескать, у нас много, пользуйся чем хочешь и как хочешь. Отсюда и крайность: искаженная жизненная позиция. На таких «максимум-расточителей» увещевания редко действуют, необходимы самые строгие меры. Убежден, что здесь нам очень поможет постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

— Среди жителей Вологодской области каждый пятый — член Общества охраны природы. Все, с кем мне приходилось встречаться, понимают, что охрана природы касается каждого. У всех множество всяких мыслей, предложений. Одно из них — создать в области побольше заповедников и заказников. Как вы, Станислав Александрович, на это смотрите?

— В нашей области давно созданы и действуют Дарвинский заповедник, около двадцати заказников, в том числе пятнадцать бобровых с 715 тысячами зверей. Взяты под охрану 54 памятника природы. Сейчас рассматривается вопрос о праве на заповедник Белого озера, одного из самых замечательных в Европе. Но, по нашему мнению, нет смысла без конца пополнять этот список. Почему? Заповедники и заказники служат для научных целей и сохранения первозданной природы, с ее уникальным растительным и животным миром. Они изъяты из пользования человека. Если их сделать слишком много, где же мы будем, как говорят теперь, «общаться с природой»? На леса и реки нельзя смотреть только со стороны, словно в зоопарке на зверей. Я считаю, это тоже крайность,— ограждать людей от природы. Конечно, стремление благородное — передать потомкам первозданную и даже в чем-то улучшенную живую среду. Но будем говорить реально: всю землю передать именно такой невозможно. Надо бережно относиться не только к заповедникам, а к любому лугу или речке.

— В области, как во всем Нечерноземье, широким фронтом развернулась работа по осушению болот. Не влияет ли отрицательно мелиорация на растительный и животный мир?

— Вопрос этот непростой. Еще недавно болота старались изничтожать всеми возможными силами и средствами. Однако наука доказала, что там, где их бессмысленно уничтожа-

ли, понижался уровень грунтовых вод, стали мелеть реки, исчезли ягоды и лекарственные растения, птицы и дикие звери, которые раньше находили тут убежище. Щедро наделила природа нашу область ягодами, которым и цены нет,— клюквой, морошкой, голубикой. А растут эти ягоды на болотах.

Так что же, не нужно осушение вообще? Нет, нужно, но только проводить его требуется разумно, с необходимыми защитными мерами. Ведь в нашей области пашни занимают всего 6 процентов территории, 12 процентов — сельскохозяйственные угодья, а все остальное — леса, реки, озера и болота. Одних болот два миллиона гектаров! Охранять, держать под запретом все болотные территории нереально с практической точки зрения. Осушаются низовые болота, самые малоценные. Клюквенники исключаются из этих списков. Некоторые болота взяты под охрану, как своеобразные заповедники.

Напомню, что слово «мелиорация» в переводе на русский язык означает «улучшение». Впервые в истории в таких объемах, на таком высоком уровне мы всерьез улучшаем нашу бедную, малопродуктивную, увлажненную землю. В колхозе «Родина» на обновленных землях собирают по 50—60 центнеров зерновых с гектара, урожай почти кубанский. В целом на

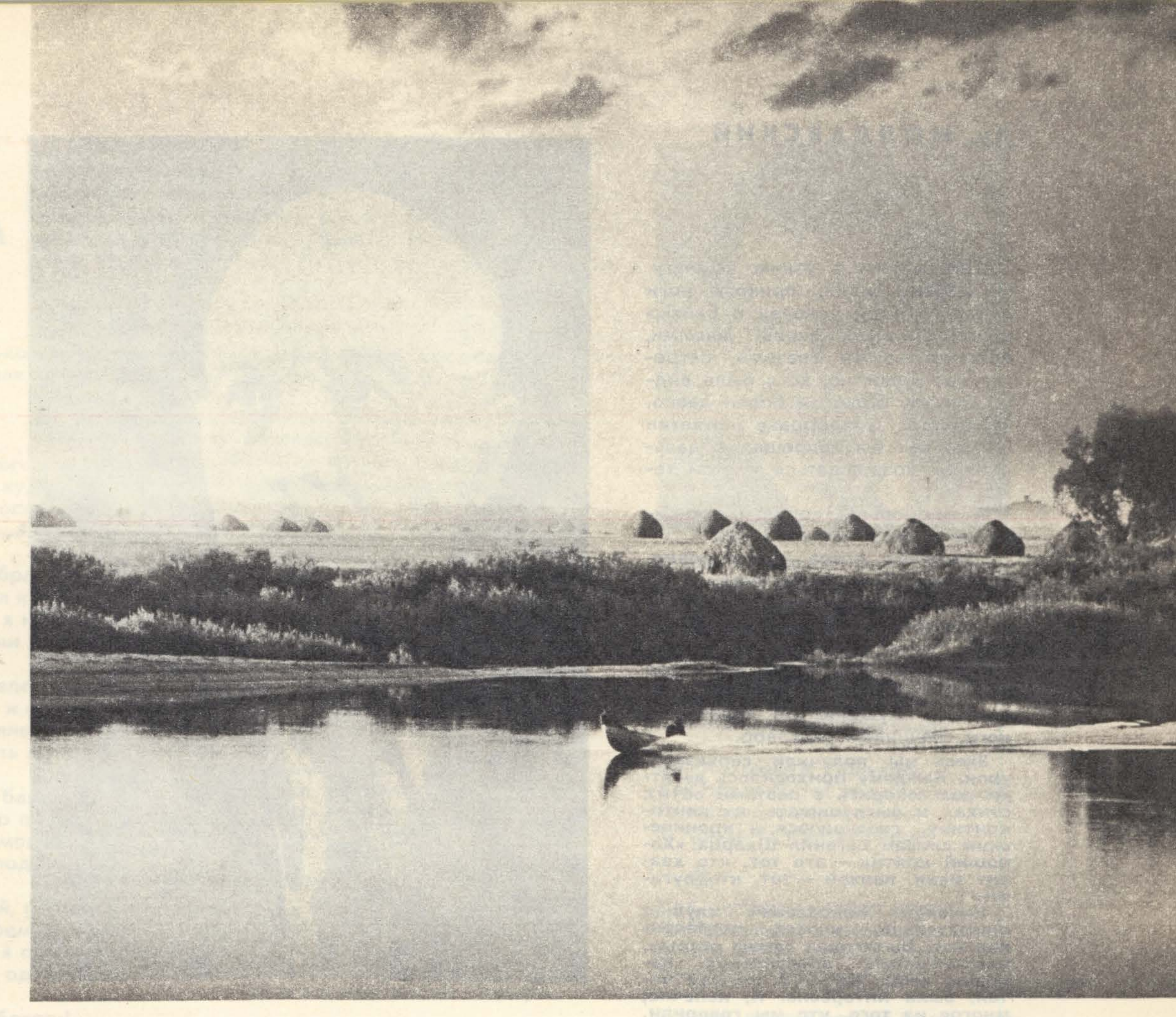
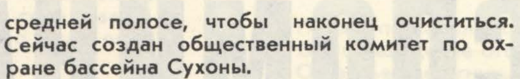

Фото М. Савина

РЕДИ

осушенных землях в прошлом неблагоприятном году мы получили прибавку по 6 центнеров с гектара. Польза, как видите, несомненная. Однако трудности есть тоже. Например, долго не было в области генеральной схемы мелиорации, пришлось создавать научно-исследовательский институт, и сейчас он начал оказывать нам реальную помощь, правда, пока не в полном объеме. Наука не все еще предусмотрела до конца. А там, где не изучены природные особенности, либо они просто игнорируются,— как правило, случаются непредвиденные и нежелательные последствия осушения. Например, ветровые эрозии.

Недавно на огромные площади ценных верховых болот начали покушаться лесохозяйственники. У них своя, узкая цель — осушить болота, чтобы взять оттуда древесину. Болота мы отстояли, но схватка была крупная, с привлечением партийных органов, Советов народных депутатов, ученых. Охрана природы — такая арена, где неизбежны бескомпромиссные битвы.

— Станислав Александрович, я слышал, у вас составлена своеобразная «черная книга» на тревожные, неблагополучные места, например, загрязненные реки. Вы назвали их «горячими точками». Что делается сегодня, чтобы исправить положение?

— Основные источники загрязнения воды и воздуха в нашей области — крупные промышленные предприятия. Например, в Череповце, где сконцентрированы промышленные предприятия, в атмосфере появились вредные газы. Тревога передалась всем — и партийным, и советским органам, и общественности. Началось озеленение города, улучшены очистные сооружения. Теперь опасность позади — вредных примесей в выбросах стало меньше.

Сложнее обстоит дело с Сокольским целлюлозно-бумажным заводом, который за последние годы очень вырос, а очистные сооружения его остались прежними, примитивными. Новые же создаются медленно, и от этого страдает вода Сухоны. Нельзя считать, что сколько воды из реки ни черпай, сколько в нее отходов ни спускай, все равно она будет течь и сама очищаться. Вначале, при малом загрязнении, так оно и было. Однако теперь появилась угроза заболевания реки. Вода не все терпит. А конец ее терпению в первую очередь ощущает человек. Учтите, что у наших северных рек крайне слабая способность к самоочищению. Им нужно пройти в десять раз большее расстояние, чем на юге или даже в средней полосе, чтобы наконец очиститься. Сейчас создан общественный комитет по охране бассейна Сухоны.

— «Огонек» в свое время вел разговор о судьбе малых рек. Как вы считаете, это тоже «горячая точка» в вашей области?

— Да, малые реки — проблема, и довольно острая. На территории области протекает около 20 тысяч таких речушек. С ними связана многоводность и красота наших больших рек, озер. Они пополняют их водой, формируют весь годовой сток. Как спасти речушки от гибели? Мы видим два взаимосвязанных пути: первый — сооружение плотин, чтобы поднять уровень воды, второй — уход, лесопосадки, за которыми должны следить постоянные коллективы предприятий. А предприятиям этим дать право использовать речки и подступы к ним как свои базы отдыха.

С плотинами вопрос пока открытый. Сложность в том, что нет готовых проектов и нужных стройматериалов. В Тарногском районе строили простейшие земляные плотины, но весенние паводки их моментально смывали. Мы пришли к выводу: создание водоохранительных сооружений под силу только крупным предприятиям, шефам таких речек.

В деле сохранения природы часто так бывает: решим одну проблему, возникает несколько новых. Всегда говорили о предприятиях, о городах, загрязняющих водоемы. А с недавних пор таким нарушителем стало село. Виновники — животноводческие комплексы, а точнее, плохие очистные сооружения. Где они надежны, там нет никакой проблемы, а где построены на скорую руку или не завершены пусконаладочные работы, надо ждать неприятностей.

Нельзя сказать, что проблема эта уже решена полностью, но все же меры приняты значительные. На первый план вышел другой неотложный вопрос: как использовать отходы животноводческих комплексов? Навоз всегда ценился как незаменимое удобрение, и нельзя допустить, чтобы он пропадал в стоках. Мы создали специальные механизированные площадки, где навоз соединяют с торфом и вывозят прямо на поля. Так мы и удобрение получили и реку очистили. В этом деле нам очень помогли ученые, химики и биологи области и, конечно, члены совета Общества охраны природы. Совет провел специальный пленум по животноводческим комплексам, пригласил крупных специалистов, проектировщиков, представителей санстанции. Вот где были схватки! Не боятся на Вологодчине резкой критики, как правило, она идет на пользу.

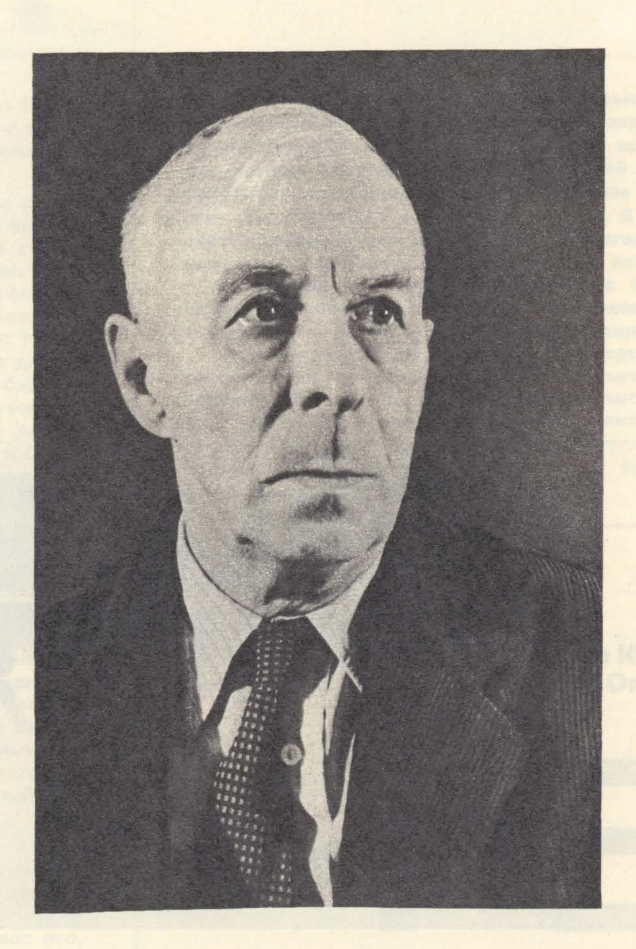
— Видимо, есть немало проблем, которых вологодцам не решить только своими силами?

— Верно. Я не буду рассказывать о значении лесов — их благотворное влияние на все и всех известно. Скажу прямо: с использованием нашего лесного хозяйства дело обстоит плохо. Нас крепко подводят лесозаготовители. В целом как будто все благополучно — они не выходят из утвержденного лесосечного фонда. А по сути дела, происходит грубое расточительство, настоящее браконьерство. Ведь вырубается хвойный, несозревший молодняк. По хвойным деревьям—перерасход на 34 процента, тогда как по лиственным недобор 48 процентов. Лиственные деревья, особенно в глубинке, куда труднее добраться, стареют, гниют, пропадают без пользы. Основной разоритель «Вологдалеспром». Как мы ни убеждаем прекратить варварское расточительство, сделать ничего не можем. Вопрос не раз напрямую ставили перед Министерством лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, но пока ничего не добились. Точнее, добились некоторых уступок по лесосплаву. Это спасло несколько рек. Понятно, чтобы вести хозяйство рационально, нужны новые дороги, немалые капитальные вложения, но другого выхода нет.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится о необходимости борьбы с бесхозяйственностью и расточительством. А разве подобное отношение к природе не преступное расточительство?

Второй назревший вопрос, который нам самим не решить,— объединение сил всех защитников природы. Создан в стране новый институт — охраны природы. Это прекрасное начинание, все ждут от него очень многого. У нас в области, как и везде, есть охотинспекция, рыбоинспекция, санинспекция, бассейновая инспекция, лесоинспекция, техническая инспекция на предприятиях, следящих за сбросом отходов... Беда в том, что все они разобщены, нередко даже не связаны между собой. Узковедомственное руководство не благо, а, наоборот, проигрыш в большом деле. Мы считаем, что давно пора объединить все эти инспекции в одну, государственную, и этой координирующей организации передать бразды правления. Единая система, единое руководство — объективная необходимость нашего времени.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Н. АСЕЕВА

ВСПОМИНАЯ ПОЭТА

...Мы вошли в узкую комнату На диване сидел, прикрыв ноги пледом, седой человек с близко поставленными, очень живыми, пронзительными глазами. Встретил нас радостно, хотя было видно, что он болен, и болен давно. На вопрос о здоровье ответил резко, как бы запрещая в дальнейшем возвращаться к этой теме:

— Здоровье? Здоровья, простите, нет... Чего нет, того нет!

...Николай Асеев читает поэму. Эта поэма о земляках-курянах, об истории нашей страны, о трудном, о тяжелом, о радости преодоления.

Поэма не закончена. И Асеев просит говорить о ней. Мы несколько смущены. Но делать нечего. Начинаем разговор.

Здесь мы получили серьезный урок. Каждому приходилось десятки раз говорить с поэтами об их стихах и выслушивать их контркритику, сводящуюся к ироническим словам Евгения Шварца: «Хороший критик — это тот, кто хвалит меня, плохой — тот, кто ругает!»

Николай Николаевич слушал внимательно, иногда подбадривал нас. Вытягивал самые острые, несглаженные определения. Конечно, вещь, которую он нам читал, была интересна. И, конечно, многое из того, что мы говорили, вряд ли было очень справедливым, но ведь мы хотели услышать нового «Семена Проскакова» или что-то вроде «Маяковский начинается»!

Но Асеев оставался Асеевым. Он слушал, регистрируя замечания и отбрасывая вежливые «прокладки» между ними.

...Я уехал из Москвы с мыслью, что должен, обязательно должен написать книгу о поэте.

Мы стали переписываться. Я, стараясь не докучать Асееву, расспрашивал о его жизни и получал письма в ответ.

Болезнь была для Николая Николаевича «второстепенным». Очень тяжело больной человек, он относился к ней как-то иронически,— без преувеличения должен сказать, что жизнь Асеева последних лет была жизнью героической. И героической была жизнь Ксении Михайловны, сделавшей все, чтобы отбросить, отбить, отодвинуть страшную развязку.

Письмо, которое говорит о болезни как о второстепенном (1960 год, 30 августа), дальше переходило в рассказ о главном. Человек, лежащий на постели, оставался человеком, живущим жизнью страны: «Я и не писал ничего, что бы могло конкурировать со всеобщей улыбочкой, готовностью угодить редакторам. Но вот прочел о людях Бухтармы и не мог уйти от соблазна хотя бы отчасти откликнуться на неимоверность их упорных трудов. Стал думать, и представились мне ущелья скал, сквозь которые прорезывается Иртыш, одинокость природы, невероятность условий и усилий и конечная победа над Сибирной глушью. Подумал, что, если бы лермонтовский Демон увидел эти скальные прорезы, отроги Алтая — он бы бросил Кавказ, перебазировался с Дарьяла на Иртыш... Так и написалась эта маленькая поэмка. Ее быстро напечатали в «Литературе и жизни».

Современность и история соседствовали у Асеева и в стихах, и в статьях, и в письмах.

В ответ на вопрос об источниках стихотворения «Чернышевский» он ответил: «О Чернышевском читал его биографию и воспоминания. Поразило воображение то, как его граждански казнили у позорного столба, а случайные зрители как будто бы даже насмехались над «баринком», лишившимся своих привилегий. Еще то, что был в это время дождь, слякоть, сырость как в погоде, так и в обществе».

Суровый к поэтическим отступникам, он находил ласковые слова для характеристики настоящих поэтов даже неблизкого ему направления. Так он писал об «авторитете и неподкупной талантливости» Александра Прокофьева. Так писал и о некоторых других.

Николай Николаевич был человеком невероятной щепетильности и однажды, отчитав меня за давние, еще военных лет стихи, написал: «Впрочем, к чему все это? Имею ли я право так бесцеремонно обращаться с чужими биографиями? С чужими — нет, но Ваша становится для меня не чужой... Да и есть у нас с Вами общая любовь к слову, к народной побасенке, с виду простецкой, а внутренне сложной и трудной. Вот тут и начинается родство (...). Не знаю, дойдет ли до Вашего чувства мое общее с Вами во многом, но я бы очень этого хотел. Так мало людей, нуждающихся друг в друге. Друг в друге, а не во всей округе!»

...Я работал над книгой об Асееве. Решил послать первые главы Николаю Николаевичу. Этично ли посылать книгу на просмотр ее герою? Думаю, что не очень. Но в конце концов я решил, что вопрос о месте Н. Асеева в русской литературе был решен до меня и без меня, а возможные ошибки и путаницу в рукописи поэт обязательно обнаружит.

Вскоре вернулась рукопись, коегде тронутая карандашом.

Если бы я не знал почерка Николая Николаевича, то мог бы подумать, что читал рукопись не он, а какой-то идеальный редактор — умный и ненавязчивый, доброжелательный, строгий, уважающий чужой труд и не стремящийся вспахать собственным карандашом целину чужого сочинения.

Несколько вопросительных знаков стояло в тех случаях, когда я пытался воссоздать быт дореволюционного провинциального города. Затем большой вопросительный знак указывал на неточность определений. Николай Николаевич обратил на это внимание. Всяческие повторения, тяжелые «критические фразы» — все это отмечалось тем же знаком. Некоторые фразы были усилены. В рукописи было о молодом поэте, пробирающемся сквозь равнодушие редакций и редакторов. Асеев усилил: продирающемся.

Слово «футуристы» в большинстве случаев было заменено словом «будетляне», вместо «футуристическая» написано «будущническая». В одном месте Асеев в фразе: «Они откровенно декларировали свой интерес и внимание к фольклору» заменил: «интерес к практике фольклора».

Я писал об Асееве и Маяковском как о пасынках чужого мира и чужого города. Поэт усилил. Получилось: «пасынком чужого буржуазного мира и чужого капиталистического города».

На полях было написано еще: «поиск мировоззрения».

Некоторые замечания были более чем самокритичны. Я писал, что поэт в начале своего пути не поднимался до позиций Маяковского,— Николай Николаевич подчеркнул: «до революционных позиций Маяковского».

К первой части рукописи было приложено письмо. Дату восстановить трудно — ее нет ни на письме, ни на конверте. Думаю, что это была ранняя весна 1963 года. «Прочел внимательно присланную Вами часть статьи обо мне. Кроме благодарности за то, что Вы трудились надо мной, хотел бы сообщить Вам мои впечатления от чтения. Мне кажется, что вступление к моей личности, начиная с детства, может быть, и в обычае таких работ-биографий, но именно в отношении меня вряд ли заслуживает длительного описания. Поэтому я начал бы книгу прямо со слов «Тихий Курск не был уж таким безропотным и молчаливым городом. Даже во Льгове, его уезде, ощущалось, что затишье после войны с Японией было временное...» Вот так я бы начал эту книгу, если бы спросили меня: с чего начинать?

...Кроме этого, я не нашел в рукописи никаких отягчающих ее преступлений. Мелкие ошибки, сделанные с добрыми намерениями, я отметил в тексте, как, например, о знакомстве моем с изданиями лубков Ровинского, которые я увидел уже не в детстве, а в юношестве. Точно так же должно сделать поправку на то место, где Вы утверждаете: «мы далеки от этих выкриков», то есть от призывов футуристов «открыть музей народных вывесок и лубков» или «собрать народные игрушки (старинные)». Эти выкрики, по вашему выражению, стали впоследствии вниманием к народному творчеству, чем и Вы, Дмитрий Миронович, сами грешите. Нет, эти выкрики не только вызваны отсутствием путей к оживлению искусства, погрязшего в декадентстве и академизме. А не проще ли было бы найти и в их «еретическом» понимании искусства кое-что от любви к нему, к его необходимому изменению? (...) И уж совсем неправильно Хлебникова включать в футуристическую семью... Вообще у Вас понятие футуризма слишком обобщено, хотя их разновидностей в то время было немало.

Вот те немногочисленные замечания, которыми я хотел бы помочь Вам в Вашей работе. Все остальное очень убедительно!»

Почти при каждой встрече мы возвращались в разговорах к началу пути Николая Николаевича, и, конечно, всегда заходил разговор о футуризме. К вопросу об этом течении не раз обращался Асеев и в письмах.

Николай Николаевич хотел ввести меня в споры тех лет, когда рождались первые эксперименты русских будетлян, разъяснить свое отношение к футуризму.

В уже как-то цитировавшемся письме от 28 марта 1963 года Асеев писал: «Зачем плодить сотни раз пересказанное об урбанизме и футуризме, когда урбанизм был понятием, близким к индустриальным мечтам о городах будущего, когда стальной соловей противопоставлялся деревенской избяной Руси, где соловьями заслушивались только те, у кого было время гулять по летним ночам, тогда, в те именно времена город был на первом плане поэтического мышления. России после разрухи нужны были машины, заводы, шахты. ...Ну футурист, ну урбанист... Нет. Я не был ни деревенским, ни городским. Я был и остался русским, к которому никакое чуждое слово не пристанет, повторяй его хоть тысячу раз».

СВЕТЛАЯ ВЕРА

Владимир ОСИНИН

●

Да, в школе учили нас верить
В банальную истину ту,
Что люди друг другу — не звери.
Уверовал я в доброту.

Потом ураган очумело
Обрушился, прахом пыля.
Стонала кругом и горела,
В крови утопала земля.

Друзей имена на граните,
И даже в душе пустыри...
Явись же, мой добрый учитель,
И снова мне все повтори!

Преступные планы сокрыты,
Мир втянут в большую игру.
И все же оружьем защиты
Я светлую веру беру.

●

Всю ночь зима в тревожный рог
трубила,
В реке чернее стала глубина,
И сразу белым все запорошило,
Как нашу юность в битвах седина.

Но вот опять немного потеплело,
И мы тропинкой светлою идем.
И небеса, чтоб озимь зеленела,
То вдруг прольются солнцем,
то дождем.

●

Дорога прямо прогудронена.
Ни лип старинных, ни берез...
И от Починка до Воронина
Посмотришь — видится насквозь.

То дождь, то снег.
Темно, как вечером.
В родной смоленской стороне
Хожу каким-то непривеченным,
С тоской своей наедине.

И не с родными и не с близкими —
На пустырях знакомых сел
Встречаюсь только с обелисками...
И сам темнею, как подзол.

●

От развороченного пирса
Большак ползет куда-то ввысь.
Вдруг грузовик остановился:
— Куда, прохожий, ты? Садись!..

Мне помогли забраться в кузов.
Шоферу крикнул кто-то: — Жми!
Не сомневаюсь, я не узнан
Своими кровными людьми.

Ползет машина вперевалку,
Словцо соленое и смех.
Нашлась приветливая чарка
И колбасы ломоть на всех.

На них и роба и бахилы.
Не говорит никто про жизнь.
Как фараоновы могилы,
Курганы торфа поднялись.

И крот железный, в жиже роясь,
Дымит вовсю, гремуч и мал.
Бывали дни — и я по пояс
В воде за рубль один стоял.

О вы, ребята-работяги!
Я понял все — недаром сед.
И не найду в себе отваги
Сознаться, что я ваш поэт.

ДАЧНОЕ СЕЛО

На город вправду ты похоже,
Мое старинное село:
Никто косы отбить не может —
Бурьяном все позаросло.

Пройдет по улице бульдозер
И сгложет травы — пыль, что пух.
И, словно кочегары, козы
Пьют из заржавленных кадух.

А крыши шифером покрыты,
Под тес припрятано гнилье.
Хозяева не лыком шиты:
Любой сарайчик — под жилье.

У каждой хаты «Запорожец»
И уйма целая старух.
В медалях весь, как полководец,
Верхом на лошади пастух.

За речкой рощица тениста,
Разливы трав — что океан!
Тоскуя, мучает транзистор
Самодовольный мальчуган.

Давно здесь города не тише,
И позабыли про уют.
Не сеют хлеб, стихов не пишут,
Сердечных песен не поют.

●

Мне надежды даются не просто.
И опять поверить готов,
Будто выброшен я на остров
И отрезан от всех миров.

Я упрямо строю причалы.
Может, встанет дымок вдали?..
И в туманные дни и ночами
Жгу костры — не идут корабли.

У ПЕРЕПРАВЫ

Туман холодный у пустого брода,
Белесая обветренная муть.
Короче дни. Торопится природа
Свои палатки ветхие свернуть.

Скорей, скорей... И изморозь
осенья
Ползет по перелескам без дорог.
О это ощущенье отступленья!
Отчаянье застигнутых врасплох.

Все для меня ожесточенно живо —
Рассвет и исковерканный причал...
Стоит поникший тополь у обрыва,
Как генерал, что войско потерял.

Черны высотки, преисподней
глуше,
И ни души не видно за рекой.
И что-то нестерпимо в душу
Колотит, словно в колокол какой.

●

Друзья мои в светлой печали
Без рощ и ночных петухов.
А может быть, просто устали
От славы, любви и стихов.

Причудливый мир вдохновений
Разрушить ничем не хочу.
И сам я какие-то пени
За все это счастье плачу.

●

Рубаха пропитана солью,
Рюкзак с каждым днем тяжелей.
Брожу по родному раздолью
С полынной тревогой своей.

Болота, овраги с ольхою.
Как призрак, тот лес предо мной,
Где дряхлое все и сухое,
И только подлесок живой.

●

Над глубинами вечно крутит,
Завихренная бездна черна.
В этом омуте столько мути,
Никогда не увидишь дна!

Ничего, против всякой тины
Есть хорошие фильтры — пески.
Потому по российским долинам
Чистейшие бьют родники!

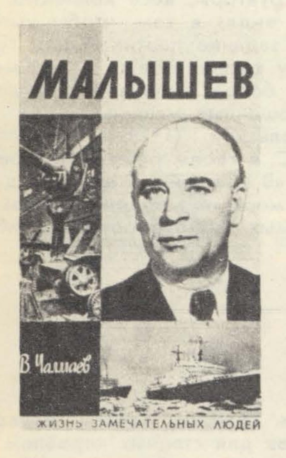
А случись, если их однажды,
Как пустыню, иссушит зной,
Ничто не спасет от жажды
Край несказанный мой.

●

Украдкой осень подступает.
Сочится сумрак снеговой.
Стоит осина, как слепая,
У самой тропки полевой.

Над ней безликая, большая
Луна, пустынна и чиста.
Я до озноба ощущаю,
Какая в мире глухота.

Покой нетронутый. Он вечен,
Прозрачен, светел и глубок...
И что-то в пустоту лепечет
На ветке огненный листок.

«ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР СТРАНЫ»

Легендарные «тридцатьчетверки» врывались первыми в оккупированные фашистами города и села и, окончив ратный труд, навечно замирали на пьедесталах, как символ героизма советского народа, победившего фашизм, как символ трудового подвига создававших их людей. Среди этих людей был и нарком танковой промышленности с первых до последних дней войны Вячеслав Александрович Малышев, видный государственный деятель (он совмещал наркомовскую и министерскую работу с работой заместителя Председателя Совнаркома СССР, заместителя Председателя Совета Министров СССР, был членом ЦК КПСС), выдающийся организатор, талантливый инженер. О нем книга из серии «Жизнь замечательных людей», написанная Виктором Чалмаевым.

Английские газеты в дни послевоенного приезда В. Малышева в Англию называли его то «человеком-ракетой», то «человеком-динамо». Удачные сравнения!

Стремителен и естествен его рост: помощник машиниста, затем машинист депо Подмосковная; студент МВТУ имени Баумана (его среди прочих отметил Серго Орджоникидзе, когда Малышев участвовал в пробеге тепловоза по безводным участкам Средней Азии в жаркие дни 1931 года); директор Коломенского завода имени Куйбышева; народный комиссар танковой промышленности в годы войны (это ему на одной из своих книг писатель Л. М. Леонов напишет: «Спасибо за хорошие танки»).

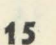
А после победы он принимал активнейшее участие как выдающийся организатор массового производства в разработке сложного технологического оборудования атомной промышленности; при участии Малышева началось строительство атомной электростанции в Обнинске; он один из зачинателей работ по созданию атомного подводного флота СССР. Лишь нескольких месяцев не дожил он до запуска первого искусственного спутника Земли, но была доля его труда и «в быстрых темпах развития советской ракетной и космической техники»... Где трудно, где нужно, где бьется новая идея — там он, В. А. Малышев, «главный инженер страны», как удачно назвал его писатель. Колоритен, объемен, почти осязаем в книге образ человека, «жившего на огромной скорости, в предельной боеготовности», «неизменно собранного, энергичного». И воспроизведен этот образ на богатейшем документальном, архивном материале.

Книга ценна и тем, что писатель нарисовал полотно жизни Родины в острейшие, ответственнейшие ее периоды. Напряженные предвоенные годы; картины Великой Отечественной (на этом времени в основном сосредоточено внимание автора) — грандиозная эпопея эвакуации промышленности на восток; строительство Танкограда в Челябинске и налаживание массового производства танков; поистине героическая работа тыла; великие танковые сражения на полях России, когда броня скрежетала о броню; восстановление хозяйства после небывалой разрухи, возрождение и укрепление мощи страны.

Читатель встретит галерею образов, о каждом из которых автор сказал свое доброе слово: В. Чкалов, В. Гризодубова, с ней Малышев летел на четвертый день войны на Урал со специальным заданием; Валентин Акимочкин (это он, рабочий Сталинградского тракторного, «привязав себя к станине танка, чтобы нечаянно не свалиться... создал удивительное сверло, а затем и нужное количество распылителей. В то утро, когда это свершилось, он впервые уснул. И проснулся от грохота заработавших танковых моторов»), академик Е. О. Патон, И. В. Курчатов, танковые конструкторы М. И. Кошкин и Ж. Я. Котин, творец тяжелых танков и самоходок Н. Л. Духов и многие другие герои тыла и фронта.

Л. НАТОЧАННАЯ

В. Чалмаев. Малышев. М., «Молодая гвардия», 1978, 352 стр.

«РОСТСЕЛЬМАШУ» — 50 ЛЕТ

И ДОКАЗАЛИ!

А. СУИЧМЕЗОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

В страдную пору, с борта самолета, на фоне бескрайних золотокосых полей они кажутся ярко-красными маками-великанами. И если бы не ровное их движение и не четкий след скошенных колосьев, не узнать бы, что плывут там внизу степные корабли «Нива»... Где только не встретишь эти чудесные машины, рожденные на «Ростсельмаше»! Они убирают урожаи на злаковых полях почти всех континентов земли.

Но сейчас вижу их на донецких просторах, на полях, что раскинулись окрест старинного села Шарпаевки. И вспоминаю давний рассказ ветерана «Ростсельмаша» Петра Кондратьевича Колесникова. Здесь, в Шарпаевке, он родился, здесь мальчишкой батрачил у помещиков, отсюда в конце двадцатых годов, как и многие его сверстники с самодельным баулом за плечами, поехал в Ростов, чтобы стать строителем «Сельмаша».

Рассказывать о дальнейшем жизненном пути Петра Колесникова или Анны Горловой, Родиона Дианова или тысяч других строителей — значит описывать историю завода «Ростсельмаш», которому нынче исполняется пятьдесят лет.

...Ветераны - ростсельмашевцы, да только ли они,— все старые ростовчане часто вспоминают загородную степь, откуда 8 января двадцатого года первоконники с боем вошли в Ростов и победно водрузили над ним красное знамя Советов. В конце двадцатых на этой степной окраине, у полотна железной дороги появился наскоро сколоченный одинокий домик. Тогда еще мало кто знал, что с него и начнется будущий знаменитый «Ростсельмаш». Степь вокруг вскоре стала громаднейшей строительной площадкой. Тысячи людей лопатами копали глинистую землю, подвозили на подводах цемент, лес, песок, носилками разносили кирпич по котлованам, клали стены. Они создавали крупнейший в мире завод сельскохозяйственных машин.

Значение их труда отметил Горький.

«Не простая ваша жизнь,— сказал Алексей Максимович.— Перед всем миром встает русский народ, небывалые заводы строит. Вы кирпичи кладете, а в буржуазных газетах какой вой идет, про ваш завод пишут: смеются, удивляются, не верят... А нам доказать надо, всему миру доказать надо... И я верю — вы докажете!».

Полвека назад, в июле 1929 года, начальник стройки и директор Сельмаша Н. П. Глебов-Авилов издал приказ о пуске первой очереди завода. До производства комбайнов, правда, было еще далеко. На большой площадке, где теперь стоят недавно сошедшие с главного конвейера «Нивы», тогда рядами выстраивались крестьянские хода. Выпуском их, а позднее производством жаток и косилок начал свою жизнь «Ростсельмаш».

В 1930 году, в день открытия XVI съезда партии, его делегаты и москвичи с радостью наблюдали парад машин первой пятилетки — по Красной площади проходил первый трактор Сталинградского завода с первой ростсельмашевской сеялкой на прицепе.

Завод рос, набирался сил. Ровесники первой пятилетки — и Сталинградский и Харьковский тракторные, как и «Ростсельмаш», были в центре внимания всех советских людей. Да и не только советских. В газете французских коммунистов «Юманите» Поль Вайян-Кутюрье, приезжавший в Ростов, писал: «Сельмашстрой — великий арсенал колхозов и совхозов Северного Кавказа — это рождающийся гигант».

Сегодня это гигантский арсенал сельского хозяйства всей страны. Он дает 60 процентов всех выпускаемых в СССР зерноуборочных машин.

Труден был путь завода от производства крестьянских ходов до выпуска первоклассных степных кораблей. Начало пути — год 1931-й. Недавно созданные колхозы и совхозы нуждались в машинах, новой технике. ЦК партии, правительство дали ростовчанам ответственнейшее задание — приступить к производству комбайнов с тем, чтобы к летней страде 1932 года завод дал не менее 1700 машин.

Задание было выполнено. К назначенному сроку на колхозные и совхозные нивы вышли первые советские комбайны марки «Ростсельмаш». И год от года таких машин из нового сборочного цеха поступало все больше и больше, совершенствовалось их качество. На Всемирной парижской выставке 1937 года ростовский комбайн получил высшую награду — диплом «Гран при». Это было первое международное признание советской уборочной машины. В наши дни «Ростсельмаш» — обладатель многих международных дипломов.

К началу выпуска комбайнов на заводе уже трудился большой сплоченный рабочий коллектив. Горожане, пришельцы из сел, люди, строившие завод, становились к станкам. Шарпаевский парень Петр Колесников сменил лопату землекопа на станок строгальщика, возчик Родион Дианов пошел в литейный цех, тысячи строителей овладевали новыми для них профессиями, учились на курсах, в школах, техникумах, в сельмашстроевском втузе, в институте сельхозмашиностроения. Завод стал и школой будущих руководителей производства. Когда-то рядовые его рабочие К. Ц. Парзян, М. Т. Жеребятьев, А. К. Митюхин, А. Я. Кобелев, Б. М. Толмачев, Б. И. Фурсеев — ныне начальники цехов, Л. М. Барышевский — главный металлург, П. М. Сапов — начальник центральной лаборатории. Группа работающих на заводе кандидатов технических наук — это тоже его питомцы.

Перед войной коллектив торжественно отметил выпуск 50-тысячного комбайна. Сейчас на его счету их больше полутора миллионов.

В числе выпущенных заводом степных кораблей 300 тысяч создано за последние годы. Это самые высокопроизводительные комбайны — «Нива». Выпуск таких машин был предусмотрен решением XXV съезда партии. Приветствуя коллектив «Ростсельмаша» в связи с выпуском 100-тысячной «Нивы», товарищ Л. И. Брежнев в октябре 1975 года писал:

«Наша партия, проводя в жизнь аграрную политику, особое значение на современном этапе придает укреплению материально-технической базы сельскохозяйственного производства, оснащению его новой и новейшей техникой. Освоение на вашем заводе в сжатые сроки выпуска высокопроизводительных комбайнов означает большой вклад в решение этой общегосударственной задачи».

Коллектив «Ростсельмаша» под руководством партийной организации целеустремленно работает над дальнейшим повышением эффективности сложного производства современных комбайнов, увеличением их выпуска и улучшением качества, над созданием более совершенной уборочной техники.

Ранее выпускавшийся комбайн «СК-4», несмотря на свои несомненные качества, уже не мог удовлетворять высоким запросам хлеборобов. Повышение культуры земледелия, рост урожайности потребовал новейшей техники. И вот — «Нива».

Чтобы приступить к ее производству, требовалась генеральная реконструкция завода, техническое его перевооружение. Дело это стало предметом особой заботы Ростовского обкома и горкома партии, всей областной и городской партийных организаций, заводского коллектива. Сложность задачи заключалась в том, что реконструкция не должна была отразиться на выпуске комбайнов «СК-4». Облик завода менялся буквально на глазах. Появились новые профессии рабочих, связанные с обслуживанием станков-автоматов, автоматических линий. Удвоились производственные площади, сооружены были громадные корпуса, реконструированы старые цехи.

В наши дни работа эта продолжается. Завод обрастает младшими братьями — филиалами в других городах.

Комбайностроители готовятся к выходу на рубежи завтрашнего дня, их уже не устраивает ежесуточный выпуск 265 машин. В первом механосборочном цехе, например, бригада Геннадия Анатольевича Чекова заявила недавно о своей готовности ежесуточно давать детали для 350 машин. Бригада рассчитала, что пятилетний план выполнит почти на год раньше срока, производительность труда увеличится в два с половиной раза. Главную задачу на ближайшее время и генеральный директор объединения Ю. А. Песков, и руководители цехов, конструкторы, весь коллектив завода видят в том, чтобы выполнить задание партии — дать сельскому хозяйству еще более мощные, более производительные и совершенные машины.

Июльский (1978) Пленум ЦК КПСС в своем решении потребовал: «В кратчайший срок осуществить меры по модернизации выпускаемых зерноуборочных комбай-

Здесь хранятся запасы колес и дисков для степных кораблей.

Начало проспекта «Сельмаш».

Вот он, полуторамиллионный комбайн.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Ветераны «Ростсельмаша» рядом с молодыми комбайностроителями...

ОКЕАН

НИВА
1500000

НИВА

C 171
C 609
C 174

нов с тем, чтобы устранить их конструктивные недостатки и повысить производительность». Партком, все коммунисты завода мобилизуют людей на успешное решение большой задачи, поставленной партией. Как никогда ранее широкий размах обретают политико-воспитательная работа, комплексное воспитание ростсельмашевцев. И ветераны и молодые рабочие, инженеры, техники понимают, что трудом своим, создавая первоклассные машины, они помогают труженикам села, помогают воплощать в жизнь аграрную программу партии.

Со дня рождения завод был и остается родиной замечательных починов, добрых начинаний. Бережно хранят и развивают здесь лучшие традиции тех незабываемых времен, когда в цехи пришли полюбившие свое детище строители завода-гиганта, когда зарождались целые династии ростсельмашевцев.

Вспоминая детство, тяжкую долю батрака, Петр Кондратьевич Колесников часто говорит своим питомцам, как радостно ему сознавать, что и в родной его Шарпаевке хлеб убирают комбайны, сработанные на их заводе. А питомцев у Колесникова много. В свое время в совершенстве овладев мастерством строгальщика, он второй своей профессией почел роль воспитателя. За много лет до популярного ныне движения наставничества стал он подлинным наставником молодых рабочих. Его подопечным было чему учиться у него, рабочего, выполняющего от трех до десяти норм в день, тридцать лет работающего с личным клеймом. Петр Кондратьевич давно мог идти на пенсию, но не представляет себе жизни без работы. Всегда подтянутый, с ясным взглядом добрых глаз, он никогда не расставался с родным заводом, если не считать военной поры, когда воевал на легендарной Малой земле, на Севере. К военным наградам прибавились ордена Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Поздравляя его, друзья говорили: «Орденов у тебя столько же, сколько у нашего завода. Да и ордена такие же!» П. К. Колесникову присвоены звания «Почетный ростсельмашевец» и «Почетный гражданин города Ростова-на-Дону».

Много на заводе знаменосцев соревнования, зачинателей добрых дел, энтузиастов, активных общественников. Еще в первой пятилетке в стране развернулось начатое здесь движение «сквозных бригад», тут создавались первые стахановские школы, бригады коммунистического труда. Здесь бывший подвозчик строительных материалов и будущий начальник цеха, формовщик Р. Дианов и его товарищи по профессии А. Кудлаенко, Г. Линников, П. Баранов первыми на заводе подхватили почин Алексея Стаханова. Родион Георгиевич Дианов установил тогда всесоюзный рекорд — 1500 форм в смену. Его поздравлял Серго Орджоникидзе. Сегодня все машиностроители донской земли соревнуются за эффективность и качество, за право получить учрежденный в 1973 году областными организациями приз имени Родиона Дианова.

Далеко за пределами области известно имя одного из первых выпускников профтехучилища, старшего мастера валогибочного участка Дмитрия Васильевича Ефимова, инициатора применения технико-экономических планов. По этим планам работают почти все заводские бригады. Д. В. Ефимов удостоен звания Героя Социалистического Труда.

С большим уважением на заводе говорят о Зинаиде Петровне Еременко. В первом механосборочном цехе, куда в свое время пришла еще почти подростком, она стала квалифицированной шлифовщицей, овладела смежными профессиями. За девятую пятилетку Зинаида Петровна выполнила десять годовых норм, хотя успешно трудится и теперь, хотя забот стало куда больше — она парт-групорг бригады. Ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, избрание депутатом Верховного Совета СССР — лучшая характеристика представительницы сегодняшнего поколения ростсельмашевцев. Работает З. П. Еременко в передовой бригаде Г. М. Мухина, еще в начале нынешнего года выполнившей план четырех лет десятой пятилетки.

На донской земле широко развернулось соревнование под девизом «Работать без отстающих». Как известно, ЦК КПСС одобрил это начинание. Ему было посвящено Всесоюзное совещание в Ростове. Минувший год завод завершил без отстающих производств и цехов.

...Пассажиры поездов Москва — Воронеж — Ростов, подъезжая к станции Сельмаш, обычно любуются в окна заводом, протянувшимся на километры, его зеленым убранством, оживленной площадью у главного входа, колоннами красных комбайнов, только что вышедших из цеха. Справа — завод, слева — ровные улицы кварталов города. Большие, современной архитектуры жилые здания, Дворец культуры, техникум, втуз. Это все для сельмашевцев. Немало зданий тут — ровесники завода. А недавно поднялись новые благоустроенные многоквартирные дома, многоэтажные общежития. Местные жители на вопрос «Где живете?» обычно отвечают: «На «Ростсельмаше». И все знают, что речь идет не о заводе, а его городке, точнее, о большом районе — Первомайском.

У ростсельмашевцев свой чудесный тенистый парк с аттракционами, с детским городком и с «настоящей» детской железной дорогой, свои школы, больница и поликлиника. На живописном Зеленом острове, у самого тихого Дона,— база отдыха, есть и своя здравница на берегу Черного моря, есть водная станция и даже охотничье хозяйство на реке Маныч.

Ростовский Сельмаш вступает во второе пятидесятилетие. Сорокатысячный его коллектив полон готовности с честью выполнить задание партии — дать больше совершенных степных кораблей. И когда заходит речь о том, под силу ли ему новые рубежи,— вновь и вновь вспоминают ветераны горьковские слова: «А нам доказать надо, всему миру доказать надо... И я верю — вы докажете».

И доказали!

У завода свой яхт-клуб.

Этот детский сад зовется «Березкой».

11 июля 1921 года — День победы Народной революции в Монголии

97 МЕТРОВ СТАРОЙ КИНОЛЕНТЫ

Зигмунд ХИРЕН

Этот поиск подсказал первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Юмжагийн Цеденбал. Во время интервью корреспонденту «Огонька» он упомянул, что сохранилась кинолента, на которой запечатлен приезд в Москву делегации революционной Монголии в ноябре 1921 года. Именно тогда состоялась историческая встреча основателя Монгольской народно-революционной партии Сухэ-Батора с Лениным.

Киноленту длиной в 97 метров удалось найти в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР в Красногорске. Несмотря на то, что со дня съемки прошло без малого 58 лет, пленка была в безукоризненном виде. Эти метры, запечатлевшие начало братства и дружественных отношений между Советской Россией и революционной Монголией, по-особому волнуют. Говоря о глубочайшем доверии наших двух стран друг к другу, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что «своими истоками оно уходит к исторической встрече Владимира Ильича Ленина с монгольской революционной делегацией, с Сухэ-Батором».

И вот на небольшом экране передо мной живой Сухэ-Батор. Статный, молодой — ему едва исполнилось 27. Он в шелковом дэли. В комнате с высокого лепного потолка свисают тяжелые люстры. За громадным окном, возле которого задумчиво остановился Сухэ-Батор,— Москва. Закурив папиросу, он с удовольствием затягивается. Затем, подойдя к длинному столу, вчитывается в большие квадратные листы. Вот он внимательно слушает обращающихся к нему товарищей. Сам говорит мало. Впрочем, что значит «говорит»? Ведь пленка немая. Я только вижу на экране, что идет почти непрерывный разговор. Но о чем? Может, выручит монтажный лист, прилагаемый к хранящимся здесь подобным лентам? Увы, кроме даты съемки и фамилий людей, там ничего нет.

Для меня эти кадры кинохроники представляют особый интерес. Будучи военным корреспондентом «Красной Звезды», я находился в Монголии в 1939 году, во время боев на Халхин-Голе. Не раз видел в те дни друга Сухэ-Батора, Хорлогийна Чойбалсана, особенно часто в обществе Г. К. Жукова, командовавшего тогда советскими войсками, которые пришли, как и в начале двадцатых годов, на выручку дружественной стране.

О легендарном герое и вожде Сухэ-Баторе я много слышал от простых аратов, когда после боев зимними ночами заходил к ним в юрты погреться. Они говорили, что его жизнь напоминала их собственную. Родился в семье арата. С четырнадцати лет стал работать погонщиком на станции конно-почтовой службы тракта Урга — Кяхта, был ямщиком, нанимался на разные поденные работы, прошел солдатчину, отличился в боях отвагой и смелостью. После демобилизации пошел наборщиком в типографию в Урге.

Там, в ургинской типографии, Сухэ-Батор познакомился с русскими революционерами, с идеями В. И. Ленина. Создал первый нелегальный революционный кружок, затем революционную организацию, ставшую основой Монгольской народно-революционной партии. В марте 1921 года состоялся первый съезд партии, призвавший монгольский народ к восстанию, которое возглавил Сухэ-Батор.

По тому самому тракту Урга — Кяхта, где некогда ямщик Сухэ-Батор гнал тройку малорослых лошадок почтовой службы, главком и военный министр Сухэ-Батор повел свои отряды на разгром белогвардейских банд, вторгшихся на его родную землю.

В Центральном государственном архиве Советской Армии хранится заверенная копия из оперативной сводки штаба нашей 5-й армии, в которой описан один боевой эпизод тех дней. Вот несколько строчек: «...красномонгольский отряд главкома Сухэ-Батора 31 августа 1921 года настиг бригаду Хоботова, с которой вступил в бой... Потери противника — 10 убитых, в числе которых сотник Маймаков, взято в плен — 2, взято трофей — 200 лошадей, 2 пулемета, 4 тысячи патронов, 12 винтовок и 11 шашек». Но были у Сухэ-Батора и крупнейшие битвы. 31 декабря 1921 года военный совет той же 5-й армии обращается в Реввоенсовет РСФСР с представлением о награждении Сухэ-Батора. Под заголовком «Описание подвигов главкома всеми вооруженными силами Монголии Сухэ-Батора» читаем: «В качестве организатора красномонгольских партизанских отрядов тов. Сухэ-Батор с января месяца текущего года вступил в борьбу с бандами Унгерна и Резухина, в марте с. г. очистил г. Маймачен от китайцев, а во время начавшейся борьбы по уничтожению советскими войсками белобанд в пределах Монголии тов. Сухэ-Батор энергично содействует нам в этой борьбе в качестве союзника, оказав советским войскам существенную помощь, в особенности при взятии Урги 6 июля с. г. и при преследовании остатков войск Унгерна...» Через десять дней вышел приказ Революционного Военного Совета РСФСР о награждении Сухэ-Батора орденом Красного Знамени.

Я решил полистать номера «Правды» тех дней и попытаться восстановить события, запечатленные на киноленте. Мне дают комплект, хранящийся в большой картонной коробке, предупредив, что прикасаться к подшивке надо с величайшей осторожностью. Бумага обветшала, типографская краска

Сухэ-Батор в дни Народной революции в Монголии.

Фото из Госархива кинофотодокументов.

Янжима (в центре) среди воинов Западного фронта. 1942 год.

поблекла. Заинтересовавший меня номер 251 обозначен 6 и 7 ноября 1921 года. Рядом с материалом об электрификации России подборка с заголовком «На помощь голодающим» и репортаж «Ленин на вечере у рабочих завода «Электросила» № 3.

В том же номере «Правды» на шестой странице — интервью наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. Подзаголовок: «Российская республика и Монголия». Вот несколько строчек: «26 октября в Москве открылась конференция с прибывшей делегацией дружественного народно-революционного монгольского правительства о заключении договора о дружбе и братстве между Монголией и Россией. В настоящее время белогвардейские банды имеются еще в западных областях громадной по своему протяжению Монголии и борьба против них продолжается с успехом».

На вопрос монгольской делегации: «Как вы, тов. Ленин, относитесь к созданию в нашей стране народно-революционной партии и что является главным для нас?» Владимир Ильич ответил: «...единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России».

Так начинала «разматываться» киноленту. Вскоре я убедился, что указанные в монтажном листе фамилии — немалое подспорье в моем поиске. Оставленные этими людьми документы, записи, воспоминания дали ответ на вопросы, возникшие при просмотре. Где сделана киносъемка? В Кремле? Выяснилось, что переговоры происходили в гостинице «Метрополь», где в то время размещался экономическо-плановый отдел Народного комиссариата иностранных дел. Заключительное заседание и подписание соглашения состоялись в особняке НКИД на Софийской набережной, там и работали кинооператоры, отснявшие эти 97 метров пленки. В тот же день монгольская делегация была принята Владимиром Ильичем в Кремле.

Как уже было сказано, люди все время на экране между собой разговаривали, а о чем — оставалось для меня тайной. С помощью государственных архивов двух наших стран, сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института истории партии при ЦК МНРП удалось узнать не только кто есть кто на экране, но и о чем беседовали советские и монгольские государственные деятели, познакомиться с впечатлениями гостей об исторической встрече с Владимиром Ильичем.

Под соглашением об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией рядом с подписью Сухэ-Батора стоит подпись Церен Доржи. Он занимал крупные посты и в старой Монголии, но одним из первых перешел на сторону Народной революции, впоследствии стал министром иностранных дел, премьер-министром. «В десятом месяце 11 года по монгольскому календарю,— пишет он в своих воспоминаниях,— в ноябре 1921 года по европейскому, выполняя поручение народного правительства вести переговоры с правительством Российской Советской республики и заключить договор о дружбе, я приехал вместе с Сухэ-Батором и другими товарищами в Москву... мы были на встрече с великим Лениным. Во время этой беседы вождь трудящихся подробно расспрашивал каждого из нас о политическом и экономическом положении Монголии... после нашего рассказа... обратился к нам: «Подписывая двусторонний равноправный и взаимовыгодный договор,— сказал Ленин,— обе стороны, русская и монгольская, как братья становятся добрыми соседями в межгосударственных делах и друзьями в повседневных отношениях». Слова, сказанные великим вождем революции, нашли конкретное воплощение в той помощи, которую мы неизменно получаем по сей день, они нашли воплощение в нашем договоре дружбы, заключенном, как советовал Ленин, и свято выполняемом обеими сторонами».

Переводчиком монгольской делегации был Эрдэни Батухан, впоследствии первый министр народного просвещения Монгольской республики. Он написал письмо А. М. Горькому с просьбой посоветовать, какие в первую очередь произведения русской литературы следует перевести на монгольский язык. Письмо было им отправлено 12 мая 1925 года, а 19 мая того же года Алексей Максимович уже ответил из Сорренто: «Уважаемый Эрдэни Батухан! Сердечно благодарю Вас за Ваше глубоко интересное письмо. Вы так ясно дали мне понять, насколько важна и трудна задача, которую монгольская интеллигенция ставит перед собою... Вы спрашиваете: какого принципа держаться, переводя русскую художественную литературу на монгольский язык? Едва ли я смогу ответить на этот вопрос с точностью, которая сможет удовлетворить Вас. Но насколько я могу судить о душе монгола по книгам, прочитанным мною о Монголии, я думаю, что... нужно выбирать те [книги], в которых наиболее ярко показан героизм человека, руководимого идеями справедливости и свободы»...

Впоследствии Д. Эрдэни Батухан окончил Институт истории, философии и лингвистики в Ленинграде.

Продолжая «разматывать» старую киноленту, я оказался в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. Старший научный сотрудник Иван Иванович Кудрявцев показал мне подлинники интереснейших документов. Среди них — отчет Центральной монгольской комиссии по сбору подарков для воинов Советской Армии. Я обратил внимание на фамилию председателя этой комиссии. Янжима! Но ведь так звали жену Сухэ-Батора.

...Я познакомился с ней в Москве, в офицерском клубе. Было это осенью 1946 года, когда военный клуб был на шесть дней целиком отдан женщинам. И каким! Проходила сессия исполкома Международной демократической федерации женщин. Съехались в Москву представительницы девятнадцати стран. Я обратил внимание, как участницы встречи окружили одну из своих подруг. Женщина была в монгольском национальном платье — дэли. На груди у нее, кажется, единственной из всех делегаток, сверкали два ордена. Один наш, советский — Трудового Красного Знамени, другой — монгольский, незнакомый мне. Спросил, как он называется, и женщина ответила: орден Сухэ-Батора!

Стоявшая рядом с нею молоденькая соотечественница объяснила мне, что я беседую с женой Сухэ-Батора.

Янжима рассказывала о современной Монголии, о том, что открыт университет и что уже был первый выпуск, страна получила своих врачей, педагогов, ветеринаров. Рассказывала, что среди выпускников немало женщин. Она, Янжима, возглавляла тогда в стране женское демократическое движение.

Уже позже я узнал, что Янжима была верной помощницей Сухэ-Батора в революционном движении. Она была связной ЦК партии в оккупированной белогвардейцами Урге, на стенах домов которой висели объявления, обещавшие за поимку Сухэ-Батора десять тысяч долларов. Янжима с маленьким сыном на руках, окруженная лютыми врагами, выполняла партийные поручения, снабжала Сухэ-Батора важными сведениями о противнике.

Увидел я и материалы, рассказывающие, как Янжима во время Великой Отечественной войны приезжала на наш Западный фронт, сопровождая вместе с генеральным секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии Юмжагийном Цеденбалом эшелоны с подарками для советских воинов.

Мне показали целый конверт с фотографиями посланцев МНР на Западном фронте. На первой же карточке я узнал Янжиму. Зима, снег, окопы. Стволы орудий и пулеметов. Янжима среди советских воинов в таком же белом, как и они, маскхалате с капюшоном. Орден Трудового Красного Знамени получила Янжима «...за выдающиеся заслуги,— как гласит Указ,— в деле организации в МНР материальной помощи Красной Армии».

Вот сколько нового принес поиск, подсказанный «Огоньку» товарищем Юмжагийном Цеденбалом!

И еще одна интересная находка. В военном архиве я прочел донесение командира одного из полков штабу 35-й сибирской стрелковой дивизии от 25 июня 1921 года. Вот строчки из этого документа: «Когда командиру кавдивизиона донесли, что противник пустил в обход полка свою кавалерию, командир кавдивизиона тов. Рокоссовский, быстро собрав дивизион, выехал на линию огня... Выждав удобный момент, бросился на противника и лихой атакой опрокинул противника... Результатом боя было освобождение целого батальона 311-го полка и большие потери в личном составе противника. Самим командиром дивизиона тов. Рокоссовским было положено 9 человек. Во время боя командир дивизиона был ранен в ногу, а лошадь под ним убита. Несмотря на это, тов. Рокоссовский находился при полку, руководя им, и только громадная потеря крови от нанесенной ему раны заставила его отправиться в лазарет». Константин Константинович Рокоссовский, будущий Маршал Советского Союза, прославленный герой и полководец Великой Отечественной войны! Донесение составлено неподалеку от тех мест, где действовал Сухэ-Батор. Может быть, как Чойбалсан в дни боев на Халхин-Голе находился рядом с Жуковым, так и Сухэ-Батор в двадцатые годы был рядом с Рокоссовским?

В дни, когда я работал над этим материалом, и у нас и в МНР широко отмечалось 40-летие победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе. Довелось и мне побывать на торжествах. Я видел, как обнимались седые воины двух братских армий, вместе одержавших победу в тяжелой, кровопролитной битве. Узнал и тех, о ком писал, когда все мы были молоды. И в этих встречах я увидел продолжение тех метров давней киноленты, которая запечатлела первые шаги истинного братства и дружбы Страны Советов и народной Монголии.

ВТОРОЕ СЧАСТЬЕ?

Виктор ПРОНИН

Пришло из Мурманска письмо. Необычное, встревоженное, написанное с искренней душевной болью. Зинаида Тимофеевна, не буду называть ее фамилию, рассказала о своей жизни, о семье, о каждодневных своих заботах. И помимо прочего, высказала такую мысль: а хорошо ли она делает, воспитывая своих детей.... хорошими?

Вот эти строчки... «У меня двое детей, сыну двадцать лет, дочери три года. Сын хороший, работящий, пока честный. Останется ли таковым в будущем, не знаю. Не уверена даже, что хочу этого. Зная его неудачи, трудности, с которыми дается каждый шаг, я на пятом десятке невольно задумалась: а может, и не стоит мне дочь растить такой же правдолюбкой? Может быть, я как мать поступлю лучше, если научу ее приспосабливаться, изворачиваться и угодничать, когда это выгодно? Так ли уж редко приходится слышать, когда дети говорят своим родителям: «Кому нужна твоя честность? Сыт ею не будешь, на стенку не повесишь...» Да, наши законы гуманны и добры, но если бы все жили по законам! Те, кто умеет обходить их, кто умеет ловчить, обзаводиться выгодными знакомствами, живут лучше, обеспеченнее, веселее. Пока мне удается убеждать сына в том, что таких людей единицы, но ведь он сам уже взрослый человек, сам видит что к чему...»

Откровенно говоря, Зинаида Тимофеевна, не думаю, что за вашим письмом и в самом деле стоит решительный отказ от той морали, которой вы следовали всю жизнь. Вряд ли вы сможете, достойно прожив столько лет, вдруг отдать предпочтение угодничеству и пронырливости, даже ради каких-то благ. Не сможете! Скорее всего, за вашим письмом — обида, обида того вечера, когда вы его писали. Это подтверждает и проскользнувшая строчка: «Ничто так долго не живет в душе, как обида».

Из вашего письма видно, что вы презираете пройдох и ловкачей. И все-таки спрашиваете, скорее всего, сами себя спрашиваете: а не пойти ли за ними?

Лучше не пытаться, Зинаида Тимофеевна. Не получится. Не тот вы человек. Уж коли вы так жестко и недвусмысленно назвали вещи своими именами, если вы так поняли суть этих людей, не примете вы их, неуютно вам будет с ними. Чтобы затесаться в их компанию, нужна некая всеядность, предрасположенность к торгашеству, изрядная доля духовного бесстыдства. На это способен далеко не каждый. Первый же сверток, вынесенный из магазина черным ходом, первая же льгота, доставшаяся в обход товарищей, тех самых, которые ныне уважают и ценят вас, надолго отобьет желание снова заняться доходной суетой. Не принесет вам радости тугой пакет, подсунутый «полезным» человеком, потому что после этого вы уже не сможете поступать, как вам хочется, потому что придется расплачиваться за оказанную услугу, самой оказывать услуги и жизнь у вас пойдет, ох, беспокойная!

Не думаю, что вам не подворачивалась возможность словчить, схитрить, но если уж вы не пользовались такими «удачами» до сих пор, то и сейчас не сможете изменить себе. А ваши колебания — не обучить ли малышку льстить и угодничать... Скорее всего, вы написали эти слова, чтобы еще раз доказать самой себе, что все правильно, все у вас идет так, как надо.

Вы гордитесь своим сыном, его честностью, неподкупностью, твердостью. Да, это усложняет ему жизнь, но вы об этом пишете с гордостью. Разве вы мечтаете, проснувшись однажды утром, увидеть сына в образе ловкого приспособленца, сытого, бездушного и удачливого, неспособного откликнуться на чужое горе, не желающего рисковать собственным покоем ради чего бы то ни было? Неужели это превращение принесет вам счастье?

Знаете, Зинаида Тимофеевна, если уж и говорить об опасности, которая вроде бы подстерегает ваших детей, то она не в том, что они окажутся обделенными в жизни, не получат того, что им положено по праву. Опасность скорее в том, что дети могут перенять вашу неуверенность в правильности избранного пути, ваши колебания и сомнения. Вдруг они действительно решат, что порядочность смешна, верность себе и своим убеждениям — старомодная глупость, что искренние и совестливые люди всегда несчастны и не могут добиться в жизни чего-то дельного. Не буду доказывать обратное, вокруг нас слишком много примеров, опровергающих эту «житейскую мудрость». Но если ваши дети хотя бы изредка будут слышать о том, как выгодно хамство, как разорительно благородство, как легко можно добиться развеселой жизни, если чем-то поступиться, чем-то пренебречь, кого-то предать, то не станут ли они и в самом деле теми, чьи приобретательские успехи смущают вас сегодня? Как знать, если завтра они откажутся от законов порядочности, то послезавтра и другие законы покажутся им уже не столь обязательными... А это, как вы сами понимаете, путь отнюдь не к веселой жизни.

Еще одна странная нотка прозвучала в вашем письме, Зинаида Тимофеевна,— вы будто опасаетесь, что активность в жизни приводит к карьеризму, делячеству, дескать, деловитость и предприимчивость — это начальная стадия стяжательства. Думаю, вы ошибаетесь. Многие человеческие качества, чувства могут быть и плохими и хорошими. Скажите, неужели ненависть всегда плоха? Неужели зависть всегда постыдна? А нетерпимость? Мне кажется, будет здорово, если ваши дети возненавидят деляг, если они станут нетерпимыми к продажности, если они позавидуют людям сильным, готовым отстаивать свои убеждения.

Отказ от действенного самоутверждения часто толкает человека к пассивности, иногда возникают даже этакие иждивенческие настроения, когда полагают, что уж коли общество взяло на себя заботы об учебе, отдыхе, лечении, то оно обязано решать и сугубо личные вопросы каждого человека. И вот уже с семейными неурядицами идут в профсоюзную организацию, новоселы сочиняют в редакцию письмо о том, что строители завезли по весне саженцы, а рассадить не рассадили, сослуживцы, собравшись в круг, последними словами честят расхитителя и хама, клеймят беспомощность прокуратуры, которая вроде бы и обязана все видеть, да вот не видит...

За всем этим нередко видится капризное желание, чтобы кто-то добрый и заботливый пришел, все устроил, наказал плохих и похвалил хороших. И как-то не приходит в голову, что при наличии некоторого личного мужества, чувства справедливости, гражданственности каждый может призвать к ответу зарвавшегося пройдоху, привлечь к ответственности расхитителя, воздать должное человеку честному. Да, при этом придется привнести в свою жизнь некоторое беспокойство, риск. Но надо признать, что люди далеко не всегда мирятся с корыстолюбцами и рвачами, чаще они их наказывают.

Надо ли говорить о том, что уважение людей не приходит само по себе, что оно-то и есть самая большая отдача, которую может получить человек за достойно прожитую жизнь. А между тем, можно иногда услышать этакие невеселые сетования на то, что честность не принесла кому-то тех благ, на которые он рассчитывал, что отдача от добропорядочности гораздо меньше, нежели от пронырливости. И тут уж совсем недалеко до рассуждений о том, что же выгоднее, что прибыльнее — бескорыстие или нахальство? Да, если счет вести на свертки из-под прилавка, диковинные вещицы с заморскими этикетками, лукавую обязательность полезных людей, то нахальство вполне сойдет за второе, а то и за первое счастье. Но если вы сами пишете, что живете по совести, говорите то, что думаете, если дети вырастают похожими в этом на вас, если они разделяют, как вы пишете, вашу любовь к Родине, к России, то согласитесь, что это гораздо ближе к счастью. Вам не кажется? И если уж действительно задаться вопросом — кому нужна ваша честность, то можно смело сказать, что вы сами от нее не откажетесь, и детям вашим она нужна. Да и всем нам.

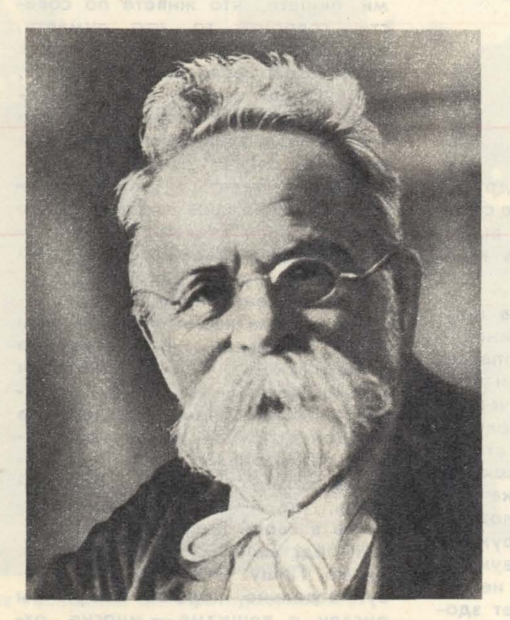
В заключение приведу выдержку из письма нашей читательницы Анны Васильевны Романовой из Кемеровской области, которая прямо, даже вызывающе утверждает, что она очень счастлива. За каждой строчкой ее письма чувствуется ирония и спокойная твердость духа. У нее своеобразный стиль, но и за ним — убежденность в своей правоте...

«Представляюсь: пенсионерка. Читаю. Пишу. Отдыхаю. Дети живут отдельно, хорошо живут. Вы писали о вещизме — многие охвачены. Это болезнь. Я все время говорю: пройдет, но не скоро. Дочь рада, что я так говорю. Дочь: «Скорее бы!» Она не может отставать от всех. Очень тяготится. Но что делать, если надо для самоутверждения. Многие считают: если есть ковер на полу, значит, ты человек. Если нет ковра — плевать будут. Сама живу, можно сказать, в бедности. Я очень счастлива. Мне нужны вещи только самые необходимые. Мне легко с ними, просторно. Недавно гостила у родни. Мне сноха хотела подарить шубу — ей мала. Новую, с этикеткой. Померила — рукава неловкие. Сноха: «Выпороть ватин и будет хорошо!» А мое старое пальто очень удобно сидит на плечах. Не стесняет. Радостно в нем. Не взяла шубу.

Удивляюсь: одна моя знакомая купила пальто, не воротник, а усы какие-то вниз висят. Холодно, но хвасталась — мода. А у нас в Сибири-то лучше мохнатый, большой. И голове уютно и телу тепло. Я одна вырастила двоих детей. Оба с дипломами. Одна говорит: «Что—ты? Вон шикарная женщина! Живет себе в удовольствие. Вся квартира в коврах!» Дескать, жизнь моя — насмарку. А у меня двое детей. Внук. Радуюсь. А она деньги платила, чтоб детей не было. Что угодно узнаю о ней — не удивлюсь. Окружающие меня уважают, хвалю их приобретения, одобряю. Но себе — нет. Не стремлюсь. Архив разбираю, дети ко мне соседские приходят. Просят репродукции, картины. Они любят, им надо для души. Лягут посреди комнаты животами на пол, кто сидит, кто стоит, а посредине — ворох! Интересный. Таинственный. Спрашивают: «А это кто? А это что?» И мне с ними хорошо. А потом и они заболеют. От родителей. Неужели заболеют вещизмом?»

Такое вот письмо прислала Анна Васильевна. Интересный может получиться разговор — о ценностях жизни, о воспитании детей, о том, как относиться к пройдохам и ловкачам—восхищаться, завидовать? Или не стоит? И всегда ли они в победителях, как показалось однажды Зинаиде Тимофеевне?

К 125-ЛЕТИЮ Н. А. МОРОЗОВА

Фотография Н. А. Морозова публикуется впервые.

В поселке Борок, Ярославской области, находится Дом-музей Н. А. Морозова. На мемориальной доске дома написано: «Здесь родился, провел детские годы и после 30-летнего заключения в царских тюрьмах жил и работал почетный академик Николай Александрович Морозов (1854—1946), революционер и ученый».

В Доме-музее сохранилась книга, давно ставшая библиографической редкостью: «Под сводами. Сборник повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости, составленный Н. Морозовым». В этом сборнике, вышедшем в 1909 году, помещено стихотворение, написанное Петром Поливановым в 1887 году, 31 декабря:

Н. А. МОРОЗОВУ

Изнывая в стенах каземата,
Одинокий, усталый, больной,
Не забудь, дорогой, что как брата
Я люблю тебя всею душой!

И одну у меня лишь желанье:
Поскорей от тебя услыхать,
Что твои миновали страданья,
Что здоров ты и весел опять!

Здесь следует сказать, что Морозов в течение первых шести лет заключения был лишен не только книг, но и очков. На просьбу о возврате очков комендант крепости отвечал: «Я сам хожу без очков, обойдетесь и вы!»

Очевидно, стихотворение Поливанова написано в то время, когда Морозову были возвращены очки и предоставлена возможность делать записи. Одной из таких первых записей и был рассказ «По общим законам природы», опубликованный в сборнике «Под сводами».

Рассказ, помещаемый ниже, ярко и убедительно показывает, что человеку, целиком поглощенному высшими целями, в данном случае революционной и научной деятельностью, чужды внешние, так называемые острые ощущения праздных людей. Для трудящегося человека наиболее сильные ощущения — в активной общественной деятельности, в неустанном творческом труде — таков лейтмотив рассказа.

Да и в самом заключении Морозов сумел настолько сильно увлечься научными и литературными интересами, чему свидетельством является публикуемый рассказ, что говорил впоследствии: «Я не в крепости сидел, а во Вселенной!» И еще — важнейшим его правилом было: «Одно только нужно: меньше думать о себе!»

ПО ОБЩИМ ЗАКОНА

Н. А. МОРОЗОВ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунок П. Пинкисевича

Однажды во время осенних каникул, которые продолжаются в Женеве от 15 июля до 22 октября, я поселился вместе с несколькими своими друзьями в деревушке, находящейся на склоне горы над Клараном, на северном берегу Женевского озера.

Сам же Кларан и прилегающие к нему хорошенькие городки Монтре и Веве служат курортами, куда съезжается как раз в это время года много всяких туристов, главным образом англичан и русских. Приехал туда между прочим и один русский военный доктор со своей женой. Мы быстро познакомились друг с другом и стали совершать совместные прогулки в горы и на озеро, отдельно и в компаниях, а это особенно способствует сближению между людьми, особенно за границей, среди иностранцев. Так случилось и с нами.

К концу каникул я и доктор стали большими приятелями, а жена его, довольно молодая и красивая женщина, у которой не было детей, начала еще вдобавок отчаянно кокетничать со мною... Как она кокетничала? — спросите вы. Очень просто. Совершенно так же, как мне показывала еще в пятом классе гимназии одна молодая институтка.

— Скажите, пожалуйста, как это у вас в институтах делают глазки? — однажды спросил я ее, то есть институтку (а не жену доктора), сидя с ней за несколько лет перед этим на скамейке в своем саду.

— Разве вы никогда не видали? — ответила она.

— Нет. Вы знаете, что я все время занимаюсь науками.

— Ну, так я вам сейчас покажу.

И, встав против меня в три четверти оборота, она повернула ко мне головку и состроила мне глазки замечательно хорошо, что кто этого не видал, даже и представить себе не может.

Мы оба рассмеялись и остались после этого большими друзьями.

И вот смотрю, точно такие же глазки строит теперь мне и жена доктора за спиной у своего супруга.

«Как все в мире делается по одним и тем же законам природы!» — подумал я, сопоставляя между собою оба случая.

Однако вскоре новые усиленные повторения ее попыток к флирту со мною привели меня в большое смущение. Прежде всего перспектива отбивать жену у своего приятеля нисколько мне не нравилась. Затем, я был в это время целиком поглощен революционными делами и научно-литературными предприятиями, и, кроме всего остального, очень многие особы женского пола нравились мне больше, чем она. С ее же стороны, очевидно, не было никакого серьезного чувства, а только желание убить время, остававшееся вечно свободным при материально обеспеченной жизни и недостатке каких-либо высших серьезных интересов у этой молодой женщины.

С такими типами, как она, я часто встречался и ранее, несмотря на то, что тогда мне не было и двадцати двух лет. Я хорошо понимал их психологию, хотя они никогда не могли понять моей. Да это и естественно. Каждый трудящийся человек имеет периоды отдыха, когда он бывает праздным и потому способен понять потребности праздного человека, но тот, кто никогда не увлекался трудом и высшими целями и интересами, как он может понять то, что никогда не испытал? То, что для нее и ей подобных было исканием захватывающих ощущений, для меня было только отвлечением от еще более сильных ощущений научной и революционной деятельности, поглощавших всю мою жизнь.

Так я и лавировал недели две между нею и ее мужем, который относился ко мне замечательно хорошо. Я не был в силах ее обидеть, дав ей чем-нибудь понять, будто не ценю ее усиленной приветливости, и притворялся, чтобы не идти ей навстречу, принимающим все это за простое выражение ее дружбы.

Но такое положение называется в механике положением неустойчивого равновесия физических тел и неизменно кончается их падением на ту или другую сторону по закону случайных отклонений. Так было и с нами. Прошло несколько дней, и я попал в очень затруднительное положение.

Идем мы раз все трое с вечерней прогулки при лунном свете в ее квартиру, занимавшую красивый белый домик на склоне горы, куда меня пригласил доктор посидеть с ними вечерок. Вдруг его жена обращается к нему уже при самом входе:

— Знаешь ли, мне ужасно захотелось тех сладких пирожков, что мы вчера ели в Кларане! Сходи, пожалуйста, и купи, а мы подождем тебя с чаем.

— Ну куда тут плестись за полторы версты! — брюзжал доктор.

— Пожалуйста! Мне очень хочется!

И вот ее муж пошел один в городок, а мы пошли вдвоем в их темную квартиру. Прислуга у них, как это водится в швейцарских деревнях, была приходящая, от хозяев, живших в соседнем доме, и не посещала их жилища иначе, как утром для уборки комнат и к обеду.

Если бы это случилось с какой-нибудь другой из моих знакомых, мне, конечно, ничего особенного и в голову не пришло бы, но тут я вспомнил все эти ее глазки, и улыбки, и разговоры на тему о любви, как только мы случайно оставались одни, и инстинктивно почувствовал приближение критического момента, когда нам обоим придется так или иначе выйти из нашего неустойчивого равновесия. Уже одна отсылка доктора в Кларан за полторы версты казалась мне очень подозрительной...

Пробравшись во второй этаж по узкой,

длинной и абсолютно темной лестнице, мы вошли, если можно так выразиться, в еще более абсолютно темную переднюю, где я по ее просьбе ощупью помогал ей снять с плеч мантилью или что-то подобное (до сих пор не могу запомнить названий всех этих женских приборов!), а затем мы отправились в их гостиную, освещенную через окна только двумя полосами лунного света.

— Ах, какая прелесть! Не будем зажигать лампы! — воскликнула она.— Будем лучше смотреть из окна на звезды!

И вот мы сели рядом у окна и, облокотившись на подоконник, стали наблюдать небесные светила и окружающий нас ландшафт... Картина была действительно чудная! Прямо перед нами склон холма, на котором был построен этот белый одинокий домик, круто спускался к Женевскому озеру, и весь он был покрыт садами и отдельными беленькими домиками для приезжающих иностранцев. Само озеро было все залито лунным светом, отражавшимся широкой полосой на его волнах от одного берега до другого. Темно-голубое небо спускалось над ним, все покрытое звездами, а на противоположном берегу озера одна на другую были нагромождены Савойские горы, поднимавшиеся по мере удаления от нас все выше и выше, пока не кончались вдали тремя зубчатыми вершинами Дан-дю-Миди, покрытыми вечными снегами. И все эти снега и ледники ярко блестели под лунным светом, а в тех местах, где горы оканчивались крутыми обрывами, проходили вкось длинные полосы черных, как сама ночь, теней. Такие тени тянулись с левой стороны через всю Ронскую долину, а с правой — через всю ширину Женевского озера, простиравшегося на запад так далеко, что противоположного берега его нельзя было видеть даже и днем.

М ПРИРОДЫ

В первое мгновение мы оба были охвачены таким восторгом, что забыли обо всем остальном... Но не прошло и трех минут, как моя соседка начала уже томно вздыхать и говорить, что эти чудные картины природы всегда наводят на нее какую-то безотчетную тоску, так как слишком ясно говорят о неудовлетворенности нашей личной жизни, о крушении девических идеалов и обнажают пустоту в ее сердце. Такие речи заставили меня сразу насторожиться, и, думая чем-нибудь занять наше время до прихода доктора, я вдруг вспомнил все, что читал и знал по астрономии, и стал ей поочередно называть и описывать каждое из видимых нами созвездий.

— Вон,— говорю,— посмотрите, как блестит эта большая желтая звезда! Это Атайр. По своей физической природе она совершенно сходна с Солнцем, но так далека от нас, что в самые сильные телескопы кажется одной точкой, хотя на самом деле больше не только нашей Земли, но и самого Солнца. Жаль только, что яркий свет Луны не позволяет нам видеть проходящую близ нее полосу Млечного Пути! Если бы вы посмотрели туда в телескоп, то увидели бы, как все небо покрыто там, будто золотой пылью, отдаленными звездочками, и представьте себе только — все они состоят из тех же веществ, как и наша Земля!

— Вы очень любите звезды? Больше нас, людей? — прервала она меня.

— Это трудно сравнивать! — отвечаю, инстинктом чувствуя опасность такого оборота речи.— Каждая любовь в своем роде. Да притом же я уверен, что около этих звезд есть планеты, где живут такие же сознательные существа, как и мы, и, может быть, в это самое мгновение встречаются с нами из бездонной глубины своими взорами.

— Как мы сейчас с вами? — лукаво перебила она меня, пытаясь снова устроить мне при блеске Луны такие же глазки, какие делала при солнечном свете из-за спины доктора.

— О да! Конечно! Хотя их органы зрения могут быть приспособлены и к другим лучам света, невидимым для нас. Ведь те лучи, которыми мы видим,— только одна октава из огромного числа лучистых колебаний. На Марсе, между прочим, у жителей должны быть огромные глаза, так как солнечный свет там почти втрое слабее, чем у нас, по причине большей отдаленности от Солнца этой соседней с нами земли... А вон звезда севера. Это Вега! Она несравненно сильнее накалена, чем наше Солнце. А если бы вы могли видеть в телескоп, что находится вон там, неподалеку от нее, между двумя меньшими звездочками! Целый золотистый венок тумана висит в этом месте неба, целое зарождающееся звездное небо, которое когда-нибудь будет подобно нашему!

— Как бы мне хотелось улететь туда... в это новое небо! — И она прибавила после некоторой паузы:—Вместе с вами!

— Да! — отвечаю.— Ужасно было бы хорошо! Сколько раз я сам мечтал еще ребенком устроить такой корабль, который был бы способен перелететь через эти бездны, отделяющие нас от других обитаемых миров! Вы, верно, и не подозреваете, какие там есть чудные земли-планеты! Есть такие, где вместо одного светят днем по два, по три, а иногда и более солнц! И притом часто разноцветных! Какие чудные оттенки должен представлять там такой же, как здесь, горный ландшафт, когда одни его склоны освещаются лучами красного, другие зеленого солнца, а сзади светит еще фиолетовое!

Право, не знаю, откуда только взялось у меня красноречие, так как в обыкновенном настроении я вовсе не отличаюсь ораторскими способностями и больше люблю слушать, чем говорить сам. Но тут язык мой обнаружил необыкновенную прыткость, потому чтс каждый раз, как я прерывал эту апологию неба, из которой привожу здесь только ничтожную часть, я видел с ее стороны попытку повернуть разговор на опасные темы, вроде сродства душ и что такое любовь и, еще хуже того, на чувство неудовлетворенности сердца, когда выходишь замуж без настоящей любви... Ведь при этой последней теме неизбежно пришлось бы ласково утешать мою собеседницу, взять ее нежно за руку и т. д. и т. д. А что сделала бы она в это время?

Наконец вдали, на дороге, показалась тень какого-то человека.

— А вон идет и доктор! — говорю я.

Она живо отскочила от меня.

— Ах, боже мой! А я и позабыла приготовить посуду! Надо поскорее зажечь лампу!

И вот, когда вернулся доктор, мы оба чинно сидели за столом друг против друга в другой, только что освещенной комнате, и притом выходившей окнами на противоположную сторону дома.

* * *

Через несколько дней окончились каникулы и я уехал в Женеву, дружески распростившись с моими кларанскими соседями. Из всей нашей компании остались там только сам доктор со своей супругой да молодой фармацевт, которого я буду называть Эльденом, очень милый и талантливый человек, сделавший уже несколько интересных открытий в своей обла-

сти. Кроме них, в соседней деревне продолжали жить еще двое-трое из наших общих знакомых и друзей.

Прошел месяц, и вдруг ко мне является один из них, бывший артиллерийский офицер, с письмом от доктора, где тот просит меня быть его секундантом на дуэли с Эльденом.

— Что это значит? — спрашиваю я в изумлении.

— Из-за жены. Ты сам мог видеть, что от праздной жизни у ней ничего не было на уме, кроме флирта. Я приглашен вторым секундантом со стороны доктора и нарочно приехал за тобой и за своими пистолетами.

— Но это же невозможно! — говорю я.— Разве можем мы смотреть равнодушно, как два хороших человека убивают друг друга на наших глазах? Первым моим побуждением будет броситься на них и вырвать из их рук оружие!

— Все это так,— ответил он.— Но в подобных делах нельзя отказываться: ведь долг секунданта не только присутствовать при стрельбе, но и способствовать всеми силами примирению противников. Ты обязательно должен согласиться!

— Но представь только, что примирение не удастся и дуэль кончится смертью одного из них. Ведь этого никогда в жизни не забудешь!

— Что же делать! Мне самому очень тяжело. Вся история вышла из-за каких-то пустяков в саду, но доктор и слышать не хочет о примирении.

И он сел в волнении на стул, так как по натуре был очень добрый и впечатлительный человек.

— Знаешь что? — сказал он мне в нерешительности, как бы размышляя про себя.— Зарядить пистолеты холостыми зарядами нечестно... Дуэль не шутка, но, служа в артиллерии, я никогда не слыхал, чтобы их нельзя было зарядить двойными зарядами... Ты ничего не скажешь, а секунданты Эльдена не заметят, если бы я даже всыпал туда тройное количество пороха. А между тем от этого будет такая отдача вверх, что пули неизбежно перелетят через головы противников! — размышлял он.— А затем мы, секунданты, вмешаемся и постараемся не допустить дальнейшего продолжения дуэли.

— Делай как находишь лучше,— сказал я, невольно улыбаясь его новому способу обезопасить противников.— Ты один у нас из артиллерийской академии, и, конечно, все пойдет под твоим руководством.

Через полчаса мы сели на пароход и отправились в Кларан. Высадившись на пристань, мы прежде всего пошли к Эльдену, чтобы сообщить ему о своей роли в этом деле и спросить, не хочет ли он предложить доктору какое-либо другое удовлетворение, кроме принятия его вызова.

— Это невозможно,— ответил он.— Я в таком положении, что, каковы бы ни были мои взгляды на дуэль, я не имею права отказываться.

Что было ответить на это? Мы помолчали, повертелись на своих стульях... Наконец я встал и, отведя Эльдена в другую комнату, спросил его:

— Скажи по-дружески, в чем дело? Ведь мне неловко спрашивать об этом у доктора, а нужно же знать, чтобы не действовать в потемках. Я никому не разболтаю...

— Да что ж тут сказать? Все вышло как-то само собой на прошлой неделе. Возвращались мы с доктором и его женой с прогулки при лунном свете и подошли к их дому. Она послала доктора за какими-то сладкими пирожками. А мы вошли в квартиру и стали любоваться из ее окна звездной ночью. На нее нашло меланхолическое настроение... Вы этого не знаете,— перебил он быстро сам себя,— но она несчастна в своем замужестве, и, если у них с доктором выйдет развод, я теперь считаю своим долгом жениться на ней... Ну, так вот, я стал ее утешать, и дело кончилось поцелуями. Прошло несколько дней. Вчера доктор увидел из окна, как я ее поцеловал в саду между деревьями, и тотчас же вызвал меня на дуэль.

Можно представить мое изумление, когда я услышал все это! Вот, думаю, какая участь предстояла бы и мне, если бы не моя астрономия! Пришлось бы подставлять грудь под пулю доктора, потому что ведь я никогда не согласился бы сам стрелять в него.

Но, конечно, ничего этого я не сказал Эльдену и, простившись с ним, отправился вместе со своим товарищем-секундантом к доктору. При входе в белый домик мы увидели прежде всего его жену, которая встретила нас с таким невинным выражением во взгляде, словах и во всех манерах, что более походила на переодетую монашенку, чем на живую и светскую женщину, какою она была. Затем из задних комнат вышел доктор, и мы все чинно уселись около стола и начали разговор о самых обыденных предметах и общих знакомых. Доктор был необыкновенно вежлив со своей женой. Конечно, я все время старался незаметно наблюдать за героиней истории, очевидно, знавшей, зачем мы приехали, и вдруг увидел, что сквозь эту напускную невинность она украдкой бросила на меня такой торжествующий взгляд, как если бы прямо сказала словами:

— Видите, какова я! Героиня дуэли!

«Ну,— думаю,— вот в тихом омуте черти!..» Ей, очевидно, и жутко и нравится, что мы побросали все свои дела и прискакали сюда ради нее. Она, как ребенок, не хочет даже подумать о полной возможности ничем не поправимого кровавого окончания дела!

Посидев с ними четверть часа, Сергей, так звали моего друга-артиллериста, сказал доктору, что мы, в сущности, приехали сюда по одному частному делу. Доктор сейчас же пригласил нас во внутренние комнаты. Опять мы начали разговор о мирном окончании дуэли.

— Мы оба приняли на себя обязанность ваших секундантов,— сказал Сергей,— и потому имеем право говорить с вами откровенно. Скажите же, какая необходимость доводить дело до кровавого исхода из-за того только, что Эльден поцеловал в саду вашу жену? Недостаточно ли просто прекратить с ним всякое знакомство, как вы уже и сделали теперь, а мы беремся выпроводить его из Швейцарии и устроить так, чтобы он никогда не ступал ногой в тот город, в котором находитесь вы или ваша жена?

— Но он не только поцеловал ее, он еще и обнял! — воскликнул доктор с гневом.— Нет, один из нас должен остаться мертвым на месте!

Все наши разговоры не привели ни к чему. Когда Сергей зачем-то ушел в другую комнату, я вдруг неожиданно для самого себя положил свою руку на рукав доктора и говорю ему:

— Доктор! Будем рассуждать философски. Вы любите свою жену и, следовательно, желаете ей всякого счастья. Значит, если она любит вас больше кого-либо другого, то поверьте, что все, что вы видели в саду, было без всякой серьезной подкладки. Если же она любит Эльдена больше вас, то вы не поправите дела дуэлью. Предложите же ей самой выбор между вами и им, и я уверен, что она выберет вас. Если же нет, то дайте ей развод, пока у вас нет детей, а сами вы потом найдете себе другую жену, еще лучше!

— Но лучшей мне не надо! — воскликнул доктор.— Хорошо это вам говорить так пофилософски о чужой жене, а что бы вы сказали, если б дело шло о вашей! Нет, один из нас должен остаться мертвым на месте!

Было ясно, что всякие дальнейшие разговоры бесполезны. Сергей вернулся и раскрыл перед ним свой ящик с пистолетами.

— Но они слишком малого калибра! — воскликнул доктор, взглянув на один из них.— Ведь мы не воробьев собираемся стрелять, а на жизнь и смерть!

Сергей стал защищать достоинство своих пистолетов, но доктор и слушать не хотел. Он требовал других, самого большого калибра.

— Но где же я достану другие! — отвечал Сергей.— У Николая нет никакого оружия, кроме увеличительных стекол, циркулей и физических инструментов, а купить нигде нельзя, потому что в Швейцарии никто никогда не дерется на дуэли. Рядом же, во Франции, дерутся только на шпагах, да и то бывают слишком деликатны, чтоб наносить противнику что-либо, кроме царапин!

— В таком случае,— воскликнул доктор,— я сейчас же выпишу другие от одного из моих знакомых офицеров в Петербурге!

У нас, секундантов, сразу отлегло на душе! «Будет,— думаем,—отсрочка по крайней мере на две недели!»

— Вот,— говорю я,— и отлично! Выписывайте! А мы теперь пойдем переговорить с секундантами Эльдена и устроить так, чтобы вы и он не встречались за это время.

В назначенном месте мы сошлись с Эльденом и сообщили ему весть об отсрочке дуэли. Потом пошли переговорить с двумя его секундантами, так же как и мы, из эмигрантов.

— Теперь, господа, послушайте меня,— объявил нам всем с живостью Сергей,— и вы увидите, что все кончится хорошо! Пока доктор живет вместе с женой, они никогда не объяснятся друг с другом. Они будут молчать о главном деле и дуться, а когда заговорят, он будет на каждом слове перебивать ее, а она его! Значит, поставим мы обеим сторонам такие окончательные условия. Эльден до окончания дуэли должен безвыездно жить в Женеве на одном конце Швейцарии, а доктор — в Цюрихе, на другом ее конце. Жена же доктора должна безвыездно жить посредине между ними в центре Швейцарии — в Берне, у знакомых, с правом переписываться с тем и другим. Тогда и доктор и она соскучатся друг о друге за две недели разлуки, объяснятся письменно, не перебивая друг друга, и примирятся.

Мы сначала рассмеялись над таким распределением враждующих сторон и нейтральной дамы, но возражать против него не было никакой причины.

* * *

И что же? Все так и вышло, как говорил Сергей. Предложенные нами условия были приняты обеими сторонами, хотя и не без протестов со стороны доктора, и белый домик, из окон которого мы с его женой наблюдали когда-то звезды, сразу опустел. Все мы разъехались из Кларана, но не прошло и десяти дней, как я получил от доктора такое письмо:

«Спасибо вам за все, что вы для меня сделали, и за все, что готовы были сделать! Жена объяснила мне, что сцена в саду была, как вы и говорили, пустяки. Она совершенно растерялась от неожиданного поступка Эльдена. Конечно, его бесстыдство не заслуживает ничего другого, кроме презрения и прекращения с ним знакомства! Сообщите это его секундантам. Жена сейчас приехала ко мне в Цюрих, и мы с ней едем через неделю в Россию, но перед этим непременно заедем проститься с вами».

Такое же письмо получил в этот день и Сергей. А что касается до Эльдена, то еще накануне к нему пришло прощальное письмо от жены доктора, о содержании которого мы его не расспрашивали, и почти сейчас же он уехал в Ниццу.

Через несколько дней явился ко мне и сам доктор со своей супругой. Он радостно приветствовал меня, а она, к великому моему удивлению, так и обвеяла меня холодом, тогда как с Сергеем была очень мила и болтлива.

— Что такое с вашей женой? Что имеет она против меня? — спросил я доктора, уведя его в другую комнату. Доктор сконфузился.

— Это все я виноват,— сказал он.— Возвратившись ко мне, жена, конечно, сейчас же начала выпытывать у меня все подробности о приготовлявшейся дуэли. «А что говорил Николай?» — спросила она меня. И дернул тут меня черт сказать ей заключительные слова вашего философского рассуждения, что, мол, я мог бы найти себе жену еще лучше! «Он это сказал!» — воскликнула она и так рассердилась на вас, что не хотела даже видеть, и я насилу уговорил ее приехать со мной в Женеву.

Я понял, что положение неустойчивого равновесия, которое я так искусно продолжил с ней своей астрономией, окончилось навсегда. Мы оба упали по общим законам падения физических тел, но только не в объятия друг к другу, как дело было с Эльденом, а в две противоположные стороны.

На другой же день они уехали, и я провожал их на вокзал. Доктор на прощание расцеловался со мною, а она сухо приняла мою протянутую руку, даже не взглянув на меня, и, может быть, до сих пор не простила мне моих неосторожных слов.

Через несколько месяцев я и сам уехал в Россию и по дороге заехал в Кларан. Белый домик, где произошла вся эта история, стоял по-прежнему на склоне холма, но там уже жили чужие незнакомые люди...

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

СКАЖИ, КЕМ ТЫ СТАНЕШЬ?

Один мой знакомый четырехлетний москвич ответил на этот вопрос без колебаний: «Буду космонавтом!» «Почему именно космонавтом?» — поинтересовалась я, и Толик Малеванный привел вполне серьезный аргумент: «Хочу летать высоко-высоко». А моим сверстникам в возрасте Толика космос не мог и пригрезиться! Зато вагоновожатыми, помнится, мечтали стать многие ребята с нашего двора. Теперь профессия эта перешла в разряд «золушек», и на наших глазах вырос престиж иных специальностей. Правда, мы чаще всего обнаруживаем эти перемены, когда дети наши или дети наших знакомых, шагнув за школьный порог, устремляются к дверям вузов. И тогда мы удивляемся: неужели в Бауманском низкий проходной балл? Туда так трудно было прежде попасть! И с чего это вдруг такой сумасшедший наплыв на факультет журналистики? «Ну, тут все ясно,— разъяснил мне коллега,— вспомни, сколько фильмов о журналистах прошло за этот год. И все это информация о профессии! Другое дело — по плечу ли она каждому из тех, кто собрался поступать на журфак!»

«Кем быть?» Ответ на этот вопрос дается обычно на целую жизнь. И если произошла ошибка, помешавшая в полной мере проявить способности человека или толкнувшая его на повторные поиски, ущерб несет как личность, так и общество в целом. Разве нельзя своевременно подсказать молодому человеку, который зачастую толком и не знает, с какой конкретной деятельностью связана та или иная профессия, какая специальность для него более подходящая? Ведь известно, например, что для одной профессии обязательна точность руки и быстрота реакции, для другой решающее значение имеет глазомер, для третьей — хорошая память, для четвертой — музыкальная одаренность. Можно ли заранее «примерить» физические и психологические данные человека к требованиям той или иной специальности? Оказывается, можно, и очень интересный опыт в этом направлении, как я узнала, накоплен педагогами, врачами и психологами в словацком городе Кошице. Учреждение, где они работают, носит длинное название «Областная психолого-воспитательная клиника и центр помощи в выборе профессии».

...Новое трехэтажное здание на улице Заделской, где разместилось это необычное учреждение, напоминает школу. Коридоры заполнены ребятами разных возрастов: кто пришел один, кто с родителями. Первая встреча для всех — с дежурным психологом. Сегодня дежурит Квета Штромпова, и я спросила ее, что в ее работе самое главное.

— Самое главное — чтобы получить как можно более полную информацию о пациенте,— с улыбкой ответила молоденькая Квета.— Для нас важно знать не только подробности развития ребенка, болезни, которые он перенес, но особенности его характера, привычки, наклонности, обстановку в семье. Потом, когда мальчик или девочка пройдут обследование в специальных лабораториях нашего учреждения, и самое главное — систему тестов, все сведения будут тщательно проанализированы и карта психологической диагностики готова!

Дежурный психолог показала нам карту Яны М. Два года назад мать обратилась с просьбой помочь дочери сделать правильный выбор профессии. Девочка в последнее время стала хуже учиться, сторониться друзей, очевидно, на нее повлиял развод родителей и то, что пришлось поменять школу. Что же показало психологическое обследование? Квета зачитывает: «Логическое мышление Яны М.— хорошее. Психомоторика и координация в норме. Наблюдательность и память хорошие. В личностной оценке нет недостатков. Девочка немного экспансивная. Заключение: на основе проверки тестами — у Яны М. большие способности к учебе, особенно к математике. Реальные предпосылки к успешному обучению в экономическом техникуме».

— И что же, выполнила Яна ваши рекомендации?

— Да, она учится в экономическом техникуме, и ее хвалят. Мы всегда продолжаем наблюдение за нашими подопечными, и если бы Яна не успевала, это было браком в нашей работе!

— Но ведь, очевидно, случается и по-другому?

— Как правило, ошибок не бывает, особенно теперь, когда мы изучаем наклонности ребенка начиная с пятого класса.

В кабинет Штромповой заглянула женщина. Очередной визитер, а всего их на сегодня записалось двадцать четыре! Сильно волнуясь, женщина объясняет: пять лет назад по рекомендации «советника по воспитанию» она привела сюда сына, который страдает сильным заиканием. Доктор Каменски из центра постоянно с ним занимался и считает, что, несмотря на дефект речи, мальчик, который с детства хорошо рисует и занимается в изостудии, должен получить образование художника. Но куда именно стоит подавать документы? Какие экзамены потребуется сдать и какой конкурс предстоит ему пройти?

— Ну, это просто! — говорит Квета.— Подымитесь этажом выше в кабинет профинформации и посоветуйтесь с Яном Шпиткой. У него в картотеке вы найдете все необходимые сведения.

Дело в том, что это учреждение заботится также о детях, страдающих различными дефектами, а также отбирает особо одаренных, помогая выявить их таланты.

В некоторых капиталистических странах психологи делят детей на две категории: ты талантлив, подходишь к учебе в университете, а ты отойди в сторонку! Скорее всего сыну этой посетительницы там посоветовали бы не рваться к высшему образованию, тем более что его мать не занимает высоких должностей, а трудится в цехе металлургического комбината.

— У нас такого нет и быть не может! — сказала Штромпова и посоветовала заглянуть в кабинет профориентации.

Энергичный преподаватель словацкого языка Ян Шпитка работает здесь уже десять лет.

— Из года в год мы с помощью школьных «советников по воспитанию» проводим, начиная с пятого класса, опросы ребят, кем они хотят стать, и уже к началу последнего года обучения знаем, кто из них куда пойдет учиться дальше,— рассказывал Шпитка.— Это не просто пассивное исследование интересов молодежи. Наша задача — помочь каждому выбрать профессию, в которой бы достигалась гармония интересов и возможностей молодого человека с общественными потребностями. Для этого важна тесная связь центра со школами, предприятиями и обмен взаимной информацией. Мы организуем лекции о профессиях для учеников и родителей, составляем методические пособия, готовим статьи, сценарии для телевидения, всевозможные брошюры.

Он раскрыл одну из таких брошюр. В ней подробно рассказывалось о предприятии, которое приглашает молодежь на работу. Информация о заработках, возможностях применения профессии и дальнейшей учебы. Как показали социологические исследования, в Чехословакии на выборе молодежью своего пути часто неблагоприятно сказывается, во-первых, недостаточная информированность о профессиях, а во-вторых, тяга к «престижным» специальностям. Например, при поступлении в вузы большинство молодежи стремится на гуманитарные факультеты, а в ПТУ у ребят особо популярны профессии автомеханика, радиотехника, у девушек — парикмахера, продавщицы, швеи.

В последние годы все заметнее становится роль специальной службы консультаций по выбору профессий.

Ян Шпитка показал мне великолепную картотеку, где собраны сведения обо всех учебных заведениях страны, включая данные о конкурсах, экзаменационных тестах, характере будущей работы. Стоит ли говорить, как популярна эта картотека среди выпускников школ города Кошице, которые поддерживают тесный контакт с учреждением на Заделской улице!

Но, пожалуй, самое интересное из того, что я здесь увидела, мне показал Ладислав Бача. Вместе с ним я совершила экскурсию по комнатам первого этажа, где было множество занимательных аппаратов. Тут мне предложили провести металлическим стержнем по узкому извилистому желобку (любое касание края фиксировал прибор!), потом я должна была быстро нажать кнопку по сигналу вспыхивающей лампочки, а затем меня посадили перед «машиной-гипнотизером». Под воздействием светового пятна и монотонного звука здесь можно задремать, а лаборант тем временем проверит реакцию вашей сердечной мышцы на эмоциональное возбуждение.

Всего здесь, как мне объяснили, 20 различных приборов, а один из них, «конфликтограф», имеет 225 программ! И все они созданы замечательным мастером Ладиславом Бача в сотрудничестве с доктором-психологом Михалом Боднаром.

— Как правило, все эти приборы мы показывали «советникам по воспитанию», и они им понравились! — прощаясь с нами, сказал Бача.

— Кто они такие, «советники по воспитанию»? — с этого начался наш разговор с Ладиславом Горей, заместителем директора, курирующим центр помощи в выборе профессии.

— Специальная служба консультаций по выбору профессий, которая создана в Чехословакии, состоит из трех звеньев,— пояснил Горей,— в каждой школе-девятилетке учреждены «советники по воспитанию». Это педагоги, которые, помимо своего основного предмета, занимаются вопросами профориентации школьников и получают за это дополнительные деньги. Затем во многих районах страны созданы психолого-воспитательные консультации. И, наконец, существуют такие же учреждения, как наше.

Эта клиника была организована в 1959 году, а спустя 8 лет тут появился центр помощи в выборе профессии, и теперь это уже единое учреждение. За год на Заделскую улицу приходят до полутора тысяч пациентов от 2 до 19 лет. Кроме того, тут ведется обширная научно-исследовательская работа. Разрабатываются специальные методические пособия для «советников по воспитанию», организуются семинары и курсы для учителей. А недавно сюда на консультации начали приходить воспитатели детских садов.

— Результаты нашей работы очевидны,— с удовлетворением говорит Ладислав Горей.— В последнее время все больше молодых людей осознанно выбирают свой путь в жизни, получив квалифицированную «подсказку» о своей будущей профессии!

Кошице — Москва.

из итальянских разысканий

НОВОЕ О СИЛЬВЕСТРЕ ЩЕДРИНЕ

Иван БОЧАРОВ,
Юлия ГЛУШАКОВА

В Сорренто, на площади Корреале, установлена мраморная доска, на которой выбиты имена великих людей, живших в этом городе и черпавших там вдохновение: поэтов, писателей, художников, ученых. Одним из первых в списке значится имя Сильвестра Щедрина, блестящего русского пейзажиста, посвятившего Сорренто свои лучшие полотна.

В советских художественных собраниях сохранились десятки картин этого выдающегося мастера. Столько же, если не больше, произведений художника до сих пор не разыскано. Основная часть этой доли художественного наследия Щедрина навсегда осталась за границей, главным образом в Италии, где он провел последние двенадцать лет жизни и где в 1830 году — 39 лет от роду — в расцвете таланта его настигла смерть.

С тех пор прошло почти полтора века. Случилось так, что большинство картин художника, оставшихся за рубежом, бесследно рассеялось по частным собраниям, а в итальянских музеях и картинных галереях до самого последнего времени не было выявлено ни одного холста живописца. В результате, когда некоторое время назад среди итальянских искусствоведов вспыхнул интерес к жизни и творчеству этого русского художника, выяснилось, что никому не известно, есть ли в Италии его пейзажи. Возрождение в Италии интереса к Щедрину было вызвано дискуссией по поводу его места и роли в становлении неаполитанской живописной школы Позиллипо, расцвет которой приходится на вторую четверть прошлого века.

Приоритет в постановке вопроса принадлежит известному итальянскому ученому, художественному критику и живописцу Паоло Риччи, который еще в 1955 году высказывал мысль о влиянии Сильвестра Щедрина на формирование течения позиллипистов, писавших реалистические виды Неаполя и его окрестностей, согретые теплым лирическим чувством. Этот тезис Паоло Риччи и в дальнейшем отстаивал в своих работах.

Подобной же точки зрения придерживался и другой видный знаток истории неаполитанской живописи, ныне покойный искусствовед Серджо Ортолани. В одном из своих последних трудов Ортолани приводил свидетельство Джачинто Джиганте, этого крупнейшего местного представителя школы Позиллипо, о том, что он знал русского художника лично, работал вместе с ним и даже через четверть века после его смерти выступал в качестве эксперта по атрибуции щедринских полотен, оставшихся в Италии. Ортолани считал бесспорным влияние Щедрина на самого Джачинто Джиганте и других неаполитанских художников-позиллипистов.

В 1962 году в Неаполе была устроена выставка «Неаполитанский пейзаж в иностранной живописи». Работы Сильвестра Щедрина из советских собраний на этой выставке не экспонировались. Но был представлен небольшой щедринский этюд с видом приморского поселка Мета ди Сорренто — блестяще исполненный пейзаж, поражающий необыкновенным богатством тональностей, особенно в передаче морской поверхности. Картину эту, принадлежащую неаполитанскому музею Сан-Мартино, раньше приписывали Антону Питлоо, голландскому художнику, который в 1815—1837 годах жил и работал в Неаполе. Правильная атрибуция картины принадлежит Серджо Ортолани.

Надо сказать, что работа по идентификации произведений школы Позиллипо наталкивается на большие трудности. Возрождение интереса в Италии к творчеству позиллипистов в тридцатых годах нашего века сопровождалось невероятным коммерческим ажиотажем. В угоду требованиям рынка все картины, носившие на себе печать позиллипистов, приписывали либо Питлоо, либо Джачинто Джиганте, которых считали основателями школы и ее крупнейшими представителями. Подписи подлинных авторов соскребались, и вместо них наносились новые, более отвечающие потребностям коммерции.

...Сильвестр Феодосиевич Щедрин происходил из художнической семьи. Его отец Феодосий Щедрин был известным русским скульптором и ректором Петербургской академии художеств. Дядя, брат отца Семен Щедрин, считался крупным пейзажистом. Оба они много лет провели в заграничных поездках, продолжительное время жили и работали в Италии. Художественное образование Сильвестр Щедрин получил в Петербургской академии художеств, которую окончил в 1812 году с золотой медалью и правом на поездку в Италию в качестве пенсионера академии.

Наполеоновские войны и разыгравшиеся после этого события европейской истории отодвинули поездку Щедрина за границу. Она состоялась только в конце сентября 1818 года, когда с группой других пенсионеров, среди которых был скульптор Самуил Гальберг, ставший самым близким другом художника, Щедрин прибывает в Рим.

Работ этого периода сохранилось мало, но в них уже было нечто такое, что заставило обратить внимание на молодого русского пейзажиста, упорно прокладывавшего свой путь в искусстве. Художник вскоре получает заказ на два неаполитанских вида и летом 1819 года перебирается в Неаполь.

Щедрина сразу покорил этот город. Он упивается красочностью южной природы и экзотичностью обычаев неаполитанцев, жадно впитывает в себя впечатления от местной жизни, которые тут же доверяет своей кисти. Его пейзажи с самого начала полны жанровых сцен. Он пишет виды города, залива, Везувия, делает множество этюдов в окрестностях Неаполя: в Поццуоли, на Иские, в Кастелламмаре.

Проследить эволюцию творческих приемов Щедрина в его первое пребывание в этом городе трудно из-за недостаточного количества сохранившихся работ того периода. Художник, как видно, упорно стремился преодолеть разлад с самим собой, освободиться от груза академизма, что ему, судя по всему, не всегда удавалось. Наверное, в этюдах-картинах, писанных с натуры, он уже говорил новым художественным языком, но когда от этюдов переходил к большой композиции, верх брала академическая выучка, и классицистическая условность подавляла свежесть непосредственного впечатления. Во всяком случае, он вполне доволен серией этюдов-картин маслом, сделанных, как он выражался в письме в Петербургскую академию художеств, «для себя» летом 1820 года в Кастелламмаре. Но одновременно в письме к родителям с горечью признавался: «Здесь мне удалось написать одну картину, за которой я сидел очень долго и которую точно хотел написать, как говорится, для славы, но так наславил, что и не знаю, производил ли свет гаже картины, мною написанной. С досады кинул оную...»

В марте 1821 года живописец вернулся в Рим. Его неаполитанские работы были выставлены сначала у русского посланника, а затем в мастерской художника, заслужив, по словам Щедрина, «лестные отзывы».

В Риме он живет до июня 1825 года. Пишет два вида Колизея в классицистической манере, которые в глазах академии должны были служить оправдательным документом заграничного «пенсиона». Это, кажется, уже были явные сделки с совестью, поскольку они не отражали творческой эволюции художника, прочно становившегося на путь реализма. Летом работает в Тиволи, Субиако, Альбано, Фраскати, где делает десятки этюдов-картин, которые завершает зимой в Риме, дополняя фигурами людей. Сохранившиеся произведения этого времени говорят о его неустанном движении вперед, к правдивому изображению природы.

Переломным считаются 1824—1825 годы, когда Щедрин написал серию полотен, свидетельствовавших о его окончательном переходе на новые позиции. Наиболее известны из этой серии пейзажи под названием «Новый Рим» с видом реки Тибр, замка и моста Святого Ангела и купола Святого Петра вдали.

В июне 1825 года Щедрин снова уезжает в Неаполь, где и остается до своей преждевременной смерти. На пятилетие 1825—1830 годов приходится высший взлет в творчестве художника.

Зиму Щедрин обычно проводит в Неаполе, летом «скитается на осле из стороны в сторону» в поисках мест, где «ни одна ландшафтная нога не ступала». Работает в Поццуоли, на Капри, в Амальфи, Вико-Экуэнсе, но больше и охотнее всего — в Сорренто. Он по-прежнему делает много видов Неаполя, но «городским видикам, где много человечков», предпочитает, по его собственным словам, «море, скалы, утесы и пр.». Щедрин опять находит, что «Неаполь прелестен, но не дышит художеством» и что «художников мало». Упоминает в своей переписке о живописце Раффаэле Карелли, с которым, судя по тону, был близко знаком. Сообщает, что имеет ученика из итальянцев по имени Джачинто Джиганте.

Переписка С. Щедрина, неизвестная итальянским исследователям, таким образом, вносит полную ясность в дискуссию о взаимоотношении между творчеством русского пейзажиста и школой Позиллипо, подтверждая правоту Паоло Риччи. Справедливости ради следует сказать, что эта же проблема была поставлена советским искусствоведением еще в сороковых годах нашего века. В 1946 году известный советский ученый Б. Р. Виппер написал статью (она, правда, увидела свет только в 1974 году), в которой, в общем, правильно, несмотря на скудость имевшихся в его распоряжении данных, решал вопрос о месте Щедрина в истории итальянского реалистического пейзажа XIX века. Б. Р. Виппер говорил в своей статье о взаимовлиянии школы Позиллипо и русского художника. Однако, исходя из того, что из всех живописцев школы Позиллипо к манере позднего Щедрина больше всего близок Раффаэле Карелли — по композиции своих картин, по тенденции к пленэру, по сходной роли в пейзаже человеческой фигуры,— Б. Р. Виппер ошибочно считал, что это дает «все основания думать, что именно Карелли был вдохновителем того своеобразного сочетания жанра и пейзажа, которое такое блестящее развитие получило в творчестве С. Щедрина».

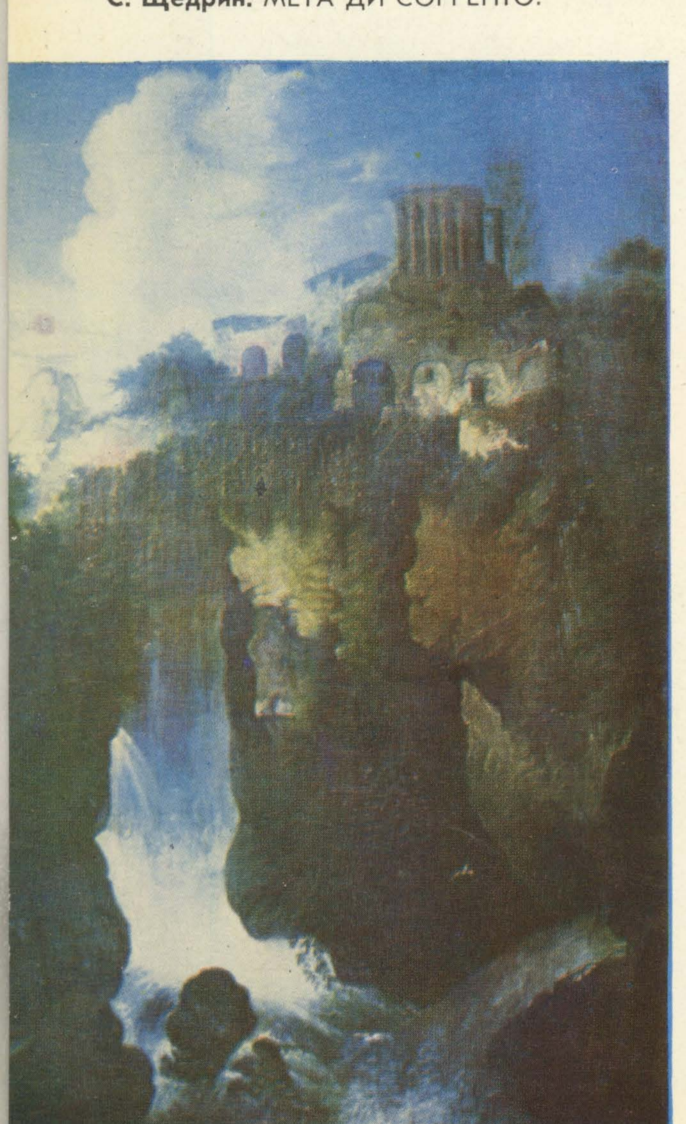
Действительно, сходство в манере обоих художников поразительно. Весь вопрос в том, за кем приоритет. Серджо Ортолани доказал, что приоритет — за русским художником. По его данным, вполне достоверных работ Раффаэле Карелли, написанных раньше 1833 года, нет. Что же касается, например, такой его известной вещи, как «Вид порта в Поццуоли», которая наиболее очевидно свидетельствует об аналогиях в творчестве обоих художников, то эта картина собственноручно датирована автором 1837 годом. Она, стало быть, создана десять лет спустя после серии соррентийских марин С. Щедрина и под прямым и безусловным их влиянием, хотя значительно уступает им по своим живописным достоинствам.

Влияние Щедрина на школу Позиллипо, подчеркивает Паоло Риччи, несомненно в творчестве не только Раффаэле Карелли и других «меньших» представителей течения, сплошь повторявших в своих картинах щедринские мотивы природы Неаполитанского залива, но и самих Антона Питлоо и Джачинто Джиганте. В их творчестве щедринские живописные принципы нашли дальнейшее развитие. Они затем были восприняты братьями Палицци, которые пережили «позиллипистскую»

С. Щедрин. 1791—1830. БУХТА МАССА ЛУБРЕНСЕ. Неаполь. Музей Сан-Мартино.

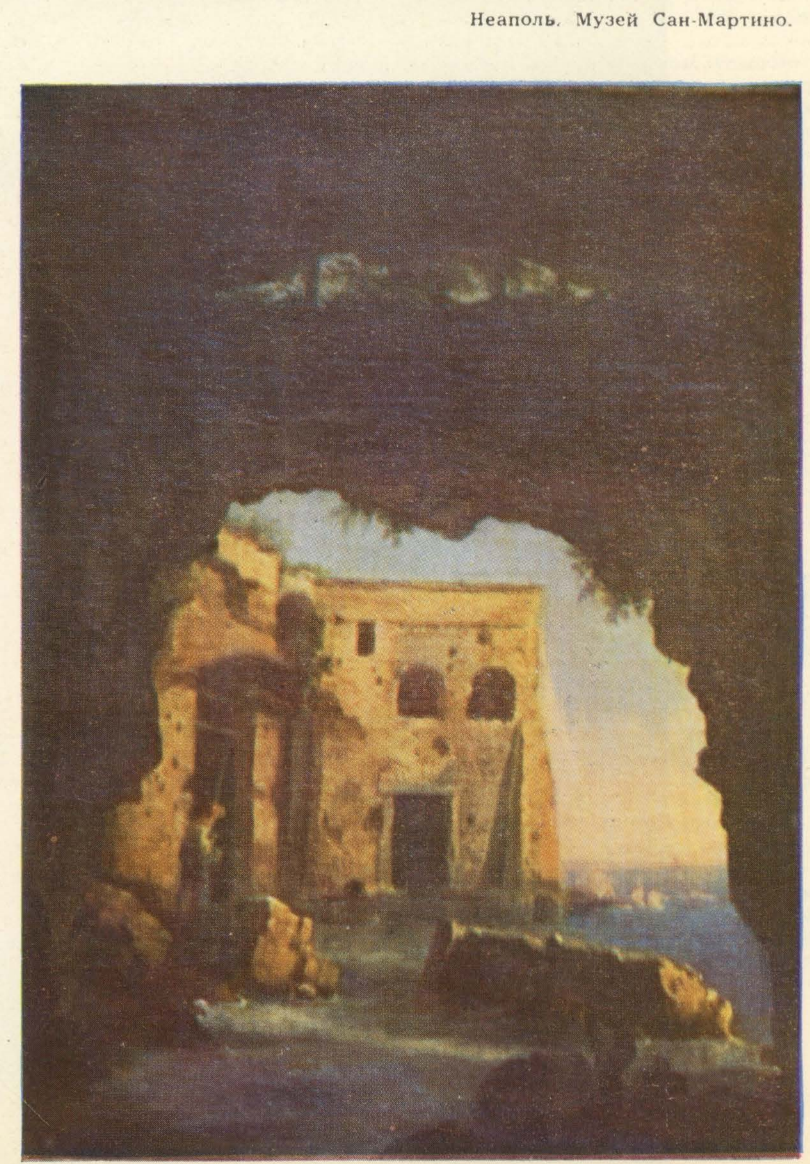
ЗАМОК ЯЙЦА. Рим. Галерея современного искусства.

С. Щедрин. МЕТА ДИ СОРРЕНТО. Неаполь. Музей Сан-Мартино.

Ф. Матвеев. 1758—1826. ТИВОЛИ. ХРАМ СИБИЛЛЫ.
Рим. Частное собрание.

ДОМ С РЫБАКАМИ.
Неаполь. Музей Палаццо Реале.

молодость и стали наиболее последовательными реалистами в итальянской пейзажной живописи XIX века, непосредственно сомкнувшись с барбизонской школой.

Так подтверждается старое предположение если не о прямом влиянии Сильвестра Щедрина на Коро и барбизонцев, то об общей направленности новаторских устремлений в ландшафтной живописи XIX века, об их слиянии в единое русло, о большом вкладе, внесенном замечательным русским художником в становление и историю европейского реалистического пейзажа.

Во второй половине двадцатых годов Сильвестр Щедрин — в зените своей славы. Его картины раскупают нарасхват, его осаждают заказами и русские и итальянские любители живописи, равно как и заезжие путешественники из других стран. В 1829 году Неаполитанская академия художеств избирает его своим почетным профессором.

Но успех на чужой земле ни на минуту не ослабил привязанности к родине, интереса к художественной жизни России. Он по-прежнему ведет оживленную переписку с родственниками и друзьями в Петербурге, сетует на них, когда они скупо пишут о тамошних новостях. Мечтает о возвращении на родину. Щедрин по-прежнему остается глубоко русским человеком и художником, сохраняя верность особенностям национальной школы пейзажа с ее повышенной эмоциональностью в восприятии природы. Особенно природы Италии, страны, которая в сознании передовых русских людей того времени представлялась родиной искусства и республиканских идеалов. Именно это и позволило мастеру найти образ итальянской природы, подкупающий своим обаянием и поэтичностью.

Сильвестр Щедрин умер 8 ноября 1830 года в Сорренто. Приступ болезни — судя по всему, инфекционной желтухи — застал его на этюдах в Амальфи. Оттуда умирающего художника на руках перенесли в Сорренто, в гостиницу «Тассо», в которой он жил. Эту гостиницу он много раз изображал на своих картинах под именем «Тассового домика», не ведая, что в ее стенах ему суждено принять смерть.

Щедрин был погребен в соррентийской католической церкви Сан Винченцо, где по рисунку русских скульпторов С. Гальберга и П. Ставассера было поставлено надгробие — отлитый П. Клодтом бронзовый барельеф. Когда церковь Сан Винченцо была снесена, памятник вместе с прахом художника перенесли на городское кладбище Сорренто, где он сохранился до наших дней.

И памятник, и имя Щедрина на мемориальной доске, что установлена на площади Корреале, и обнаруженная первая его картина в неаполитанском музее Сан-Мартино, и бесспорные щедринские традиции в итальянской ландшафтной живописи XIX века обещали нам удачу в розысках его произведений в Италии.

Начали мы с Сорренто, где сделали визит к директору музея Корреале Рубине Кариэлло.

Странное чувство испытываешь, когда впервые попадаешь в этот музей, хранящий одно из самых крупных в Италии собраний картин школы Позиллипо: кажется, что кругом неизвестный тебе Щедрин. Во многих пейзажах те же самые мотивы, та же композиция, то же колористическое решение. Лишь вглядевшись, замечаешь разницу, а если ее и не замечаешь в живописи, то прикрепленная к раме этикетка как будто бы не должна оставлять сомнений, что это работы других художников...

Мы поделились своими мыслями с Рубиной Кариэлло, которая разъяснила нам, что многие атрибуции картин, идущие еще от старых владельцев коллекции, и в самом деле спорны и нуждаются в научном обосновании.

Вызывает, в частности, серьезные сомнения авторство А. Питлоо в пейзаже «Водопады в Тиволи», который детальной проработкой скал, кустов, потоков низвергающейся сверху воды удивительно напоминает «штудии», которые делал Щедрин в Тиволи в римский период своей жизни.

Написанные в Тиволи пейзажи занимают очень важное место в его творчестве. Вместе с серией «Новый Рим» они подготовили переход художника к реализму. Достаточно сравнить тивольские «штудии» Щедрина хотя бы с видом храма Сибиллы в том же Тиволи его современника, русского художника-классициста Ф. Матвеева, обнаруженным нами в одной частной коллекции в Риме, чтобы убедиться, что это две разные эпохи в истории живописи. Ф. Матвеев на основе одного и того же ландшафтного окружения создает возвышенный образ героизированной природы в точном соответствии с классицистическими схемами.

В отличие от Ф. Матвеева Щедрин брал в Тиволи не материал для отвлеченной идеи о прекрасной природе, а ее самое, во всей предметной, осязаемой реальности: со скалами, поросшими деревьями и кустарником, неказистыми старыми постройками, расщелинами камней, сквозь которые струится вода. Он стремился к возможно более правдивой передаче ее материального воплощения, совершенно отвлекаясь от умозрительного образа, канонизированного академистами...

Поиски мы продолжили в Неаполе, где посетили музей Палаццо Реале — Королевского дворца, в котором выставлена коллекция картин неаполитанских Бурбонов. В музее наряду с живописью Возрождения и классицизма широко представлены художники прошлого века, включая представителей школы Позиллипо.

Осматривая картины, мы обратили внимание на типично щедринскую живописную манеру в небольшом пейзаже «Дом с рыбаками». На картине изображен сквозь проем полуразрушенного здания морской вид, развалины старинного дворца, на уступах и камнях которого примостились рыбаки. Сам прием изображения сквозь арку, характерные для русского художника серо-зеленые тона воды у берега, общий колорит картины, особенности фигур стаффажа — все наводило на мысль, что перед нами неизвестная работа Сильвестра Щедрина, хотя этикетка гласила, что ее автор — Сальваторе Фергола, неаполитанский художник, примыкавший к школе Позиллипо, но сохранивший при этом сильно выраженные черты академизма. В глубине легкими прозрачными мазками Щедрин наметил фигуры купальщиков, повторив в точности мотив, который он использовал и в других своих работах.

Поделились нашими соображениями с дирекцией музея. Вместе внимательно изучили живопись картины, сопоставляя манеры обоих художников. В результате под картиной появилась новая этикетка — с именем Сильвестра Щедрина. Видимо, это именно та работа, о которой известно, что она была написана по заказу неаполитанского короля и осталась в его коллекции.

В другом неаполитанском музее — Сан-Мартино мы побывали, чтобы посмотреть обнаруженный Серджо Ортолани пейзаж русского художника. Знакомство в этом музее с коллекцией картин школы Позиллипо, к сожалению, пока не выставленной для обозрения, позволило нам обнаружить среди приписываемых Питлоо работ еще одно полотно, принадлежащее кисти Щедрина. Речь идет о реплике знаменитых «Рыбаков у берега», как единодушно считает советское искусствоведение, одного из самых пленэрных произведений художника. Сравнение имеющихся в СССР вариантов картины с ее репликой из музея Сан-Мартино показывает, что это повторение одного и того же пейзажа.

Раньше ошибочно считалось, что в этой серии пейзажей художник изобразил остров Капри. На самом деле это рыбацкий поселок Масса Лубренсе, находящийся километрах в десяти от Сорренто — как раз напротив Капри.

Пейзаж «Мета ди Сорренто», обнаруженный Ортолани, безусловно, принадлежит к числу важнейших работ художника. Написанный в 1830 году, за несколько месяцев до смерти, этюд наглядно свидетельствует о том, что Щедрин в то время переживал очень важный этап обновления своего творческого метода. Как и в серии видов из Русского музея и Третьяковской галереи, известных под названием «Вид в окрестностях Сорренто. Вечер», также изображающих поселок Мета ди Сорренто и, следовательно, написанных одновременно, кисть его претерпевает здесь большие изменения. Исчезает приглаженность живописи, мазок становится широким и свободным, достигая особой виртуозности в передаче морской поверхности — живой, пластичной и настолько материальной, что, кажется, с картины веет влажным морским бризом. Избавился Щедрин и от остатков классицизма в изображении неба с непременными кудрявыми облаками: на хранящемся в Неаполе этюде небо синее, чуть белесое, без облаков. Но наиболее велики завоевания художника в передаче атмосферы, тяжелого, влажного, почти осязаемого воздуха, в который погружены берег со строениями и горные склоны вдали. Искусство позднего Щедрина переходит целиком на реалистическую основу, образ итальянской природы освобождается от идиллической прикрашенности, становится более мужественным и правдивым.

В заключение хотелось бы рассказать еще о двух картинах, которые нам довелось увидеть уже в Риме. В Римской Галерее современного искусства есть пейзаж «Замок Яйца» с подписью Антона Питлоо. Пейзаж нас поразил с первого же взгляда типично щедринскими живописными приемами.

Начнем с того, что у Питлоо, судя по работам, где его авторство несомненно, совершенно иная техника письма, чем у Щедрина, работавшего почти до самого последнего времени по примеру старых мастеров мелкими, плотными мазками, покрывая их тщательно проработанными лессировками. Мазок Питлоо — широкий, «небрежный», как выражался сам Щедрин. И вообще в манере этих художников было мало общего. Картины Питлоо фиксируют какое-то одно впечатление, какую-то одну мысль, какой-то один аккорд в состоянии природы. Щедрин более сложен. Он стремится запечатлеть природу в многообразии ее проявлений, в единстве с человеком. У Питлоо человеческие фигуры, как правило, всего лишь небрежно набросанные для оживления пейзажа силуэты. Далее намека любопытство к жизни человека и его занятиям не простирается. Питлоо совсем не жанрист...

У Щедрина иное отношение к человеку. Зритель, окинув его пейзаж взглядом, не может не задержать своего внимания на изображенных людях: они сами, их состояние, род занятий, предметы быта и орудия труда представляют для русского художника такой же самостоятельный интерес, как и окружающая их природа.

Жанровость при изображении человеческих фигур, тщательная разработка мизансцен, черты натюрморта при передаче аксессуаров быта и орудий труда — эти приемы, вместе взятые, встречаются только у Щедрина, и все они налицо в картине «Замок Яйца». Наверняка это одна из тех его картин, о работе над которыми в свой первый приезд в Неаполь он сообщал в письмах в Петербург. А что же касается подписи, то мы ссылаемся на авторитетное мнение итальянских специалистов, в частности профессора Рафаэлло Кауза, призывающего относиться к подписям с предельной осторожностью, когда речь идет о Питлоо или Джиганте...

Последняя картина, о которой мы хотим рассказать, находится в частном собрании в Риме. Это вид бухты с Везувием на втором плане. На берегу моря — рыбаки, разбирающие сети, лодки с людьми, парусник. Нынешние владельцы приобрели эту картину как работу Сильвестра Щедрина в США, куда еще при жизни художника ушло несколько его произведений. Картина не подписана, и если это Щедрин, то Щедрин первой манеры, первого неаполитанского периода, когда он еще только начинал пробовать свои силы под небом Италии. Но, быть может, это и есть та картина, которую художник, по его собственному признанию, в 1820 году «писал для славы» и о которой он сам так уничижительно отзывался, считая, что она ему полностью не удалась?

Дальнейшие поиски и изучение работ замечательного русского пейзажиста, оставшихся в Италии или перекочевавших в другие страны, надо полагать, позволят решить и некоторые другие неясные вопросы в творческой биографии мастера, а также прольют больше света и на дискутируемую в Италии проблему Щедрин — школа Позиллипо. Однако в настоящее время мы располагаем уже достаточным материалом, чтобы сделать вывод о том, что, оставаясь глубоко русским художником, Щедрин воспринял новые веяния современного ему западноевропейского искусства, переплавил их в своей творческой лаборатории и, учась главным образом у природы, внес собственный большой вклад в победу реализма в мировой пейзажной живописи.

Рим — Москва.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. Петровой

Глава 17

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Всем известно: если в электрической цепи стоит плохой предохранитель, при коротком замыкании цепь может сгореть.

В схеме, составленной разведцентром, предусмотрено несколько предохранителей. Один из них сослужил важную службу — это случилось, когда Уткин поехал к Марии. Предохранитель сгорел, и его изъяли из цепи, но цепь не пострадала.

Роль другого предохранителя должен был сыграть на определенном этапе Виктор Андреевич Кутепов, и он ее сыграл, но не совсем так, как этого хотелось разведцентру. Сам он в этом виноват лишь отчасти. Он сделал все возможное и невозможное, чтобы уцелеть (нам еще придется вспомнить, например, как не хотел он попасть в кадр незнакомому фотографу). Но те, кто действовал на противоположном полюсе, тоже не сидели сложа руки. И произошло именно то, чего так опасался Кутепов.

После несложной, но правильно проведенной разведцентром комбинации, закончившейся в Батуми благополучным исчезновением Брокмана, полковник Владимир Гаврилович Марков, скажем прямо, чувствовал себя не лучшим образом. Он не сомневался, что при наличных данных, касающихся Брокмана, последний непременно будет найден. Но тут особый смысл приобретали сроки. Исчерпывающая характеристика Брокмана, полученная от Михаила Тульева, обязывала помнить, что этот агент не чета Уткину. Такие не бывают марафонцами, бегунами на длинные дистанции. Такие не засылаются на долгое оседание. Они предназначены для рывка, для одного удара. Следовательно, время тут имеет особенно острое значение. Промедление с розыском Брокмана было бы крайне опасно.

Вот почему полковник Марков с повышенным вниманием следил за всем, что могло хотя бы косвенно, отраженно бросить свет на то подспудное, втайне происходящее движение, которому, несомненно, должно было дать толчок появление Брокмана.

Об истории, случившейся в городе К., к которой имел какое-то отношение итальянский инженер и расследованием которой занялся майор Семенов, полковнику Маркову стало известно на второй день, 23 мая, так же, как и о том, что Семенов счел необходимым установить, не числится ли подозреваемый в покушении на убийство среди государственных преступников. Сообщению об этом полковник, конечно, не придал первостепенной важности, но оно осталось в поле его внимания, где-то на периферии. Однако уже 24 мая положение изменилось.

Быстро проведенными мероприятиями было установлено, что Виктор Андреевич Кутепов и занесенный в картотеку государственных преступников, подлежащих суду за злодеяния против советского народа во время Великой Отечественной войны, Виктор Андреевич Гуров — одно и то же лицо. Сам по себе этот факт ничего чрезвычайного не представлял. Немало уже было случаев, когда вот так же, распутывая сегодняшнее уголовное дело, следователь добирался до корней, зарытых в далеком, но до сих пор кровоточащем прошлом. Но была одна деталь, которая сразу притянула к себе полковника Маркова и перевела дело Кутепова с периферии прямо в центр следствия. Кутепов-Гуров по картотеке государственных преступников значился в том же гнезде, что и Дембович. У полковника появилось такое ощущение, словно он после плутаний без ориентиров по затянутой туманом местности наконец попал на знакомую, хорошо протоптанную тропу.

Ян Евгеньевич Дембович, чей дом служил когда-то базой резиденту разведцентра Михаилу Тульеву, тот Дембович, который был завербован еще фашистами и передан по наследству новоявленным хозяевам, тот Дембович, чей труп сгорел в пожаре, устроенном заметавшим следы резидентом и чья смерть осталась поэтому неразгаданной, теперь, по прошествии лет, возник из небытия, чтобы стать для полковника ориентиром, к которому нетрудно привязать разбросанные в пространстве и времени объекты и события.

Виктор Андреевич Гуров, чья настоящая фамилия Кутепов, служил в 1942—1945 годах у гитлеровцев в СД — в контрразведке — и дослужился до звания гауптмана—капитана. А Дембович был заурядным переводчиком и носил нашивки фельдфебеля. Он находился в подчинении у гауптмана Гурова. На счету Гурова-Кутепова, в отличие от Дембовича, числились и провокации, кончавшиеся гибелью партизан, и допросы военнопленных. Это только подкрепляло напрашивавшийся вывод: если судьба связала Дембовича и Кутепова одной веревочкой еще на войне, то и дальнейший их путь она определила одинаково. Дембовича заставили работать на разведцентр. Какие же иные пути могли привести его бывшего начальника по СД к участию в деле, ныне расследуемом? Полковник Марков иных путей не видел. Поэтому он срочно вызвал Семенова в Москву. Ему нужно было знать о теперешнем Кутепове все. Он был уверен почти на сто процентов, что на продолжении линии Дембович — Кутепов где-то дальше может оказаться еще кто-нибудь. Потому что, по всему видно, чертила эту линию одна рука...

Виктор Андреевич Кутепов поселился в гостинице «Минск» — как ему это удалось, уму непостижимо, потому что в новой гостинице свободных мест не бывало со дня ее открытия. Последние сутки никуда из здания он не отлучался, да и номер свой покидал только раз. Вероятно, ждал телефонного звонка...

Вечерний самолет из города К. прибывал во Внуково в двадцать два тридцать. Распорядившись выслать в аэропорт машину, Владимир Гаврилович поехал домой, поужинал, прочел газеты и в двадцать два часа вернулся на площадь Дзержинского.

Когда Семенов вошел к нему в кабинет, Владимир Гаврилович машинально отметил про себя, что этот незнакомый ему контрразведчик чем-то неуловимо похож на Павла Синицына: может быть, из-за одинаковой светлой масти, а может, потому, что у Семенова, как и у Павла, брови были сдвинуты серьезно, даже хмуро, а во взгляде чуялась неистребимая насмешливость. Да и в летах, наверное, у них разницы не было. Правда, Семенов выгодно отличался от своих столичных товарищей загаром.

Семенов представился официально, Марков протянул ему руку, назвал себя и, предложив сесть к столу, попросил изложить все, что имело отношение к Кутепову. Семенов рассказал, специально выделив те моменты, которые свидетельствовали о боязни Кутепова быть сфотографированным и оставить свое изображение в чужих руках. Подробно описал, каким образом старший инспектор угрозыска подполковник милиции Орлов получил вещественные доказательства, изобличающие Кутепова.

— Эпизод с фотографированием в кафе — это еще в прошлом году было? — спросил Марков, когда Семенов кончил свой доклад.

— Да, в конце мая — начале июня.

— И в квартиру к этому молодому человеку Кутепов действительно только ради пленки и наведывался?

— Больше ничего не пропало.

— Карточек у девушек не осталось?

— Ни одной.

Марков помолчал. Рассказ Семенова, особенно эта история с фотографированием, укреплял Владимира Гавриловича в уверенности, что он не ошибается в расчетах, что Кутепов приведет их на какой-то след. Он достал из сейфа тонкую папку, раскрыл ее, полистал лежавшие в ней желтовато-серые пересохшие бумаги и, выбрав одну, протянул Семенову:

— Вот, познакомьтесь.

Это был формуляр СД на гауптмана Гурова с приклеенной фотографией. Когда Семенов прочел его, Марков дал ему заключение экспертизы, идентифицировавшей портрет Гурова с формуляра и портрет Кутепова, выкадрированный из снимка, который сделал Леша Дмитриев в кафе «Над рекой» и который прислал в Москву он сам, майор Семенов.

Наблюдая за выражением лица майора Семенова, пока тот читал заключение экспертизы, Марков невольно ухмыльнулся: куда-то вдруг исчезла всякая насмешливость и остался один жадный интерес.

Семенов вернул листки как бы с неохотой. Марков сказал, складывая их в папку:

— Пожалуй, его можно назвать дальновидным и предусмотрительным, как, по-вашему?

— Вы имеете в виду возню с той карточкой? Определенно предусмотрительный. А как его фамилия звучит теперь, товарищ полковник?

— Кутепов.

— Тогда он очень даже дальновидный.

— Почему «тогда»?

— Обычно такие у немцев под своей фамилией ходили, а скрываться надо под чужой. своя замарана. А этот наоборот.

— Какая разница?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—27.

— Ну как же! Жить удобнее под своей. Знаете, вдруг окликнет кто из старых знакомых — не надо вздрагивать.

— И то верно,— сказал Марков.— Как думаете, инспектор угрозыска здесь понадобится?

— Орлов? Он может оказаться очень полезным.

Марков про себя уже решил, что Орлова надо пригласить, но он, как всегда в подобных делах, считал необходимым узнать мнение сотрудника, с которым предстояло вместе действовать дальше.

— Значит, Орлова будем вызывать,— сказал Марков.— Утром соберемся, как он прилетит.

— Разрешите встретить, товарищ полковник?

— Пожалуйста. Но выспаться вам надо.

Таково происхождение телеграммы, полученной Орловым ночью из МВД СССР.

Утром Семенов встретил Орлова, они вместе пришли к полковнику Маркову. Полковника интересовали детали, известные только Орлову. Потом Марков сказал, чтобы Орлов устроился в гостинице и сообщил свой телефон. Когда потребуется — его вызовут. А затем Марков обратился к Семенову:

— Вот что, Евгений Михайлович... Вам, наверное, придется еще долго побыть в Москве. Гардероб весь на вас?

— Это поправимо — жена доставит.

— Организуйте, пожалуйста. Думаю, для вас тут найдется дело.

Марков вызвал Семенова в субботу 27 мая и вот что рассказал ему.

...Сегодня в половине девятого утра к дежурному администратору гостиницы «Минск» обратился мужчина средних лет — он спрашивал, в каком номере живет Кутепов Виктор Андреевич. Мужчина говорил по-русски, как москвич. Никому и в голову не придет, что он иностранец.

Узнав номер Кутепова, мужчина поднялся на четвертый этаж, постучал в дверь — без всяких условных знаков. Кутепов открыл тотчас — явно ждал. Гость пробыл в номере полчаса и ушел, как пришел — с пустыми руками. Кутепов остался у себя. Из гостиницы гость пошел направо, на площади Маяковского спустился в метро, доехал до Охотного ряда, поднялся, пошел по улице Горького к Пушкинской площади. Он все время проверял, не следует ли кто за ним. На углу Пушкинской площади пересек улицу Горького и пошел по Большой Бронной, по правой стороне. Он не торопился — как будто бы гулял. Пройдя метров пятьдесят — шестьдесят, повернул обратно, прошелся вдоль фасада старого дома и скрылся в подъезде. Пробыл он там буквально несколько секунд. За это время нельзя подняться даже на второй этаж. Подвала в подъезде нет.

Снова появившись на улице, мужчина зашагал в обратном направлении, к Пушкинской площади. У троллейбусной остановки остановил черную учрежденческую «Волгу», сел в нее и уехал.

Закончил Марков так:

— В подъезде на косяке двери найдены три ключа, два от дверных замков и третий — от автомобиля. Они завернуты в бумажку — какая-то записка. Если это тайник, то им давно не пользовались. Пыль тронута только сегодня. Куда он поехал, мы скоро узнаем.

Семенов заметил:

— Целая эпопея с ключами. Орлов порядочное ожерелье привез. И здесь еще три.

— Чьи они, по-вашему?

— Кутепов дал.

— Это ясно. Я говорю: от чьих дверей?

— Трудно сказать.

— А надо.

В кабинет заглянул помощник Маркова.

— Владимир Гаврилович, зовут.

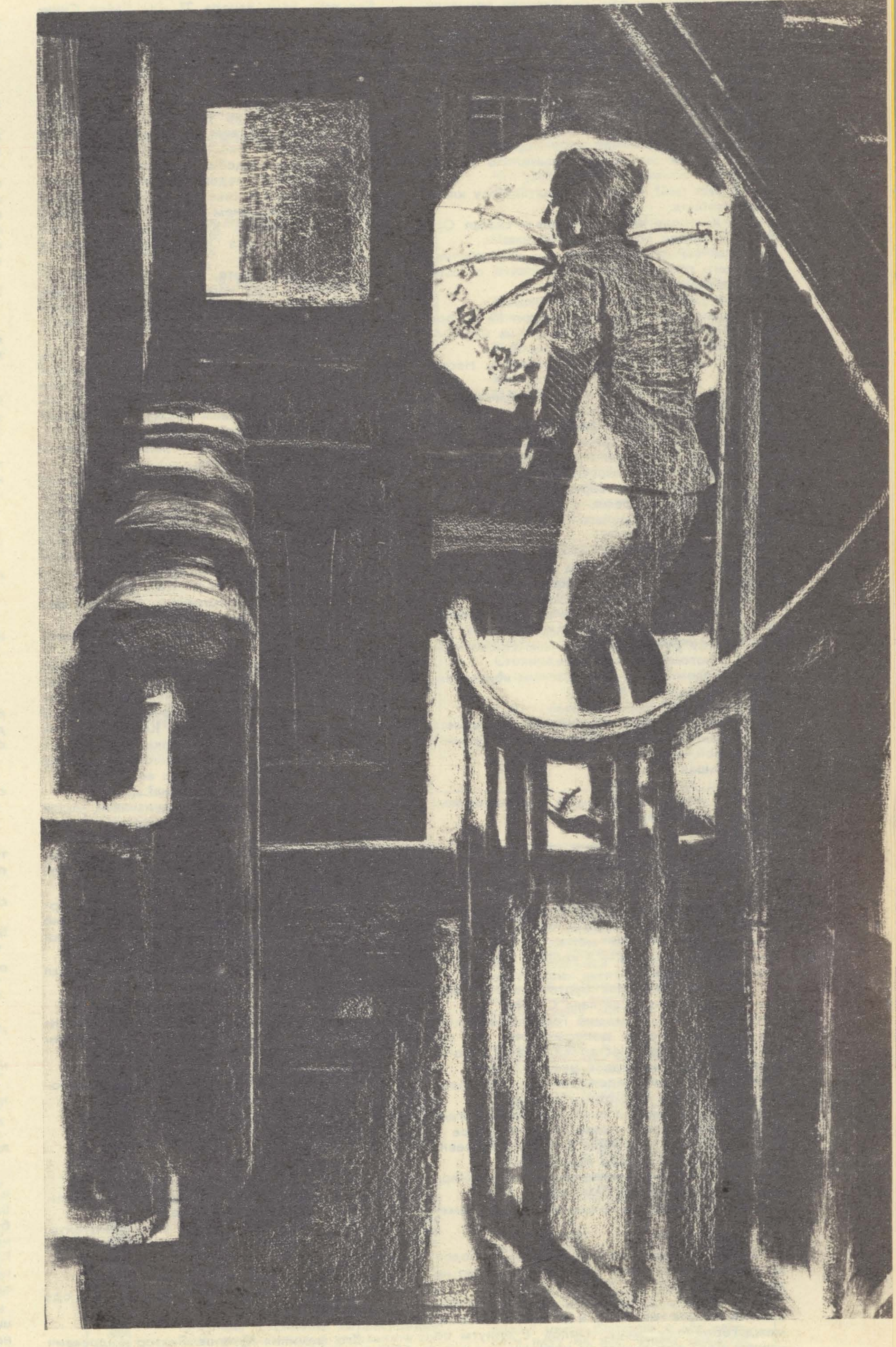
Марков попросил помощника остаться в кабинете у телефонов, а сам ушел. Вернувшись, он сказал Семенову:

— Человек, оставивший ключи, приехал в гостиницу «Россия». Он, оказывается, из иностранной туристической группы. Послезавтра уезжает домой. Орлов, вы говорите, ключи с собой привез?

— Целую связку.

— Дубликаты тех, что оставлены на Большой Бронной, будут скоро готовы. Орлов где сейчас?

— Наверное, у себя в гостинице.

Марков нажал кнопку на телефонном столике. Вошел помощник.

— Вызовите подполковника Орлова.

Помощник вышел. Зазвонил один из телефонов на столике.

— Алло, Владимир Гаврилович? — Это был Павел Синицын.

— Я. Покороче.

— Мне назначено свидание. Сегодня в девятнадцать. В кассе кино «Ударник».

— Иди.

— А если мне захочется вас увидеть?

— Как всегда.

«Как всегда» означало загородную дачу, где Марков встречался обычно с Павлом Синицыным.

Орлову понадобилось совсем немного времени, чтобы добраться до здания на площади Дзержинского. В кабинет он явился с черным блестящим чемоданчиком.

Пятью минутами раньше Маркову принесли фотокопию записки и три ключа — дубликаты, о которых он говорил. Два ключа, от дверных замков, он положил перед Орловым, когда тот сел.

— Вы, говорят, большой специалист по этой части. Посмотрите, сравните с теми, что у вас в чемодане. Нет ли чего похожего?

Достав из чемодана связку из девяти ключей и два ключа, лежавшие в отдельном конверте, Орлов начал сравнивать. Но ничего похожего и близко не было.

— А этот чей? — Марков дал Орлову ключ от автомобиля.

— У Кутепова есть «Жигули»,— сказал Орлов.— В городе его машину не нашли.

— Как вы думаете, если эти два ключика из вашего города, можно установить, от чьей они квартиры?

Орлов уже разобрался в ситуации.

— Очень мало адресов приходит на ум при виде этих ключей.— Он поглядел на Семенова. Тот спросил:

— Ты хочешь сказать — Суховы и Нестеровы?

— Да,— сказал Орлов.— Ключи Дмитриевых здесь — они не подходят.

— Нужно проверить эти два адреса,— сказал Марков.— А кто такие Нестеровы?

— Галина Нестерова — подруга пострадавшей Суховой,— объяснил Семенов.

— Как же насчет проверки?

Орлов прикинул время.

— Раньше завтрашнего вечера не получится.

— Хорошо. Этим и займитесь.

— Сегодня будет товарищ из нашего управления,— сказал Орлов,— привезет санкцию на арест Кутепова. Через него устроим.

— Санкция не мешает, а с арестом Кутепова торопиться не будем.— Марков встал, пожал Орлову руку.— Спасибо вам. Проверяйте ключи, а потом жду вас к себе.

Орлов уложил ключи по разным конвертам, закрыл чемодан.

Проводив его, Марков сказал:

— Новая фамилия появилась — Нестеровы.

— Я вам говорил, что беседовал с Галиной Нестеровой,— напомнил Семенов.

— Большая семья?

— Отец, мать.

— О Суховых мы знаем. А кто Нестеровы? Есть ученый Нестеров.

— Это он.

— Физик?

— Точнее, физическая химия.

— Может он заинтересовать кого-нибудь «там»?

— Не было времени разобраться, товарищ полковник, еще и четырех суток не прошло,— сознавая, что это не может быть оправданием, сказал Семенов.— А вообще его работы широко известны.

— Но Нестеровы как будто здесь ни при чем. Пострадала-то Светлана Сухова.

— Вот именно, Владимир Гаврилович,— сказал Семенов,— если допустить, что все это нагорожено ради Нестерова, значит, кто-то достает левое ухо правой рукой. Зачем?

— И так бывает. Подождем, что нам Орлов принесет. Теперь посмотрим записку.

Это была фотокопия письма, которое когда-то Светлана Сухова написала на квартире у Гали Нестеровой и вручила Виктору Андреевичу для передачи Пьетро Маттинелли.

— Это тоже очень интересно,— сказал Марков, передавая письмо Семенову.

— Для шантажа? — прочитав, сказал Семенов.

— Вероятно.

Марков сказал Семенову, что он свободен до восемнадцати часов, а потом они поедут на дачу с ночевкой.

Созвонившись с Орловым, Семенов отправился к нему в гостиницу и от него вызвал по междугородному жену. Орлов с минуты на минуту ждал посыльного из управления с прокурорской санкцией. И когда тот прибыл, они все вместе составили несложный план, как проверить ключи. Неловко будет с квартирой Нестеровых — супругам, и без того нервничающим, эта проверка не принесет успокоения, но ничего не поделаешь.

А полковник Марков меж тем вызвал к себе сотрудника отдела, капитана, и попросил срочно навести справку о научной деятельности Нестерова и о характере его последних работ.

Без пяти семь вечера 27 мая Павел Синицын был у кинотеатра «Ударник». За день асфальт так раскалился, что жег ноги через подошву туфель. И даже тут, у кинотеатра, где с двух сторон речная текучая вода, не веяло свежестью.

В помещении касс дышалось немного легче, никакой очереди не было, и Павел, скинув пиджак и повесив его на руку, остановился между входом и окошками кассирш, уловив какое-то слабое подобие сквозняка.

Ждать пришлось недолго. С улицы появился высокий человек в светлом костюме, голубой рубахе и красно-синем галстуке — тот самый, кто навещал утром Кутепова,— и, улыбчиво глядя на Павла, без церемоний обратился к нему:

— Вы кого-то ждете, молодой человек?

— Может, я жду ночной прохлады,— мрачно сказал Павел. Он давно не выступал в роли Бекаса, бывшего поездного вора, но старался сразу попасть в нужный тон.

— Вы получили открытку? — не смущаясь, спросил улыбчивый гражданин.— Вы Потапов?

— Если вы знаете все на свете, зачем спрашиваете? Вот я, например, не пристаю с ножом к горлу: как это вам в галстуке не жарко?

Незнакомец стал серьезнее.

— Нужно выйти отсюда. Я живу в гостинице «Россия». Проводите меня.

Он говорил, не понижая голоса, совершенно не заботился о конспирации, и это слегка озадачило Павла. Не такой представлялась ему явка, назначенная впервые за несколько лет. В этой непринужденности было что-то неестественное. Но ему не полагалось сейчас заниматься психологическими рассуждениями.

Вышли. Незнакомец собирался пересечь дорогу прямо перед кинотеатром, что правилами запрещалось. Павел остановил его:

— Вы, наверное, богатый человек. Здесь штрафуют.

Пока делали крюк через мост, этот человек болтал на отвлеченные темы — о встречных девушках, о благах, доставляемых кондиционерами воздуха, о низких качествах теплого московского пива и прочем. Когда достигли набережной и пошли вдоль реки, он вынул из кармана блокнот, а из блокнота половинку разорванного рубля и показал ее Павлу:

— У вас есть вторая половина?

— Не трясите огрызками дензнаков, люди смотрят,— осадил беспечного партнера Павел, выдернув у него из пальцев этот вещественный пароль, другая половина которого хранилась Павлом с того момента, как он стал Потаповым.— Притормозите.

Они укоротили шаг. Павел, пошарив в кармане пиджака, извлек из бумажника свою часть рубля, сложил на ладони обе половинки и сунул руку в карман брюк.

— А не лучше ли выбросить? — заметил партнер.

Павел взглянул на него презрительно.

— Стены моей прихожей не оклеены сотенными бумажками, а целковый можно склеить. Приступим к делу. Кстати, как вас зовут?

— Ваня.

— В «России» живете... Вы что, командированный?

— Можно считать и так. Завтра уезжаю.

— Далеко?

Ваня рассмеялся.

— Домой, за границу.

— Хорош Ваня! Ну, выкладывайте.

Ваня вынул из блокнота еще одну половинку рубля, неровно оторванную.

— Вот, это новый пароль. Не перепутайте. Потому и говорю, лучше те половинки выбросить.

— А этот к чему?

— Вы должны будете познакомиться с одним товарищем.

— Кто такой?

— Его фамилия Кутепов. Виктор Андреевич Кутепов. Запомнили?

— Что значит — познакомиться? А дальше что?

— Слушайте по порядку. Ровно через месяц, двадцать седьмого июня, вы должны быть в Тбилиси. Там есть гостиница «Руставели». В вестибюле вы и встретитесь. Он вас узнает. И будет вас слушаться.

— Туфта какая-то! Я ему приказывать должен, что ли? Эй, ты, стой там, иди сюда?

— А вы имейте терпение, не перебивайте. Кутепов исполнит все, что вы скажете. То есть поедет с вами куда угодно.

— А зачем куда-то ехать?

— Кутепов должен исчезнуть.

— Что значит — исчезнуть? Разложиться, что ли?

— Если вы такой химик, это было бы очень хорошо,— заражаясь стилем собеседника, сказал Ваня.

Павел отлично понял, о чем идет речь, но ему не хотелось верить ушам. Нелепо и фальшиво звучал их разговор в ясный жаркий майский вечер на берегу Москвы-реки, под кремлевской стеной. Дешевенький шпионский фарс какой-то, и больше ничего. Возникала потребность убедиться, что это не сон.

— Короче, его нужно убрать? — зло спросил Павел.

— Желательно.

— И мне подкинут? — Павел сделал пальцами международный жест, которым обозначаются деньги.

— Очень много.

— И потом за диез с двумя бемолями? — Павел сложил косую клетку из указательных и средних пальцев.

— А бемоли — это что значит?

— Тюремные замки... Мне понятно, что мы не на профсоюзном собрании — голосования не будет. Но я хочу выступить в прениях. Или нельзя?

— Давайте.

— А если я навру? Скажу — убрал, а не уберу...

— У Кутепова золотые коронки. Вы их должны представить.

— Кому?

— Это вам дополнительно сообщат.

— Вы давно в зоопарке не были? — задал неожиданный вопрос Павел.

— Бросьте шутить.

— Я серьезно. Давно?

— Не помню.

— Ну так сходите. Сейчас я, кажется, дам в зубы вам, а когда пойдете в зоопарк, то подергайте за хвост зебру. Вам будет интересно сравнить, кто больней дерется.

Ваня не обиделся.

— Значит, вы не согласны? — спокойно спросил он.

— А вы бы согласились?

— У меня другая работа.

— Вы подумайте, что мне предлагают. Они там думают, все происходит в безвоздушном пространстве.

— Почему же? — удивился Ваня.— Ничего сверхъестественного вам не предлагают.

— Хорошенький сюжет — убить человека... Больно быстрые.

— Не могу ли я понять ваши слова таким образом, что вам надо немножко подумать?

— Вы же сами сказали — завтра уезжаете.

— Да, но сутки — большой срок.

Они были уже недалеко от западного входа в гостиницу. Ваня остановился.

— Запишите мой телефон. Вдруг все-таки надумаете...

Павел записал на клочке вынутой из пиджака бумажки. И спросил:

— А что будет, если я откажусь?

— Рассчитывайте сами. Вы же не частное лицо, вы все-таки имеете обязательства.

У Павла, пока он ехал в электричке на дачу и перебирал свой разговор с этим липовым Ваней, сложилось убеждение, что вся его игра была впустую. По крайней мере она, кажется, не произвела на Ваню никакого впечатления. Как будто каждый из них говорил, что ему положено по роли, не вникая в речь собеседника.

С этого и начал он рассказ, когда, напившись артезианской воды из ведра, стоявшего на веранде, сел перед Владимиром Гавриловичем Марковым за стол в беседке. Семенов сидел чуть в стороне и слушал, стараясь не слишком явно разглядывать человека, с которым полковник только что познакомил его.

Передав разговор с Ваней, Павел сказал:

— И вообще этот Ваня — как у себя в квартире. Ничего не боится. Пароль на глазах у всей Москвы предъявляет, меня с места встречи прямо к своей гостинице ведет.

— Когда уходил от Кутепова, совсем другой был,— сказал Марков.

— Неужели вы допускаете, Владимир Гаврилович, что они всерьез с этим убийством?

— А чему удивляться? По мировым стандартам, так сказать, это нормально. Другое дело — именно тебе предложено. Мы ведь должны исходить из того, что ты раскрыт.

— Своими руками выдавать Кутепова — с чего вдруг? Зачем?

— Этот Ваня не все скрывал от тебя. Не соврал, когда уезжает. Верно?

— Не знаю.

— Верно. Это уже проверено. Однако еще утром он вел себя совершенно иначе. Небо и земля.

— Им больше не нужен Кутепов?— сказал Павел.

— Через месяц не будет нужен.

— Но почему? Что случилось?

Марков вкратце описал, что произошло утром, объяснил Павлу, кто такой Кутепов, и добавил:

— Что Кутепов уже выработан и стал бесполезен, а может, и вреден, понять нетрудно. Почему — пока неизвестно. Он купил билет на поезд до Сочи. Надо его в пути арестовать. Кое-что мы, конечно, услышим, но, боюсь, не очень много.

— Набитого информацией не отдавали бы,— заметил Павел.

Марков взглянул на Семенова.

— Свяжитесь с Орловым, Евгений Михайлович. Пусть уж он доведет до конца по своей линии. Надо допросить Кутепова. Надо его сразу поставить перед доказанным фактом. Пусть объяснит, зачем проникал в квартиру Дмитриевых. На первый раз речь должна идти только о покушении на убийство. А затем посмотрим.

— Для пользы дела лучше говорить об убийстве,— сказал Семенов.

— А как это будет выглядеть, так сказать, с морально-этической стороны? Сухова-то жива.

— Такая тактика допускается,— возразил Семенов.— Во-вторых, она жива осталась по чистому случаю, да и неизвестно, чем еще кончится.

— Разве что во-вторых,— сказал Марков.— А впрочем, решайте по ходу дела.

— Турист Ваня ждет моего звонка,— напомнил Павел.

— Завтра позвонишь и скажешь — согласен.

Ключи, завернутые в записку, взяла с Большой Бронной в воскресенье 28 мая в одиннадцать утра высокая пожилая женщина, одетая в светлый костюм английского покроя. Выйдя из парадного, она натянула на руки черные кружевные перчатки, поглядела в одну сторону улицы, в другую, как бы раздумывая, куда отправиться, раскрыла от солнца цветастый зонтик и медленно пошла к Пушкинской площади.

Она держалась очень прямо и была выше большинства женщин, попадавшихся навстречу. Лицо ее под цветным зонтиком казалось очень свежим, и легко можно было представить, как миловидна она была в молодости.

Она зашла в магазин «Армения», купила халвы. Потом направилась в Елисеевский и пробыла там не меньше часа, а когда покинула гастроном, ее большая хозяйственная сумка была полна так, что не закрывалась.

На стоянке такси против кинотеатра «Россия» она, дождавшись очереди, села в такси и поехала на Курский вокзал.

До города, куда направлялась эта женщина, электричка шла без малого два часа. От вокзала она тоже поехала на такси. Рассчиталась на тихой улице недалеко от центра, возле одноэтажного бревенчатого дома, на крыше которого высоко торчали две телевизионные антенны — дом был на две семьи с общим приусадебным участком.

Минут через десять она появилась из двери, уже переодетая в легкое ситцевое платье, с белой панамой на голове, и пошла в булочную на соседней улице.

Вскоре из той же двери в сад вышел молодой мужчина. Он сел на скамейку, врытую под старой сиренью, и закурил сигарету.

Это был Брокман.

Ни с кем, кроме одного человека, хозяйки этого дома, не имел он прямых контактов, и все-таки цепь замкнулась накоротко.

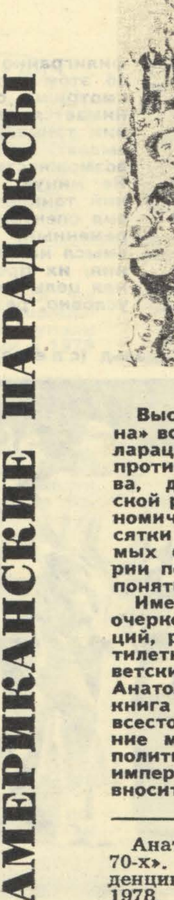
Продолжение следует.

ЧУЖОЙ

Майя РУМЯНЦЕВА

Он говорил:
— Да что мне стоит?!.
Он ехал долго,
Думал кратко.
Спиною встав
к лесам да поймам,
Все ехал, ехал
без оглядки...
Чужой чужак
в чужие долы,
С веселой думой о чужбине:
— Да что мне стоит?
Что мне стоит
Забыть все прошлое
отныне?..
Вопрос мне в сердце
болью врос:
Какой он жизнью жил незримой,
Чтоб тот
торгашеский вопрос
Вдруг отнести
к земле родимой?
Что стоит?
Разве тут ответить...
Что стоят
Поле,
роща,
стог
Да песня русская, да ветер,
Да обелиски
вдоль дорог?
Из детства
русские морозы,
А в старость — печка
доброй хаты...
Что стоит
горькая береза
Над холмиком отца и брата?..
Что стоят это поле ржи
И руки, пахнущие хлебом,
И выросшие этажи
Под русским
синим-синим небом?..
А эта девочка, с балкона
Пускающая в небо шар?
Солдат,
Что умирал со стоном,
Родную землю
в горсти
сжав?..
Что стоят
дым родного крова
И степь,
где зорька разыгралась,
Рожденное в России слово,
Что нам
от прадедов досталось?
И Волга,
Что напевно плещет;
Колодец тихий у плетня;
И слезы
снежно-белых женщин
У горя Вечного огня,—
Что стоят?
Право, не отвечу.
Я просто смерть могу принять
За город мой,
За тропку к сенцам,
Степей льняных
густую прядь —
Все, от чего, покуда сердце
Стучит,
меня не оторвать.
Земля моя в разлуках снится,
Лишь с ней
тепло мне и светло.
Россия — ты моя столица,
Столица сердца моего...
А он пусть едет
долго, долго.
Путь — в никуда и в ничего.
...Моя российская поземка
Прикроет черный след его...

Брянск.

Высадка на Луну и «грязная война» во Вьетнаме, двухсотлетие Декларации независимости и процессы против борцов за гражданские права, достижения научно-технической революции и невиданный экономический спад — все эти и десятки других трудно сопоставимых фактов американской истории последних лет складываются в понятие «Америка 70-х».

Именно так назвал свой сборник очерков, статей и корреспонденций, родившихся в результате пятилетней командировки в США, советский журналист-международник Анатолий Манаков. Его небольшая книга не претендует, конечно, на всестороннее и полное отображение многообразных общественно-политических проблем крупнейшей империалистической державы, но вносит заметный вклад в осмысление этого многообразия, действенно помогая читателю понять явление, именуемое «американским образом жизни».

Неотъемлемое свойство этой книги — динамичность. Вместе с автором мы пронзаем годы американской истории, проносимся через равнины американского Юга, бетонные джунгли и тихие городки, знакомимся с характерами и поступками десятков политических деятелей, бизнесменов, студентов и, конечно, простых людей — тех самых, кому обязана своими богатствами современная Америка.

Так или иначе, любой рассказ об американцах и Америке наших дней немыслим без глубокого понимания внутреннего механизма экономики и политики США. Именно он, этот механизм, как подчеркивает автор, придает живой материи форму и содержание. Подробный рассказ о политико-экономической системе, через которую «пропущены» все двести миллионов граждан страны, — одна из стержневых тем книги, и раскрытие ее А. Манаковым еще ближе подводит читателя к пониманию американской действительности наших дней.

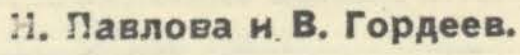
Принимают эту действительность миллионы американцев или нет, хозяев США она вполне устраивает. Нынешняя система эксплуатации человека человеком, подавление стремления к подлинным правам и свободам закрепляют их господство, и именно поэтому правящий класс Америки и его идеологи идут на все, чтобы представить США всему миру не только оплотом самой передовой технологии, но и «бастионом истинной демократии». Их цель, указывает автор, очевидна: если не доказать экономическую и моральную состоятельность буржуазного общества, то по крайней мере отсрочить его крушение.

Тщетность этих попыток на убедительных примерах подтверждает книга «Америка 70-х». Ее с интересом прочтет советский читатель.

М. ОРЛОВ

Анатолий Манаков «Америка 70-х». Очерки, статьи, корреспонденции. М., «Молодая гвардия», 1978, 160 стр.

Н. Павлова и В. Гордеев.

Н. Бессмертнова и А. Богатырев.

Премьера ГАБТ

БЕЗ ВТОРОСТЕПЕННЫХ РОЛЕЙ

С. САМСОНОВА

Фото Г. СОЛОВЬЕВА

Вот уже более тридцати лет идет на сцене Большого театра балет «Ромео и Джульетта». За эти годы тысячи людей разных поколений, соприкоснувшись с прекрасной музыкой Сергея Прокофьева, воплощенной в драматической хореографии выдающегося советского балетмейстера Л. Лавровского и работах всемирно известных Г. Улановой, М. Плисецкой, Е. Максимовой, М. Габовича, С. Кореня, бережно несут в душе бессмертные образы, созданные гением Шекспира. Они помогают жить, любить, острее воспринимать добро и зло.

Время показывает, что мир трагедии неисчерпаем; Галина Сергеевна Уланова относит секрет неувядаемости балета к музыке Прокофьева, открывающей возможности воссоздания в танце мыслей и чувств шекспировских героев. Именно из этого исходил талантливый советский балетмейстер Ю. Григорович, осуществивший новую постановку «Ромео и Джульетты», премьера которой недавно состоялась в Большом театре.

Ю. Григорович обратился к первозданному музыкальному варианту, включив в партитуру оркестрованные А. Жюрайтисом музыкальные эскизы С. Прокофьева; это открыло новые возможности для углубления танцевальной драматургии, эмоциональной и философской ее выразительности.

И вот раздвинулся занавес. Чуткие руки дирижера повели оркестр, мелодию, спектакль... Зрители, захваченные гармонией танца и музыки, пленяются лучезарностью и силой духа юной Джульетты, влюбленностью и мужеством Ромео... В масштабном хореографическом полотне принципиально четко решены основные моменты борьбы, где силы жизни и света, лучших человеческих чувств противостоят силам вражды и разрушения, авантюризма. В соответствии с общим замыслом высвечены, филигранно отделаны детали. Но об этом думаешь после, а когда смотришь спектакль, все воспринимается слитно, в едином дыхании танца... Ю. Григорович показывает, как неисчерпаемо богаты возможности балетной симфонии. Не минуя сегодняшних усложнений танцевального языка, он поставил спектакль по-настоящему современный, отражающий вечный смысл наших дней — их устремления, их противоречия. Это основная цель хореографии, и она, безусловно, реализована в спектакле.

Сцена из спектакля. А. Годунов — Тибальд (слева).

Быть может, следует оспорить излишне подчеркнутую символику, некоторую мрачность атмосферы за счет поэтического, солнечного начала. Но при всем том слияние музыки и режиссуры, оформления и актерского воплощения несомненны, убедительны. В сущности, Ю. Григорович строит музыкально-хореографическую драматургию ясно, логично и правдиво, сохраняя и одновременно развивая классический танец. Правдивость чувств, на которую опирается музыкальный строй балета С. Прокофьева, именно и делает спектакль современным.

Огромная работа проделана и будет продолжаться на каждом спектакле дирижером А. Жюрайтисом. Впечатляет своеобразное талантливое оформление спектакля художником С. Вирсаладзе.

И на каждом спектакле исполнители заглавных ролей — Н. Бессмертнова и А. Богатырев, Н. Павлова и В. Гордеев — будут рождать своим искусством и своим сердцем вечно живых, вечно юных Джульетту и Ромео.

Большой удачей спектакля являются партии М. Цивина (Меркуцио) и А. Годунова (Тибальд). Их герои неотразимо впечатляющи. Страшен в своей жестокой враждебности Тибальд, полетный же танец Меркуцио — сама жизнерадостная юность, доброжелательство. Их столкновение — одна из кульминационных сцен балета, сделанная смело, вдумчиво, с большим вкусом.

Не хочется называть второстепенными другие роли. Хоть они и меньше по объему, но в каждой свой смысл; каждая несет свой вклад в новую талантливую работу Большого театра.

СБЫЛАСЬ МЕЧТА

Седой шестидесятилетний человек с суровым, изрезанным морщинами лицом говорит медленно, словно взвешивая слова. Его зовут Кладухос Вангелис, он ветеран Компартии Греции, человек героической судьбы. Более четверти века провел Вангелис в тюрьмах и концентрационных лагерях. Его трижды приговаривали к смерти. Вдумайтесь: три смертных приговора в течение одной человеческой жизни, и глухой каменный мешок камеры-одиночки, и выстрелы в выложенном холодными плитами тюремном дворе, где казнят твоих товарищей, и страшное сознание того, что жить осталось лишь ночь, всего только ночь...

— Я мечтал увидеть СССР еще в молодости, но тогда эта мечта казалась чем-то несбыточным, нереальным: шел 1941 год, коричневая чума затопила Европу, фашисты только что оккупировали остров Крит. В числе других участников греческого Сопротивления я был схвачен оккупантами; в тюрьме, что находится близ города Ханья, узнал: Гитлер вероломно напал на Советский Союз. «Теперь вам конец: советский народ переломит хребет и вашей военной машине!» — бросил в лицо гестаповцам мой сосед по камере, патриот-коммунист. Его расстреляли. Моя казнь была назначена через день. Ночью с группой товарищей удалось бежать...

Он продолжает рассказ, и передо мной страница за страницей развертывается волнующая повесть о героической борьбе греческих патриотов-коммунистов против фашистских оккупантов, против тирании и диктатуры. Год 1943-й. Созданный по инициативе КПГ Национально - освободительный фронт (ЭАМ) и его вооруженные силы — Греческая народно-освободительная армия (ЭЛАС) наращивают удары по захватчикам. Боец-подпольщик Кладухос Вангелис, недавно принятый в члены коммунистической партии, участвует в налете на фашистские отряды. Операция проходит успешно, но при отходе несколько патриотов схвачены врагом, их казнь предрешена. Выручают товарищи, организовавшие побег. И вновь борьба против интервентов, напряженные, полные героизма и мужества будни армейского отряда; изматывающие рейды по крутым горным тропам, кровавые стычки с врагом, а в редкие свободные минуты — отдых у радиоприемника, который доносит до уставших бойцов далекий голос Москвы...

Год 1947-й. Британский и американский империализм, используя местную реакцию, навязал Греции братоубийственную гражданскую войну. Патриоты-коммунисты, еще недавно сражавшиеся с гитлеровцами, вынуждены вновь взяться за оружие. Активный участник этой борьбы Кладухос Вангелис схвачен реакционерами, брошен в одиночную камеру тюрьмы-крепости в Акронавплии: угроза смерти вновь — в третий раз!—нависает над ним. Но патриот не сломлен. Он один из организаторов подпольного центра Сопротивления, и в тот день, когда тюремщики выводят на казнь четырех коммунистов, в тюрьме вспыхивает восстание...

— Мы начали эту схватку, вооруженные лишь стальными прутьями от выломанных решеток, к тому же многие заключенные были тяжело больны, измучены пытками. Вызванные тюремной охраной войска зверски расправились с повстанцами. И все же жертвы не были напрасными: о восстании узнали за рубежом, советская общественность, видные прогрессивные деятели многих других стран решительно выступили против расправ с греческими политзаключенными. Это и спасло мне жизнь. И разве только моя судьба такова? В нашей группе греческих коммунистов-ветеранов, приехавших ныне в СССР по приглашению ЦК КПСС, — 14 человек. В общей сложности они провели в заключении ни много ни мало — 222 года! Нас бросали в темницы фашисты, преследовала реакция, нас пыталась уничтожить антинародная хунта «черных полковников». Но и в самые тяжкие, трудные годы мы знали: все честные люди земли солидарны с нашей борьбой, с ней солидарен, ее поддерживает великий советский народ. И это укрепляло нашу веру в победу...

Он с минуту помолчал, задумавшись о чем-то.

— Вот уже на протяжении почти пяти лет Компартия Греции действует легально, после выборов 1977 года одиннадцать ее депутатов вошли в парламент. Коммунисты нашей страны активно борются против засилья иностранных монополий, за единство и укрепление демократических сил, за то, чтобы Греция никогда не вернулась к мрачному прошлому. И сегодня наша борьба нелегка, но Компартия Греции, недавно отметившая свое 60-летие, пользуется могучей поддержкой широких масс трудящихся, и поставленные задачи ей по плечу.

Ныне, как и в минувшие годы, Советская страна, советский народ остаются для нас, греческих коммунистов, вдохновляющим примером бесстрашия, мужества, стойкости в борьбе за свободу. Побывать на родине Октября, своими глазами увидеть Москву, рубиновые кремлевские звезды, свет которых доходил до нас даже сквозь дымы военных пожарищ, — кто из нас не мечтал об этом! И вот эта мечта сбылась: мы в стране, где социализм уже стал реальностью, мы вновь и вновь ощущаем тепло сердец советских друзей. И если бы вы только знали, какую радость испытываем мы от этих встреч и как прибавляют они нам сил для дальнейшей борьбы!

И. ГАПОЧКА

ГДЕ КУПИТЬ КОЛЕНВАЛ...

30 лет я работаю механизатором. За это время вырастил столько хлеба, что хватило бы прокормить целый город.

Партия и правительство высоко оценили мой труд. Я награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и медалями.

Писать о себе меня вынуждает следующее обстоятельство. Я купил автомашину «Запорожец», но не новую. Ее надо было отремонтировать. Мне посоветовали обратиться в «Автосервис» города Волгограда, что я и сделал. К сожалению, прошло уже более восьми месяцев, а машина до сих пор не отремонтирована. Руководители этого предприятия ссылаются на отсутствие запчастей. Утверждают, что коленвалы не поступали к ним ни в 1978 году, ни в 1979 году.

Мне, сельскому механизатору, машина необходима. Мы живем в степи, от города — 200 км, от железнодорожной станции — 25 километров. Я очень прошу помочь мне в ремонте машины, которая находится на станции технического обслуживания Ворошиловского района Волгограда (заказ № 1637, автомашина 83-69 СГГ ЗАЗ-968).

М. БОЛДЫРЕВ,
совхоз «Октябрьский»,
Волгоградская обл.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы рады были бы помочь тов. Болдыреву, но в редакции, к сожалению, нет запасных частей к «Запорожцу». Мы позвонили на станцию техобслуживания. Мастер производства тов. Ногинов любезно ответил нам по телефону, что базовое предприятие за последние восемь месяцев не присылало им запасных частей. Так где же можно купить коленвал?

ЧТО МОГУТ КОРОЛИ?

Захожу в универмаг и сразу попадаю в музыкальный потоп (простите, поток). Слева на меня обрушивается разноголосица магнитофонов и проигрывателей. Им невнятно вторят телевизоры, которым трудно состязаться с многоваттной мощностью магнитофона последней марки. «Все могут короли...» — оповещает он посетителей магазина. И в страхе перед «королевским» могуществом разбегаются покупатели. А музыка ревет и стонет, слов песни не разобрать, но эффект налицо: ошарашенные покупатели иноходью преодолевают участок наиболее интенсивного музыкального обстрела. Перебежками, перебежками, не оглядываясь. Наивные! Разве здесь от музыки убежишь?

...Привожу утверждение психологов: шум, в том числе и музыкальный, вызывает потери нервной энергии.

Никак не пойму, кто и когда распорядился наводнять торговые залы музыкальной какофонией? Торг? Министерство? Нет, не было такого. В одном из магазинов мне пытались объяснить, что включают всю эту разноголосицу, чтобы покупатель выбрал понравившуюся мелодию. Но ведь есть средства индивидуального прослушивания магнитной записи или грампластинки. Ими пользовались задолго до того, как музыкальные отделы стали расти в магазинах, словно грибы после дождя...

...Привожу утверждение социологов: борьба с шумом, в том числе и музыкальным,— это прежде всего проявление уважения к окружающим.

Почему же дирекция некоторых магазинов так снисходительна к тому, что «торговые точки» насквозь пропитаны музыкальным сопровождением? Может, тут кто-то работает над диссертацией «Влияние современной джазовой музыки на увеличение покупательского спроса»? Может, музыкальная начинка торговых залов — нежелание отстать от бродячих «музыкантов», которые с ревущими «магами» в руках наводняют пляжи и лесные поляны?

«Все могут короли!» Чепуха, «ха-ха-ха», как поется в той же королевской песенке. Ничего они не могут. Как, впрочем, и администраторы магазинов. Если появится желание в этом убедиться, зайдите в любой музыкальный магазин или в универмаг с отделом магнитофонов и радиол. Заодно увидите юных королев, принцесс и принцев (в просторечии — продавцы или младшие продавцы). Вот это всемогущий народ, не королям чета!..

К. КОСТИН

P. S. Кроме проверки боем, бывает проверка воем. Я ее не выдержал и убежал из универмага... К. К.

Коэффициент **В**редного **Д**ействия

Рисунок А. Морева

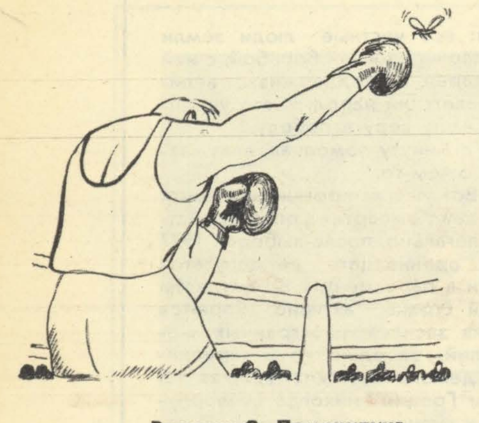
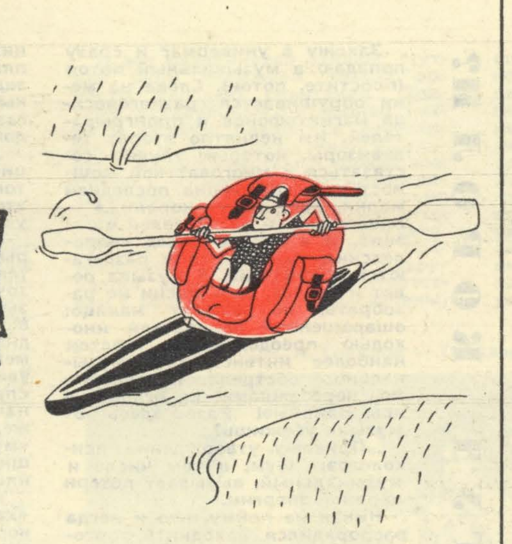

Рисунок О. Помочилина

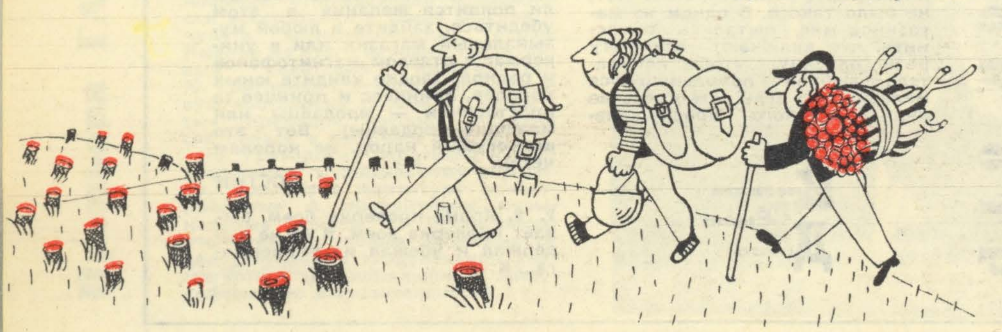

— А ко мне загар почему-то не пристает...

Рисунки В. Тамаева

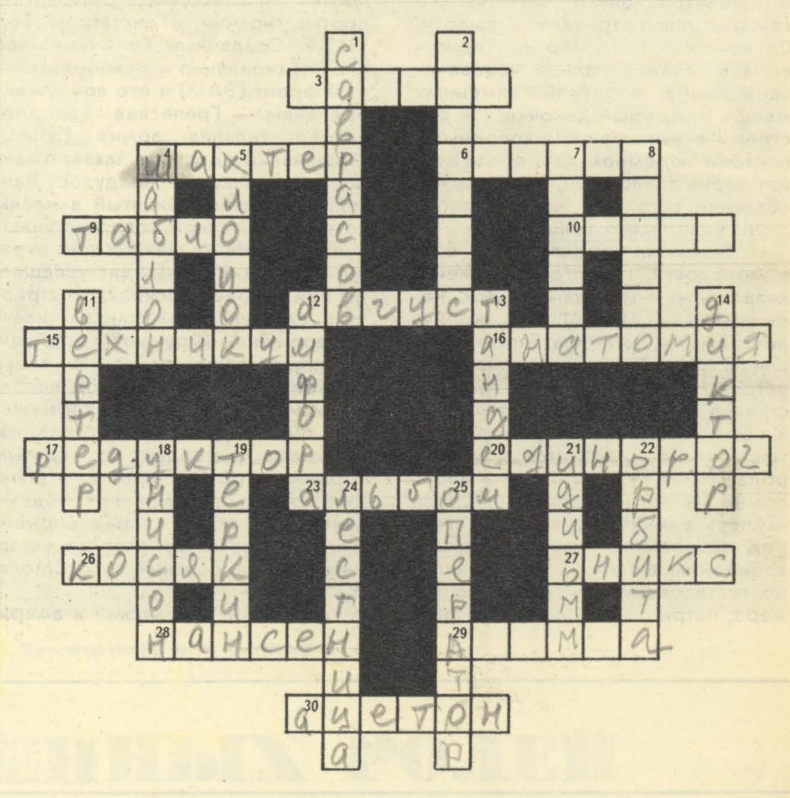
Рисунки О. Ведерникова

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Дерево семейства буковых. 4. Советская футбольная команда. 6. Озеро в РСФСР. 9. Щит со световыми сигналами. 10. Созвездие. 12. Месяц года. 15. Среднее специальное учебное заведение. 16. Наука о форме и строении живого организма. 17. Зубчатая или гидравлическая передача. 20. Старинное русское артиллерийское орудие. 23. Собрание репродукций, фотографий. 26. Стая рыб, птиц. 27. Разновидность агата. 28. Норвежский путешественник. 29. Ряд дугообразных перекрытий. 30. Растворитель в производстве лаков.

По вертикали: 1. Русский живописец-пейзажист. 2. Один из Малых Антильских островов. 4. Образец, трафарет. 5. Волокно для изготовления пряжи. 7. Народный поэт Белоруссии. 8. Город в Швейцарии. 11. Опера Ж. Массне. 12. Античный сосуд. 13. Двухместный велосипед. 14. Работник радио, телевидения. 18. Одновременное звучание нескольких музыкальных звуков. 19. Герой поэмы А. Т. Твардовского. 21. Оборот речи, не переводимый дословно на другой язык. 22. Путь движения планеты, космического корабля. 24. Сооружение в виде ряда ступеней. 25. Один из создателей кинофильма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 7. Русанов. 8. Вокализ. 9. Верстак. 11. Ворскла. 12. Овчарка. 13. Паром. 15. Геоморфология. 18. Штрек. 19. Унаби. 21. Моделирование. 26. Румба. 27. «Торпедо». 29. «Детская». 30. Гравюра. 31. Селитра. 32. Мичурин.

По вертикали: 1. Губарев. 2. Фальконе. 3. Почва. 4. Котко. 5. «Мальчики». 6. «Сиверко». 10. Строфа. 13. Пропеллер. 14. Малиновка. 16. Октод. 17. Габон. 20. Дремов. 22. Ориентир. 23. Институт. 24. Фарадей. 25. Цикорий. 28. Огарь. 29. Давид.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Растет смена. * «Нива» отправляется к хлеборобам.

(См. в номере материал «И доказали!»)
Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лето в Сибири.
Фото Ю. Лушина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 18.06.79. А 07881. Подписано к печати 3.07.79.
Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1491. Заказ № 778.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Семеро в лодке, не считая собаки...

Музорева: — Чем я хуже Яна Смита!

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Старая дуда буржуазной пропаганды.

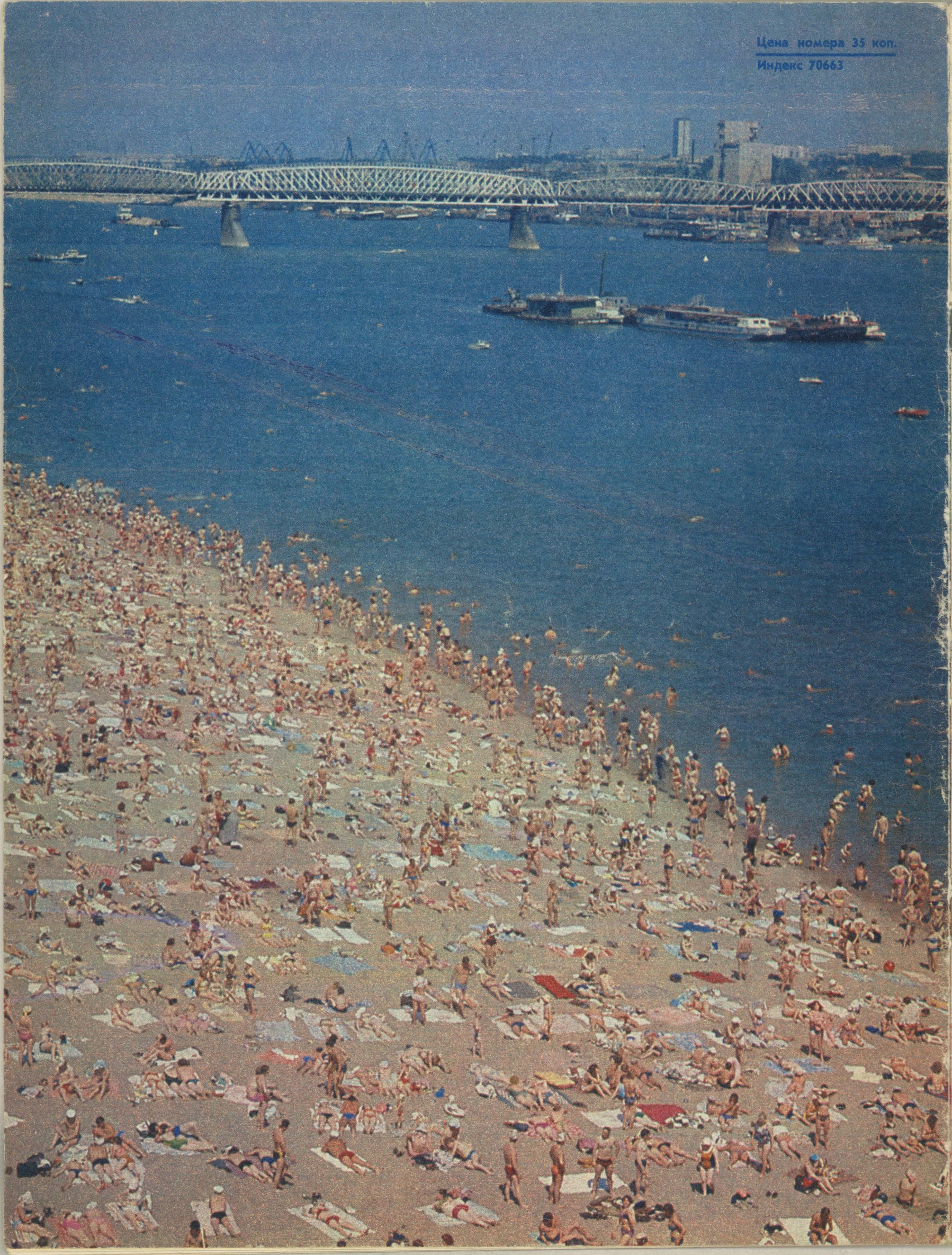

Консервативное правительство Великобритании готовится возобновить с чилийской фашистской хунтой дипломатические отношения на уровне послов.

Из газет.

— Наше вам почтеньице!

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663